

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2024 – 2

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук (НИУ ВШЭ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – (Университет Витовта Великого); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Тутаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ); *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/tsoc/2024.02.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2024 – 2

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *L.D. Gudkov* – Doctor of Philosophical Sciences (HSE University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – (Vytautas Magnus University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University); *E.V. Yakimova* – Candidate of Philosophical Sciences (INION RAN)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ядова М.А. Этносоциальные процессы в современном мире: специфика и направления исследований: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Немировский В.Г. Современная этносоциологическая повестка региональных научных журналов Российской Федерации	13
Казакова А.Ю. Колониализм и деколонизация: обзор работ по современной критической теории (А. Маньелли, С. Наг, К. Лангер и У. Матич)	43
Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г. Социально-культурная и языковая адаптация детей-инофонов в средних школах российского региона (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)	57
Пряжникова О.Н. Народное образование в Швеции и интеграция мигрантов (Обзор)	81
Ядова М.А. Рецензия на кн.: Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США	91

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Почему социологу детства важно изучать историко-педагогические исследования воспитания и социализации советского периода? Рецензия на кн.: Куприянов Б.В., Кудряшев А.В., Арапова П.И. Внешкольные пространства социализации советских школь-	
--	--

ников (социально-педагогическая реконструкция): моно-
графия 98

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С. Куда стре-
мятся экзистенциальные социология, антропология, психо-
логия и психиатрия: критический анализ (Обзор Между-
народного хэндбука Routledge по экзистенциальной
гуманитарной науке. Часть 2) 110

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

Реф. ст.: Ван Цзянюнь, Чжун Реньяо. Качество жизни и клас-
сификация мер защиты одиноких пожилых горожан 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Понамарева А.М. Итоги семинара факультета мировой поли-
тики МГУ им. М.В. Ломоносова «Западные Балканы: “вой-
ны памяти” и построение “биографии государств”» (21
марта 2024 г.) 143

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Ройс Дж. Некоторые замечания об аномалиях самосознания.
Часть 2. (Пер. с англ. В.Г. Николаева) 155

CONTENTS

ISSUE THEME: ETHNO-SOCIAL RESEARCH IN THE XXI CENTURE: ISSUES AND FUTURE DEVELOPMENT

Yadova M.A. Ethno-social processes in the contemporary world: specificity and research directions: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Nemirovsky V.G. A review of the modern ethnosociological agenda in regional scientific journals of the Russian Federation....	13
Kazakova A.Yu. Colonialism and decolonization: a literature review of modern critical theory (A. Magnelli, S. Nag, C. Langer and U. Matić)	43
Trufanov D.O., Vasil'eva O.V., Rafikov R.G. Socio-cultural and linguistic adaptation of foreign language children in secondary schools of the Russian region (based on sociological research in Krasnoyarsk Krai)	57
Pryazhnikova O.N. Popular education in Sweden and integration of migrants (Literature review)	81
Yadova M.A. Book review: Kurilla I.I. Americans and everyone else: the origins and meaning of U.S. foreign policy	91

SOCIOLOGY OF CHILDHOOD

Mayorova-Scheglova S.N., Kolosova E.A. Why is it important for a sociologist of childhood to research historical and pedagogical studies of upbringing and socialization of the Soviet period? Book review: Kupriyanov B.V., Kudryashev A.V., Arapova P.I. Extracurricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren (socio-pedagogical reconstruction)	98
--	----

EXISTENTIAL HUMAN SCIENCE

- Davydenko V.A., Andrianova E.V., Chernenko A.S. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 2) 110

SOCIOLOGY OF AGEING

- Article summary: Wang Jian-yun, Zhong Ren-yao. On the health-related quality of life and classified social security system of older adults living alone in urban community 139

SCIENTIFIC LIFE

- Ponamareva A.M. Results of the workshop of the Faculty of world politics of Moscow state university named after M.V. Lomonosov «Western Balkan: “memory wars” and construction of “biography of states”» (March 21, 2024) 143

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

- Royce J. Some observations on the anomalies of self-consciousness. Part 2 (Translated from English by V.G. Nikolaev)..... 155

**ТЕМА НОМЕРА:
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМАТИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.01

ЯДОВА М.А.* ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СПЕЦИФИКА И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. В современном мире, раздираемом множеством конфликтов, этносоциальные вопросы приобретают особую остроту. В работе рассматриваются актуальные для XXI в. проблемы не только мононациональных, но и многонациональных государств (в том числе России), отличающихся разнообразием языков, этносов, традиций и культур.

Ключевые слова: этносоциальные процессы; этносоциология; современность; междисциплинарный подход.

Для цитирования: Ядова М.А. Этносоциальные процессы в современном мире: специфика и направления исследований: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 9–12. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.01

Статья поступила: 25.06.2024.

Принята к публикации: 30.06.2024.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

YADOVA M.A.** Ethno-social processes in the contemporary world: specificity and research directions: introduction to the thematic section

Abstract. The ethno-social questions are particularly acute in today's world, which is torn by a multitude of conflicts. The paper considers the problems relevant for the 21st century not only for mononational, but also for multinational states (including Russia), characterised by a diversity of languages, ethnicities, traditions and cultures.

Keywords: ethno-social processes; ethnosociology; modernity; interdisciplinary approach.

For citation: Yadova M.A. Ethno-social processes in the contemporary world: specificity and research directions: introduction to the thematic section. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 9–12. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.01

Received: 25.06.2024.

Accepted: 30.06.2024.

Этносоциальные процессы, под которыми традиционно подразумеваются социальные процессы, в которые в той или иной мере вовлечены этнические общности и / или индивиды, обычно являются предметом интереса этносоциологов. По мнению специалистов, актуализация этнического фактора в жизни большинства современных стран на рубеже XX–XXI вв. не только дала импульс многочисленным исследованиям этничности и связанных с ней процессов и явлений, но и потребовала пересмотра уже известных подходов, научных выводов, а также конструирования новых концептуальных моделей этносоциальных и этнополитических процессов, механизмов их регулирования [Хунагов, Жаде, 2015]. Сложившиеся в прошлом веке теоретико-методологические подходы к исследованию этих процессов во многом обнаружили свою недостаточность. Мы попытались хотя бы немного заполнить эту

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

исследовательскую лакуну, посвятив указанной проблеме тематический раздел настоящего номера.

Открывают раздел материалы проблемно-теоретического характера. В статье *В.Г. Немировского* исследуется тематический репертуар публикаций этносоциологической проблематики в российских региональных научных журналах в последние годы. Их анализ свидетельствует о широком спектре подобных исследований в нашей стране, основной тематикой которых являются межэтнические взаимодействия, последствия миграционных процессов, вопросы формирования этнической идентичности, социокультурные проблемы развития этносов в регионах страны и др. Автор делает вывод о необходимости расширить тематику подобных исследований для повышения эффективности государственного управления этносоциальными процессами в нашей стране. В свою очередь, в обзоре *А.Ю. Казаковой* анализируется научная литература на тему колониализма и постколониализма, изданная в 2023 г. издательством Springer. Особое внимание автор уделяет современной теории колониализма.

Часть работ посвящена проблеме образования и социализации детей мигрантов. В статье *Д.О. Труфанова, О.В. Васильевой и Р.Г. Рафикова*, основанной на результатах эмпирического исследования, анализируются факторы, которые детерминируют процесс ресоциализации учащихся-инофонов в общеобразовательных школах Красноярского края, а также выделяются основные трудности социокультурной и языковой адаптации детей-инофонов. В обзоре *О.Н. Пряжниковой* представлена проблема народного образования в Швеции и сложности, связанные с интеграцией мигрантов в этой стране.

Наконец, завершает подборку материалов тематического раздела рецензия *М.А. Ядовой* на новую книгу известного российского американиста *И.И. Куриллы* «Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США». Эта работа, представляя собой своеобразный путеводитель по лабиринтам американской идентичности, помогает понять, под воздействием каких факторов сложилась современная американская нация и что формирует внешнюю и внутреннюю политику США. Знакомство с этой книгой дает возможность сравнить общее и особенное в процессе конструирования таких мощных «наций наций» [см., например: Тиш-

ков, 2023; Ferrarotti, 1998], каковыми являются американская и российская нации.

Надеемся, что представленные в настоящем номере работы позволят читателям оценить сложность и комплексность понятий и явлений, связанных с современными этносоциальными процессами в России и за рубежом.

Список литературы

Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. – Москва: ИЭА РАН, 2023. – 69 с.

Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Этносоциальные процессы как объект научного поиска // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 9. – С. 136–142.

Ferrarotti F. The United States: a nation of nations // International journal of politics, culture, and society. – 1998. – Vol. 12, N 1. – P. 187–196.

References

Ferrarotti F. The United States: a nation of nations. *International journal of politics, culture, and society*. – 1998. – Vol. 12, N 1. – P. 187–196.

Khunagov R.D., Zhade Z.A. Etnosocial'nye processy kak ob'ekt nauchnogo poiska [Ethno-social processes as an object of scientific research]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. – 2015. – N 9. – P. 136–142. (In Russian)

Tishkov V.A. *Natsiya natsij: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii* [A nation of nations: on approaches to understanding Russia]. – Moscow: IEA RAN, 2023. – 69 p. (In Russian)

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель исследования – показать степень изученности этносоциологических проблемных ситуаций на материалах эмпирических исследований в статьях, изданных в региональных научных журналах Российской Федерации (2021–2023). Их анализ свидетельствует о широком спектре подобных исследований, которые охватывают межэтнические взаимодействия, последствия миграционных процессов, вопросы формирования этнической идентичности, социокультурные проблемы развития этносов в регионах страны и др. В статье раскрыты эвристические возможности применения количественных и качественных методов в этносоциологических исследованиях, статистических методов обработки и анализа данных. Делается вывод о необходимости расширения тематики подобных исследований для повышения эффективности государственного управления этносоциальными процессами в нашей стране.

Ключевые слова: этносоциологические исследования; региональные научные журналы; этносоциальные процессы в России.

Для цитирования: Немировский В.Г. Современная этносоциологическая повестка региональных научных журналов Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

тура. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 13–42. – DOI:
10.31249/rsoc/2024.02.02

Статья поступила: 23.03.2024.

Принята к публикации: 17.04.2024.

NEMIROVSKY V.G.** A review of the modern ethnosociological agenda in regional scientific journals of the Russian Federation

Abstract. This study aims to illustrate how ethnosociological problem situations are studied in regional scientific journals of the Russian Federation based on empirical research materials published in 2021–2023. Their analysis indicates that there is a wide range of such studies available that cover interethnic interactions, migration processes, issues related to ethnic identity formation, and socio-cultural issues related to the development of ethnic groups within the country's regions. The article reveals the heuristic possibilities of applying quantitative and qualitative methods in ethnosociological research, statistical methods of data processing and analysis. Our study concludes that it is necessary to broaden the scope of such studies in order to enhance the effectiveness of the public administration of ethnosocial processes in our country.

Keywords: ethnosociological research; regional scientific journals; ethnosocial processes in Russia.

For citation: Nemirovsky V.G. A review of the modern ethnosociological agenda in regional scientific journals of the Russian Federation. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 13–42. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.02

Received: 24.03.2024.

Accepted: 17.04.2024.

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

Введение

Актуальность этносоциологических исследований связана с острыми социальными, социокультурными, политическими, социально-экономическими, психологическими и криминальными проблемами, существующими в сфере межэтнических отношений современной России. Они порождены сложным комплексом разноплановых обстоятельств, среди которых: резкие геополитические и демографические изменения в современном мире, активизация миграционных процессов, наличие нерешенных территориальных вопросов. Ситуация усугубляется существованием разногласий в интерпретации исторических событий, религиозными конфликтами, использованием различными политическими силами национальных факторов для достижения своих целей. Положение в этой сфере осложняется также санкционными действиями ряда стран «коллективного Запада» в отношении Российской Федерации. Серьезно сказывается отсутствие в нашей стране эффективного государственного управления межэтническими отношениями на различных уровнях.

Поэтому неслучайным является активное обращение отечественных ученых к этносоциологической проблематике. Результаты многочисленных исследований как теоретического, так и эмпирического характера, публикуются не только в центральных (издающихся в Москве и Санкт-Петербурге)¹ научных журналах, но и, как будет показано ниже, в немалом числе региональных, которые относятся к различным отраслям социогуманитарного знания. Безусловно, существенную роль в высокой популярности региональных научных журналов играет их большая публикационная доступность для авторов по сравнению с теми, что издаются в Москве и Санкт-Петербурге.

Проблема нашего исследования – противоречие между значительным количеством эмпирических научных статей по этносоциологической проблематике, опубликованных в последние годы в региональных научных журналах Российской Федерации, с одной

¹ Публикации в зарубежных изданиях не относятся к предмету данной статьи.

стороны, и недостаточной изученностью ряда острых этносоциальных ситуаций в регионах страны – с другой.

Цель исследования – рассмотреть степень изученности этносоциологических проблемных ситуаций на материалах эмпирических исследований в статьях, изданных в региональных научных журналах России (2021–2023).

Межэтнические взаимодействия в контексте миграционных процессов

Значительная часть рассмотренных нами публикаций посвящена проблемам межэтнических взаимодействий. Так, опираясь на результаты этносоциологического исследования, проведенного в 2023 г., А.И. Минеев и соавторы анализируют проблемы межэтнического взаимодействия в республиках Марий Эл, Мордовия и в Ульяновской области, среди населения которых преобладают русские и представители финно-угорских народов [Национальные меньшинства ... , 2023].

Во всех трех изучаемых регионах большая часть опрошенных (800 молодых людей, проживающих в региональных столицах: Йошкар-Оле, Саранске, Ульяновске) идентифицировала себя как русских. Результаты исследования показали, что в республиках Марий Эл и Мордовия, несмотря на их национальный статус, зафиксирован наибольший процент этнически однородных семей, причем в Ульяновской области их доля существенно ниже. Подавляющее большинство опрошенных не видят оснований для межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Авторы приходят к заключению, что «отсутствие явной конфликтности определяется в первую очередь традиционным исторически обусловленным тесным взаимодействием и контактами соседствующих друг с другом регионов европейской России» [Национальные меньшинства ... , 2023, с. 217–218].

Важным конфликтогенным фактором в межнациональных отношениях является усиление миграции, как внутренней, так и межстрановой. Отчасти это связано с тем, что миграционные потоки в России приводят к большему включению в социокультурный ландшафт страны исламской традиции. В статье Н.С. Тимченко и С.В. Мироновой приведены результаты интервью с врачами-

мусульманами разных медицинских специальностей. Показано, что существует двусторонний процесс: с одной стороны, выражение религиозно-ориентированных запросов к системе оказания медицинской помощи со стороны верующих пациентов, с другой – возникновение религиозной мотивации в профессиональном поведении медицинских специалистов [Тимченко, Миронова, 2023].

На наш взгляд, особый практический интерес представляют выявленные в процессе исследования ограничения в действиях некоторых врачей мусульманского вероисповедания, как они их сами себе представляют, и способы преодоления возникающих противоречий между религиозными убеждениями и профессиональными требованиями. Например, авторы зафиксировали следующие ограничения: «...Врач-офтальмолог указала на то, что во время обучения отказывалась от посещения с ознакомительной целью абортария. Врач-невролог указала на неприемлемость специализации акушера-гинеколога для мужчин, как и уролога – для женщин. Также рассказала, что в ее операционные процедуры при постановке диагноза входит прикосновение к чужому телу, но она внимательно следит за тем, чтобы не выходить за четко определенные границы, а прощупывание осуществляет в перчатках. Врач-терапевт призналась, что не всегда готова слушать дыхание на обнаженном теле, предпочитая делать это через одежду или внимательно расспрашивая пациента мужского пола о самочувствии» [Тимченко, Миронова, 2023, с. 6]. В заключение отмечается, что для современного российского общества возникла дилемма: выигрывает или испытывает угрозы система оказания помощи, основанная на биомедицинской модели, от присутствия во все большем количестве в ней врачей-мусульман?

В статье А.А. Корякиной рассматриваются вопросы неформальной межкультурной коммуникации и предлагаются подходы к их решению, причем акцент делается на ситуации глобализации, которая, по мнению автора, «является неотъемлемой чертой современной социальной действительности» [Корякина, 2023]. Мы полагаем, что попытка актуализировать необходимость анализа неформальной межкультурной коммуникации, опираясь на процесс глобализации, вызывает серьезные сомнения, ибо последняя, согласно ряду обоснованных точек зрения, еще в 2008–2010 гг. во многом «конкурирует» с процессами глокализации. Тем более, что

в настоящее время ситуация в мире стала еще более неоднозначной. Хотя в аннотации указанной статьи заявлено, что будут показаны перспективы решения проблем межэтнических разногласий в современных условиях новых глобальных угроз и вызовов, найти их в тексте, увы, не удалось (как и конкретного упоминания самих этих вызовов). Статья содержит довольно банальные, на уровне здравого смысла, предложения о том, как оптимизировать неформальную межкультурную коммуникацию, например: «лучший способ здоровой неформальной межкультурной коммуникации – противодействие расизму и дискриминации с активной пропагандой нерасистской политики. Это поможет предотвратить любые неловкие ситуации, которые могут привести к серьезным проблемам» [Корякина, 2023, с. 125].

Все чаще в работах региональных ученых этничность анализируется как стигма. К числу подобных работ относится статья Л.Е. Бляхера и его коллег [Бляхер, Ковалевский, Леонтьева, 2023]. Проблемной ситуацией, рассматриваемой в публикации, является образ мигранта, складывающийся в последние годы в конкретном регионе нашей страны, специфика его восприятия со стороны местного населения, идентификация с этим образом конкретных групп жителей дальневосточных территорий [там же, с. 165]. Эмпирическая база работы – анализ ряда региональных СМИ и 21 интервью с респондентами, прибывшими в разное время в Хабаровский край.

В ходе исследования было установлено, что «имеет место проекция “двойного отчуждения”, в рамках которой мигрант – не просто человек, недавно прибывший на данную чужую для себя территорию, в чужое сообщество, но и местными жителями воспринимается как “чужой”. Именно оно выстраивает специфическую идентичность мигранта безотносительно к его самоидентификации, а, порой, и вопреки ей» [Бляхер, Ковалевский, Леонтьева, 2023, с. 165].

Авторы раскрывают социально-психологический механизм, в соответствии с которым это противопоставление выстраивается именно со стороны принимающего сообщества, для значительной части которого формируется образ «мигранта-чужого», репрезентацией которого и выступает этничность, ее внешние, фенотипические проявления. В дальнейшем этот стигматизированный образ

распространяется и на других носителей данных этнических признаков, вполне адаптированных к жизни в местном социуме [Бляхер, Ковалевский, Леонтьева, 2023, с. 177].

В качестве одной из важных предпосылок возникновения межнациональных конфликтов стигматизацию рассматривают С.Е. Туркулец и Е.В. Листопадова [Туркулец, Листопадова, 2023]. На основании теоретических и эмпирических исследований (анкетного опроса отношения студенческой молодежи к мигрантам из ближнего зарубежья) авторы приходят к выводу о том, что стигматизация возникает при несоответствии виртуальной и истинной идентичности. При этом сложность адаптации мигрантов к новой среде опосредована тем фактором, что для них ожидаемые принимающим населением характеристики не являются нормой.

Важные аспекты восприятия мигрантов жителями одного из российских регионов – Челябинской области – анализируются также в статье, подготовленной Е.И. Салгановой и др. [Салганова, Авдашкин, Гафнер, 2021]. Авторы акцентируют внимание на оценке рисков восприятия трансграничных мигрантов, поиске основных индикаторов, на основе которых возможен мониторинг динамики ксенофобских настроений, разработке рекомендаций по совершенствованию миграционной и национальной политики. Эмпирическую базу исследования составили данные этносоциологического опроса, проведенного в апреле – июне 2021 г., а также результаты экспертных интервью (2062 респондентов и 105 экспертов). Показано, что межэтнические отношения в Челябинской области находятся в состоянии скрытой напряженности, во многом вызванной трудностями инкорпорации в принимающее общество выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и КНР.

Исследование Э.М. Айрапетян и Н.Н. Покровской посвящено изучению факторов миграции на примере опыта армянских мигрантов в российском регионе [Айрапетян, Покровская, 2022]. С целью выявления объективных и субъективных факторов миграции из Армении в Вологодскую область, в 2018–2019 гг. было проведено качественное социологическое исследование (методом неформализованного интервью). Его результаты показали, что мигранты связывают причины своего переезда не только с объективными факторами (как экономического, так и политического харак-

тера), но и с субъективными – наличием / отсутствием социальных сетей.

Следует отметить, что, по нашему мнению, перспективным для анализа миграционных процессов выступает концепт «сети мигрантов» (или «миграционные сети»), на который опираются авторы рассматриваемой публикации, понимаемый как совокупность межличностных взаимодействий, которые связывают мигрантов, бывших мигрантов и не мигрантов в районах происхождения и назначения через связи родства, дружбы и совместного сообщества происхождения [Theories of international migration ... , 1993].

Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство мигрантов при принятии решения о выборе страны назначения основываются на наличии подобных сетей, которые выполняют важную функцию в установлении соответствия между спросом и предложением рабочей силы; в ходе личной коммуникации передается информация, не циркулирующая по публичным каналам [Айрапетян, Покровская, 2022, с. 9–10].

В последние годы весьма актуальными являются вопросы миграции в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО). Использование данных региональной статистики, собственных наблюдений, интервью, вторичного анализа социологических данных позволили автору публикации установить противоречивую роль, которую выполняют сегодня иностранные мигранты в регионах Дальнего Востока. С одной стороны, приток иностранных мигрантов в субъекты ДФО в некоторой мере нивелирует негативные тенденции, характерные для большинства дальневосточных регионов: депопуляцию, а также старение и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, с другой – иностранные мигранты на Дальнем Востоке фактически выполняют роль источника пополнения трудовых, а не демографических ресурсов. По большей части мигранты ориентированы на заработок денежных средств и их последующее использование в своей стране, откуда они приехали в Дальневосточные регионы России [Винокурова, Ардальянова, 2023].

Научная и прикладная ценность статьи состоит также в том, что в ней обоснованы и описаны модели, репрезентирующие ос-

новные поведенческие миграционные стратегии иностранных граждан, прибывающих в субъекты ДФО, и дана их количественная оценка:

– модель «рабочего года»: иностранные трудовые мигранты большую часть года проводят в регионах ДФО, уезжая домой на 1–3 месяца в отпуск (36,5%);

– «специфицированная» модель: иностранные трудовые мигранты приезжают на определенную работу, уезжая домой по ее окончании (24,7%);

– «сезонная» модель: иностранные трудовые мигранты приезжают в наиболее благоприятное для заработка время года, на сезон (до 6 месяцев) (18,8%);

– «краткосрочная» модель – иностранные трудовые мигранты приезжают лишь на короткий срок (до 3 месяцев) (10,6%);

– «нециркулярная» модель – иностранные трудовые мигранты практически безвыездно находятся на территории ДФО (9,4%) [Винокурова, Ардальянова, 2023, с. 17].

Авторы справедливо поднимают вопрос о необходимости изучения проблем, затрудняющих «закрепление» мигрантов на постоянное место жительства в дальневосточных регионах. Однако, учитывая, что «большинство иностранных мигрантов, прибывающих в субъекты ДФО – это выходцы из центральноазиатских государств и Закавказья – Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Армении» [Винокурова, Ардальянова, 2023, с. 19], на наш взгляд было бы более целесообразно сосредоточиться на анализе негативных последствий зарубежной миграции в ДФО и разработке эффективной миграционной политики в его регионах.

Безусловно, одной из важнейших проблем современной России остается управление процессами этнической миграции на государственном и региональном уровнях, неэффективность которого вызывает, в числе прочего, серьезные сложности в адаптации мигрантов.

Исследование, проведенное С.В. Рязанцевым и его соавторами, выявило целый ряд проблемных ситуаций, существующих сегодня в политике адаптации мигрантов. Так, в большинстве регионов нет единого ответственного оператора в системе органов власти, отвечающего за адаптацию и интеграцию мигрантов [Рязанцев, Леденева, Мишук, 2023]. Одним из негативных последст-

вий отсутствия эффективного управления этнической миграцией выступает добровольная сегрегация мигрантов, выявленная исследователями на основании опроса экспертов [Рязанцев, Леденева, Мищук, 2023, с. 131]. Большинство экспертов ответили, что нежелание иммигрантов интегрироваться в принимающее сообщество приводит к их обособленности в этнических анклавах с присущими анклавному проживанию деструктивными последствиями: высокая преступность, нарушение прав человека, экстремизм на религиозной и этнической почве. В данной ситуации особую роль принимают на себя диаспоры [там же].

Целью исследования Е.А. Гринченко является анализ региональных миграционных процессов и их особенностей в современных политических реалиях для совершенствования и оптимизации региональной миграционной политики Российской Федерации [Гринченко, 2023]. На основе результатов исследований в статье сформулирован ряд важных практических рекомендаций, реализация которых, как обоснованно полагает автор, позволит нивелировать лакуны региональной миграционной политики современной России:

- ввести культуру отмены на «временный вид на жительство»;
- реализовать кардинально новый миграционный статус – «управляемое пребывание»;
- предоставить возможность получить гражданство тремя способами: общим, упрощенным и специальным;
- модифицировать и унифицировать механизмы контроля и регулирования трудовой миграции;
- создать и внедрить IT-технологии для анализа состояния миграционной политики в стране и организовывать государственный контроль и оказание некоторых государственных услуг в миграционной сфере [там же, с. 174–175].

Проблемы формирования этнической идентичности

Значительное число работ по этносоциологической проблематике, опубликованных в региональных научных журналах, посвящено вопросам формирования идентичности мигрантов.

Несомненный научный интерес представляет статья О.А. Персидской, посвященная анализу форм этнической идентичности у

молодых жителей г. Новосибирска (14–19 лет) и ее взаимосвязи с предпочитаемыми стратегиями межэтнической интеграции [Персидская, 2021]. Автор статьи приходит к обоснованному выводу, согласно которому «для определения трансформаций, произошедших с этнической идентичностью в современных полиэтнических сообществах, скорее допустима метафора не шкалы, а пространства, включающего ее разные формы» [Персидская, 2021, с. 99]. Полученные данные приводят к необходимости модификации представления, согласно которому процесс этнической идентификации можно оценивать по шкале, направленной от нулевого состояния (идентичность не сформирована) к положительному полюсу (идентичность сформирована и выражена). Отнюдь не каждый человек полностью осознает и принимает свою этническую идентичность. Одни люди являются носителями номинальной (расколотой) этнической идентичности, для которых она практически не наполнена личностными смыслами, другие (как представители группы с дистанцированной идентичностью), уходя от этнической категоризации, противопоставляют ее общечеловеческим ценностям.

На основании исследований установлена связь между формой этнической идентичности и предпочитаемыми стратегиями межэтнической интеграции. Стратегии, акцентирующие значимость этнического фактора для жизни полиэтнических сообществ, т.е. культурно ориентированная и интеркультуралистская, оказались востребованы лишь теми, кто имеет наибольшую степень определенности собственной этнической идентичности, ощущает общность со своей этнической группой и позитивные чувства по отношению к ней. Очевидно, что выраженная этническая идентичность объединяет значительный опыт рефлексии по отношению к вопросам, связанным с этничностью. В связи с этим представляется, что ориентированные на подчеркивание этнических особенностей образовательные программы, государственные проекты, мероприятия, проводимые некоммерческими организациями, будут эффективны лишь для тех представителей юношества, у которых этническая идентичность находится в выраженной форме, делает выводы автор [там же, с. 99].

В статье В.Н. Мухи и Э.М. Думновой анализируются адаптационные стратегии иностранных студентов, выходцев из Китая и арабо-мусульманских стран, выявляются определяющие их факто-

ры [Муха, Думнова, 2023]. Научный и прикладной интерес представляет проведенный авторами компаративный анализ адаптационных стратегий представителей двух этнических (скорее, даже этноконфессиональных) групп, в результате которого была определена высокая значимость дистанции культур мигрантов и принимающего сообщества, обуславливающая сценарий адаптации и его результаты. Исследование выявило специфику мотивации представителей этих групп мигрантов. Процесс адаптации обеих групп респондентов осуществляется в транснациональной траектории, но, согласно результатам исследований, «при этом адаптационная модель китайских мигрантов базируется на интеграции, а арабских – на сегрегации. Замещающая идентичность – транснациональная – формируется только у мигрантов из Китая. Информанты из арабо-мусульманских стран сохраняют собственную социокультурную идентичность» [там же, 2023, с. 13].

Исследователи связывают выявленную ими специфику адаптационных стратегий двух групп мигрантов с их культурными особенностями. В частности, тип арабо-мусульманской культуры – полиактивный, в их социокультурной идентичности родовые и доминантные идентификаты преобладают над переменными. Это определяет стремление респондентов к сохранению своей социокультурной идентичности, что порождает сегрегационный сценарий адаптации. «Китайские мигранты представляют реактивную культуру. В их социокультурной идентичности относительно равновесно значение родовых, доминантных и переменных идентификатов. В совокупности эти отличия от первой этнической группы определяют выбор другого сценария адаптации – интеграции», – отмечают авторы статьи [Муха, Думнова, 2023, с. 18].

В результате проведения массового опроса по репрезентативной выборке, а также экспертных интервью и фокус-групп в Республике Саха (Якутия) был выявлен понижающий тренд уровня российской идентичности в период 2020–2022 гг., который в 2022 г. стал в большей степени характерен для русских жителей Якутии. Согласно полученным данным, ключевые идентификаторы российской идентичности схожи с общероссийским уровнем, наиболее значимый объединяющий фактор – общее государство [Арутюнова, 2023]. Показатель российской идентичности выше у русских якутян, чем у саха. Однако снижение уровня российской

идентичности в сравнении с 2021 г. в большей степени наблюдается на подвыборке русского населения республики. Среди саха, напротив, заметен небольшой рост актуализации российской идентичности, который произошел за счет сельских якутов. Согласно гипотезе автора, рост актуализации российской идентичности в этой подвыборке связан с эффектом СВО и ростом ощущения включенности в страновой контекст [Муха, Думнова, 2023, с. 19].

Опрос, проведенный среди студентов Республики Башкортостан в г. Уфе (n=300), выявил высокую степень общероссийской идентичности: подавляющее большинство респондентов ассоциируют себя с гражданами России. Идентичность «своя национальность» играет меньшую роль, но при этом для студентов титульной этнической группы принадлежность к своей национальности имеет заметно большее значение, чем для студентов русской национальности [Габдрафиков, 2022].

По нашему мнению, важное значение полученных результатов состоит в том, что была выявлена сложная структура этнической идентичности молодежи: «примерно каждый восьмой респондент ответил, что имеет двойную этническую идентичность. Еще более многогранна ситуация по языку – около 1/4 опрошенных отметили в качестве родного два или даже три языка» [там же, с. 28].

С этнической идентичностью тесно взаимосвязан феномен идентичности языковой. В частности, в работе Д.Г. Брагиной (основанной в числе прочего на эмпирических данных, среди которых – материалы Всероссийской переписи населения 2010 г., результаты полевых исследований) делается достаточно неожиданный вывод, согласно которому наличие проблемы функционирования якутского языка и его утраты частью городского якутского населения не приводит к утрате якутской идентичности. Напротив, отчасти утрата родного языка лицами якутской национальности, как оказалось, ведет к усилению их этнокультурной идентичности [Брагина, 2022]. В ответ на последствия глобализации в начале XXI в. коренные народы Якутии «начинают производить новые формы этнокультурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры» [там же, с. 16].

Целью статьи Е.А. Шлегель выступает анализ этноязыковых процессов среди немцев Алтая. Согласно ее выводам, язык российских немцев является наиболее уязвимым маркером этнической идентичности. На основе анализа результатов этносоциологического опроса, проведенного в 2020 г., в публикации показана современная этноязыковая ситуация немцев Алтая [Шлегель, 2021]. «С одной стороны, немцы Алтая полагают, что незнание немецкого языка не отнимает у человека права называть себя немцем, а с другой стороны, сильна позиция: только зная немецкий язык, можно понять душу народа, его менталитет и уникальные особенности, ведь язык – это одна из главных составляющих народа», – резюмирует автор [там же, с. 115].

В статье Р.Д. Хунагова и его коллег предпринята попытка доказать, что в Республике Адыгея существуют условия для значительного расширения сферы распространения адыгейского языка: этносоциологические исследования, проведенные в полиэтничной Адыгее, подтвердили значимость роли национального языка в формировании этнокультурной идентичности адыгов, несмотря на существенные трансформации общества в последние десятилетия. Делается заключение, согласно которому адыгейский язык выступает важным и значимым маркером этнокультурной идентичности в регионе [Хунагов, Жаде, Ляушева, 2022]. Вместе с тем, как показано в публикации, «возникают труднопреодолимые проблемы, связанные с вытеснением адыгейского языка из различных сфер и направлений жизни, обусловленные как социально-экономическими реалиями, так и культурными факторами; оттоком сельского населения в города, разным уровнем школьного обучения родному языку» [там же, с. 264].

Безусловно, трудно не согласиться с утверждением М.М. Шахбановой, что национальный (родной) язык является ключевым идентификатором этнической самоидентификации, и его состояние определяет состояние межэтнической сферы: ущемление национального языка, как правило, сопровождается ухудшением межнационального климата, формированием в общественном сознании принципов интолерантности, враждебности и агрессии [Шахбанова, 2022]. В публикации на основе результатов эмпирического исследования сделан вывод о превалировании русского языка как языка межнационального общения во всех соци-

альных сферах современного дагестанского общества. Данное обстоятельство является вполне закономерным, ибо Дагестан – многоязычный регион, в котором существует объективная необходимость в языке межэтнической коммуникации. Одновременно при высокой значимости русского языка наблюдается снижение веса национальных языков народов Дагестана; более того, печатные издания именно на русском языке (книги, журналы, газеты, электронный ресурс), а также социальные сети являются основными источниками получения информации для опрошенного городского населения республики.

Цель статьи А.И. Халиулиной и Э.Ф. Идрисовой заключается в раскрытии факторов, влияющих на сохранение родного языка у малочисленных этнодисперсных групп в полиэтническом регионе. Эмпирической базой статьи выступают данные переписей населения и этносоциологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан среди чувашского населения [Халиулина, Идрисова, 2022]. Авторы приходят к заключению, согласно которому среди чувашского населения высоким остается признание родным языка своей национальности, что отражает уровень этноязыковой идентичности чувашей в республике. По сравнению с представителями других нерусских этнических групп в регионе, у чувашей весьма высока доля владеющих русским языком (99%). Тем самым результаты исследования говорят о высоком уровне как языковой компетенции, так и речевой деятельности чувашей в республике. Рассматривая будущее чувашского языка в этой республике, исследователи приходят к выводу, согласно которому «языковые предпочтения чувашского населения Башкортостана в перспективе видятся в рамках общей тенденции доминирования русского языка» [там же, с. 43].

Авторы региональных журналов при изучении этносоциальных процессов нередко обращаются к анализу современных информационных технологий, которые позволяют человеку поддерживать и конструировать свою этническую идентичность, создавать образ собственной этнической группы. Виртуальная этническая идентичность выступает «продолжением» реальной этнической идентичности; соответственно, в условиях миграции виртуальные сообщества помогают человеку сохранять реальную этническую идентичность, выполняют различные коммуникатив-

ные функции [Мельникова, Кузнецова, Чарина, 2021]. Характерно, что демонстрируемое поведение представителей своей этнической группы для потенциальных мигрантов может служить ролевой моделью, способствовать актуализации миграционных установок.

Статья Е.А. Ерохиной посвящена анализу воспроизводства этнической солидарности в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. В ней ученый решает следующие задачи: во-первых, предлагает классификацию этнических сетей на основании выделения целей и ориентиров мобилизации, во-вторых, фиксирует новые способы их конструирования с использованием инновационных инструментов коммуникации [Ерохина, 2021]. Согласно сформулированному автором выводу, в условиях трансформации глобальной информационной среды усиливается автономия этнических структур самоорганизации.

Объектом и предметом исследования Ю.Г. Волкова и его коллег выступают, соответственно, феномены «цифровой диаспоры» и «цифрового мигранта». Авторы отмечают, что «мигранты стали видеть в социальных сетях решение многих своих, в том числе информационных, проблем, формируя виртуальную идентичность – обретая вместо реальных виртуальные ценности, организуясь в виртуальные сообщества вообще, в виртуальные этнические цифровые диаспоры...» [Мигранты в социальных сетях, 2021]. Целесообразно отметить научную новизну и прикладное значение выводов, сформулированных в данной статье. В значительной мере это связано с использованием авторами понятия «цифровая диаспора», которая, по сути, является сетевым этническим сообществом. Она выступает электронной платформой, позволяющей реализовывать цифровое позиционирование мигрантов в виде виртуальных информационных форм самопредъявления, самовыражения, самоопределения, самооценки и самореференции. Это служит основой виртуальной идентичности мигрантов, цифровые параметры которой придают ей трансграничные и интернациональные черты [там же, с. 26]. При этом цифровая диаспора выполняет еще одну важную социальную функцию – она выступает своеобразным виртуальным этническим мигрантским медиа [там же, с. 27].

Социокультурные проблемы развития этносов в России

Успешность интеграции мигрантов второго поколения в значительной степени определяет ее социокультурный контекст. Трудно не согласиться с мнением Н.С. Ивановой о том, что в России за последние три десятилетия в ряде городов-миллионников сложились районы высокой концентрации мигрантов, ставшие предметом беспокойства со стороны общественности и объектом интереса ученых. Причем негативное влияние проживания в таких местах на интеграцию мигрантов первого поколения в отдельных странах только подогревает дискуссию. Несмотря на существующий интерес к резидентным характеристикам мигрантов первого поколения, интеграция их детей, мигрантов второго поколения, в связи с характеристиками проживания остается вне фокуса отечественных исследований [Иванова, 2023].

В рассматриваемой статье на основе данных интернет-опроса сравниваются две группы мигрантов второго поколения (в возрасте старше 18-ти лет), проживающие: а) в районах с высокой долей мигрантов и б) в прочих районах. В отличие от многих других ученых, опубликовавших статьи по этносоциологической тематике в региональных научных журналах, авторы данной работы использовали статистические методы анализа данных: хи-квадрата Пирсона, U-критерия Манна – Уитни, логистической и линейной регрессии. Установлено, что доходы мигрантов второго поколения, проживающих в местах резидентной концентрации, несмотря на их более низкий уровень образования, не отличаются от доходов мигрантов второго поколения, проживающих в прочих районах. Как предполагает автор, потенциальный разрыв в доходах может преодолеваться за счет доступа к социальному капиталу соседей, поскольку было обнаружено, что мигранты второго поколения из мест резидентной концентрации чаще проживают с дальними родственниками, знают своих соседей по району и находят через них работу [Иванова, 2023, с. 42].

Одной из серьезных социокультурных проблем в современной России становится формирование этнических анклавов на территории различных поселений. В статье Е.А. Гринченко на основе социологического исследования, осуществленного методом контент-анализа публикаций в СМИ, подробно рассматриваются рис-

ки, связанные с формированием этнических анклавов «в условиях дезинтеграции полиэтнического пространства», а также предлагаются меры по «преодолению “деконсолидационных травм” в процессе фундированных интеракций мигрантов и автохтонного общества Российской Федерации» [Гринченко, 2023].

Автор логично проводит аналогии между социальным институтом и этническим анклавом, поскольку последний может выполнять комплекс устойчивых моделей поведения, иметь свои неформальные принципы и нормы, а также выполнять ряд функций в принимающем обществе [Гринченко, 2023]. В публикации отмечено, что «на данный момент в нормативно-правовой практике на законодательном уровне в Российской Федерации не создано единого понятия “этнический анклав”, что впоследствии усложняет как государственное регулирование формирования этнических анклавов, так и возможность применения мер, способствующих социальной и культурной адаптации иностранных граждан». Обоснованно акцентируется необходимость создания новой схемы привлечения иностранной трудовой силы в нашу страну, описываются ее принципы, формулируются конкретные рекомендации, например приглашение зарубежных специалистов исключительно под определенные проекты [там же, с. 137]. В заключение выделены актуальные задачи, которые необходимо решить для предотвращения и нивелирования социальных рисков формирования этнических анклавов [там же, с. 138].

Между тем особые социокультурные риски несут анклавы, которые складываются в сельской местности. Это хорошо показано в статье А.А. Авдашкина и И.И. Фаткулина, в которой рассматривается дискурс об отторжении “другими” пространства в сельских районах Урала. В основе работы лежат этносоциологические исследования, проведенные авторами в 2019–2023 гг. на территории Челябинской и Свердловской областей, а также публикаций медиаресурсов [Авдашкин, Фаткулин, 2023].

Территориальные рамки анализа обусловлены тем, что именно в этих двух регионах размещалось основное количество тепличных комплексов, маркированных как китайские. Ключевым был исследовательский вопрос: как происходит формирование представлений о сельских локациях, отторгнутых у «местных» мигрантами из КНР и Средней Азии. В работе подмечена важная со-

циально-психологическая особенность: теплицы как хозяйственный объект и совокупность социальных отношений маркируются прежде всего этническими категориями – в данном случае «китайскостью» – даже в тех случаях, когда заметную часть рабочих составляют вовсе не китайцы, а мигранты из Средней Азии или местные жители [Авдашкин, Фаткулин, 2023, с. 63]. На наш взгляд, тем самым возникает своеобразная этническая «стигматизация», в поле влияние которой попадают и нынешние работники «китайских» теплиц.

Е.А. Ерохина обратилась к анализу диспропорций регионального развития национальных республик Азиатской России: Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Тыва, Республики Хакасия. Опираясь на данные Росстата и вторичный анализ результатов исследований российских социологов в этих регионах, автор выявила серьезное отставание национальных республик Сибирского и Дальневосточного округов от среднероссийских по качеству жизни [Ерохина, 2023].

В статье сформулирован вывод о сохранении в национальных республиках Азиатской России инерционного сценария регионального развития [Ерохина, 2023, с. 26]. Между тем, по мнению автора, перед лицом новых вызовов требуется изменение и самого сценария, и механизмов управляющего воздействия. «Все субъекты Азиатской России отличаются активностью своих политических элит. Однако элиты национальных республик традиционно предъявляют федеральному центру особые требования, связанные с возможностью реализовать право народов соответствующих субъектов, в первую очередь титульных и коренных малочисленных народов, на обеспечение условий для этнического развития...», – пишет Е.А. Ерохина [там же]. При этом важно учитывать, что рост качества жизни позволит удержать в национальных регионах русское население.

Низкое качество жизни населения многих этнических регионов Российской Федерации негативно сказывается на его социальном самочувствии. Не случайно в ряде публикаций ставится вопрос о важности его изучения.

Так, в работе Е.Г. Маклашовой обоснована необходимость совершенствования методологии изучения социального самочувствия уникальных социальных групп – коренных малочисленных

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. На основе анализа комплекса подходов автором установлено, что изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера Якутии должно проводиться не только с точки зрения учета эмоциональных, социально-экономических, но и прежде всего этнокультурных показателей [Маклашова, 2021]. Сложно не согласиться с выводом, что уровень социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера во многом взаимосвязан и обусловлен степенью устойчивости таких факторов, как язык, территория проживания (земля, природа), культура, традиции и обычаи, традиционный образ жизни и хозяйственная деятельность, родовая община, социальное обеспечение, этническая идентичность, экология территорий проживания.

Важной социокультурной характеристикой этносоциальных процессов выступает ценностно-нормативная система представителей различных национальностей. Поэтому весьма актуальной, по нашему мнению, является исследование, представленное в статье Е.А. Шекера [Шекер, 2023]. Его цель – проанализировать феномен правового плюрализма в Республике Дагестан (его формирование и функционирование, начиная с вхождения в состав Российской империи, а также современную ситуацию) и на основе анкетного опроса выявить некоторые элементы функционирования правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге. К подобным элементам автор относит способы, которыми защищают свои интересы выходцы из Республики Дагестан, отношение к закону, факторы, влияющие на их поведение в Санкт-Петербурге, мнение о девиантном поведении земляков.

Характерно следующее: только 35,8% опрошенных указали, что не замечали проявлений девиантного поведения земляков, однако в качестве наиболее весомых проблем указывались вызывающее поведение (52,1%) и сексуальная распущенность (41,7%), прямое следствие ослабления первичного социального контроля в анонимном пространстве крупного города, в котором оказались выходцы из горной республики [Шекер, 2023, с. 157]. Было установлено, что за основу поведения большинство респондентов (46,5%) принимает общечеловеческие нормы морали; законы Российской Федерации оказались ниже (12,9%), чем религиозные нормы (22,8%), почти каждый десятый опрошенный в качестве

основы поведения указал обычаи и традиции своего народа (9,2%) [Шекер, 2023, с. 159]. С учетом национально-психологических особенностей молодых мигрантов в статье сделан вывод о необходимости усиливать социальный контроль, основанный на внутригрупповой репутации.

Большой интерес для социальных наук и практики представляет исследование, представленное в статье Л.В. Клименко и Р.Т. Алкесова, которые на основании этносоциологических обследований рассматривают феномен несовпадения социетального содержания экономических ценностей этнотерриториальных подгрупп молодежи Юга России [Клименко, Алкесова, 2023]. В 2020 г. в пяти субрегионах Юга России: Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана методом онлайн-анкетирования было опрошено 2670 студентов, в 2010 г. респондентами были 556 студентов вузов Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии. Согласно полученным выводам, за десять лет выросло ценностное одобрение принципов рыночной экономики. В то же время «увеличиваются показатели одобрения молодежью регулирования экономики со стороны государства, а также относительно невысока нацеленность на конкуренцию в личных экономических стратегиях. Это особенно заметно среди студентов вузов Северного Кавказа. Среди республиканской молодежи также немного больше выражены патерналистские ценности» [там же, с. 15]. Очевидно, что выявленное авторами статьи несовпадение социетального содержания экономических ценностей этнотерриториальных подгрупп молодежи Юга России может препятствовать эффективному экономическому развитию и макроуровневой интеграции региона.

Ф.Г. Сафин и его соавторы исследовали специфику трудовых мотиваций представителей основных национальностей, живущих в Республике Башкортостан: русских, башкир и татар [Сафин, Ишемгулов, Кульшарипов, 2021]. Они считают, что несмотря на развитие рыночной экономики, большая прослойка населения, вне зависимости от национальности, предпочитает работать в государственных предприятиях, число которых за эти годы существенно сократилось. Вместе с тем растет доля респондентов, кто хочет заниматься предпринимательством и работать «на себя». В публикации представлены эмпирические данные, которые сви-

детельствуют об определенной специфике различных видов трудовых мотиваций у респондентов – башкир, татар, русских и «представителей других национальностей». К сожалению, в работе отсутствует попытка объяснить эту специфику.

Заключение

Итак, современные статьи региональных научных журналов Российской Федерации, основанные на эмпирических исследованиях по этносоциологической тематике, посвящены анализу как минимум следующих основных групп актуальных проблем:

- межэтнические взаимодействия в контексте миграционных процессов;
- вопросы формирования этнической идентичности;
- социокультурные проблемы развития этносов в регионах Российской Федерации.

Немало из проанализированных нами статей опубликованы в непрофильных (по отношению к социологии) научных журналах, как правило, в соответствии со спецификой представленного в них исследования: регионоведческих, философских, политологических, культурологических, исторических, экономических, психологических, изданиях по менеджменту, медицине. Нельзя не отметить достаточно высокий научный уровень немалой части работ по этносоциологической тематике. При этом наукометрические показатели ряда журналов, в которых они опубликованы, зачастую несколько ниже, чем у тех, которые издаются в Москве и Санкт-Петербурге.

Следует обратить внимание на широкий спектр методов сбора и анализа эмпирических данных, которые использовали авторы рассмотренных нами публикаций в региональных журналах. Применяются как качественные, так и количественные методы исследования: неформализованное интервью с респондентами, экспертное, фокус-групповое интервью, наблюдение, анкетный опрос, в том числе онлайн-анкетирование, вторичный анализ социологических исследований, метод контент-анализа публикаций в СМИ и медиаресурсов, анализ данных государственной и региональной статистики, материалы Всероссийской переписи населения 2010 г.

Отдельные авторы использовали (хотя в целом среди рассмотренных нами статей это встречается неоправданно редко) статистические методы анализа данных, например, методы хи-квадрата Пирсона, U-критерия Манна – Уитни, логистической и линейной регрессии. Вне сферы внимания исследователей рассматриваемых публикаций остались не только методы современной цифровой социологии, но даже факторный и кластерный анализ. Безусловно, все это снижает обоснованность и научную ценность полученных результатов. При этом большинство статей имеют необходимые теоретические обоснования.

На основании осуществленного нами анализа можно сделать обобщенный вывод: к числу существенных факторов, усложняющих этносоциальную ситуацию в регионах страны, относится несбалансированная государственная национальная политика. Ю.В. Попков, проанализировав ситуацию на примере Республики Тыва, пишет, что «фундаментальные для Стратегии государственной национальной политики проблемы, касающиеся концептов российской нации и этнокультурного многообразия с их акцентом на идентичность, оказались ограниченными и недостаточно проработанными...». По его мнению, «...слабым местом Стратегии является отсутствие должного внимания к региональным особенностям этносоциального развития и игнорирование задачи по выделению базисных региональных моделей национальной политики. Установка на внедрение единых стандартов без учета регионального своеобразия формализует практическую работу и определяет формирование модели централизации национальной политики как доминирующей» [Попков, 2020, с. 253].

Таким образом, анализ статей в региональных социологических журналах, в основе которых лежат результаты эмпирических исследований, свидетельствует о необходимости совершенствования всех уровней управления этносоциальными процессами в нашей стране. В связи с этим представляется важным расширение тематики подобных публикаций, более активное применение современных статистических методов в этносоциологических исследованиях.

Список литературы

- Авдашкин А.А., Фаткулина И.И.* «Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях»: мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – № 3. – С. 63–72. – DOI: 10.24866/1998-6785/2023-3/63-72
- Айрапетян Э.М., Покровская Н.Н.* Фактор миграции на постсоветском пространстве (опыт армянских мигрантов в Вологодской области) // Социальное пространство. – 2022. – Т. 8, № 2. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29296> (дата обращения: 21.02.2023). – DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.8
- Арутюнова Е.М.* Российская гражданская идентичность в региональном контексте: кейс Республики Саха (Якутия) // Respublica Literaria. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 114–125. – DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125
- Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В., Леонтьева Э.О.* Этничность как стигма: взаимодействие волн миграции на Дальнем Востоке России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 76. – С. 163–181. – DOI: 10.17223/1998863X/76/16
- Брагина Д.Г.* О современных факторах идентичности якутов на рубеже XX–XXI вв. // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 12–17. – DOI: 10.31483/г-103550
- Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю.* Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – № 4. – С. 11–22. – DOI: 10.24866/1998-6785/2023-4/11-22
- Габдрафиков И.М.* Идентичность, этнополитические воззрения и жизненные ориентиры современной студенческой молодежи (на примере Республики Башкортостан) // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 24–29.
- Гринченко Е.А.* Региональная миграционная политика: актуальные проблемы и современные тенденции // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 173–191. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.13
- Гринченко Е.А.* Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 122–139. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.10
- Ерохина Е.А.* Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России) // Society and security insights. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 13–30. – DOI: 10.14258/ssi(2023)4-01
- Ерохина Е.А.* Этнокультурные сообщества в глобальной информационной среде: российский контекст // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 88–100. – DOI: 10.25205/2541-7517-2021-19-2-88-100
- Иванова Н.С.* Влияние мест резидентной концентрации мигрантов на интеграцию мигрантов второго поколения в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 16 (1). – С. 42–60.

Клименко Л.В., Алкесов Р.Т. Социетальное содержание экономических ценностей студенческой молодежи Юга России // *Caucasian science bridge*. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 8–17. – DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.1

Корякина А.А. Неформальная межкультурная коммуникация: основные проблемы // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Экономика. Социология. Культурология*. – 2023. – № 4. – С. 121–127. – DOI: 10.25587/2587-8778-2023-4-121-127

Маклашова Е.Г. Этнокультурные факторы и их роль в современной жизни коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (на материалах социологических исследований эвенков Южной Якутии) // *Россия и АТР*. – 2021. – № 4. – С. 42–52. – DOI: 10.24412/1026-8804-2021-4-42-52

Мельникова Н.М., Кузнецова С.А., Чарина Е.В. Виртуальный мир как способ сохранения и формирования этнической идентичности в условиях миграции // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия Педагогика. Психология. Философия*. – 2021. – № 4 (24). – С. 118–125.

Мигранты в социальных сетях: уход от реальности или порождение новой цифровой реальности / Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Дюжиков С.А., Люев А.Х. // *Гуманитарий Юга России*. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 19–30. – DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.1

Муха В.Н., Думнова Э.М. Стратегии социокультурной адаптации образовательных мигрантов в российских вузах как основа формирования новых видов идентичности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 13–21.

Национальные меньшинства тюркских народов и межэтническое взаимодействие в республиках Мордовия и Марий Эл, Ульяновской области: этносоциологическое исследование / Минеев А.И., Минеева Е.К., Иванова Т.А., Старостин А.Н. // *Вестник Марийского государственного университета. Серия Исторические науки. Юридические науки*. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 213–222. – DOI: 10.30914/2411-3522-2023-9-3-213-222

Персидская О.А. Формы этнической идентичности и стратегии межэтнической интеграции юношества в городском сообществе: анализ результатов исследования // *Respublica Literaria*. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 85–103. – DOI: 10.47850/RL.2021.85-103

Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // *Новые исследования Тувы*. – 2020. – № 3. – С. 253–268.

Рязанцев С.В., Леденева В.Ю., Мищук С.Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. – 2023. – № 16 (1). – С. 104–116.

Салганова Е.И., Авдашкин А.А., Гафнер Н.А. Миграция на Южный Урал и межэтнические отношения // *Власть и управление на Востоке России*. – 2021. – № 4 (97). – С. 154–164.

Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Кульшарипов Ф.Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 4 (53). – С. 20–27. – DOI: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-20-27

Тимченко Н.С., Миронова С.В. Ислам и современная медицина: микросоциологический анализ // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. – 2023. – № 4. – С. 5–10. – URL: <https://icjournal.ru/icjournal/article/view/648> (дата обращения: 21.02.2023).

Туркулец С.Е., Листопадова Е.В. Социальная стигматизация мигрантов как предпосылка этнонациональных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 12. – С. 83–88. – DOI: 10.23672/SAE.2023.14.48.023

Халиуллина А.И., Идрисова Э.Ф. Сохранение родных языков у малочисленных национальностей в полиэтничном российском регионе (на примере чувашского населения в Башкортостане) // Социолингвистика. – 2022. – № 1. – С. 37–46.

Хунагов Р.Д., Жаде З.А., Ляушева С.А. Язык как маркер этнокультурной идентичности в Республике Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 259–264. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264

Шахбанова М.М. Языковые установки городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 265–271. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271

Шекера Е.А. Правовой плюрализм в Республике Дагестан: некоторые особенности правового габитуса дагестанской молодежи, живущей в Санкт-Петербурге // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 148–165. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.12

Шлегель Е.А. Этноязыковые процессы у немцев Алтайского края (по результатам этносоциологического опроса 2020 года) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2021. – № 48. – С. 110–115. – DOI: 10.37386/2413-4481-2021-3-110-115

Theories of international migration: a review and appraisal / Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. // Population and development review. – 1993. – N 19. – P. 431–466. – DOI: 10.2307/2938462

References

Ajrapietyan E.M., Pokrovskaya N.N. Migration factors in the Post-Soviet space (experience of Armenian migrants in the Vologda oblast). [Faktor migracii na postsovet'skom prostranstve (opyt' armyanskix migrantov v Vologodskoj oblasti)]. *Social'noe prostranstvo* [Social area]. – 2022. – Vol. 8, N 2. – DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.8. – URL: http://socialarea-journal.ru/article/29296?_lang=en (accessed: 21.02.2024). (In Russian)

Arutyunova E.M. E'tnichnost' kak stigma: vzaimodejstvie voln migracii na Dal'nem Vostoke Rossii [Russian civic identity in a regional context: case of the Re-

public of Sakha (Yakutia)]. *Respublica Literaria*. – 2023. – Vol. 4, N 4. – P. 114–125. – DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125 (In Russian)

Avdashkin A.A., Fatkulina I.I. “Oni sazhali alyuminievyy`e ogurcy na brezentovy`x polyax”’: migranty` iz Srednej Azii i KNR v sel’skix rajonax Urala” [“They planted aluminum cucumbers in tarpaulin fields”’: migrants from Central Asia and China in rural Urals]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional researches]. – 2023. – N 3. – P. 63–72. – DOI: 10.24866/1998-6785/2023-3/63-72 (In Russian)

Bliakher L.E., Kovalevskii A.V., Leont`eva, E.O. E`tnichnost` kak stigma: vzaimodejstvie voln migracii na Dal`nem Vostoke Rossii [Ethnicity as a stigma: interaction of migration waves in the Russian Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science]. – 2023. – N 76. – P. 163–181. – DOI: 10.17223/1998863X/76/16 (In Russian)

Bragina D.G. O sovremenny`x faktorax identichnosti yakutov na rubezhe XX–XXI vv. [About modern factors of Yakut identity at the turn of the XX–XXI centuries]. *E`tnicheskaya kul`tura* [Ethnic culture]. – 2022. – Vol. 4, N 3. – P. 12–17. – DOI: 10.31483/r-103550 (In Russian)

Erokhina E.A. Disproporcii v razvitii nacional`ny`x respublik Rossii v ocenках rossijskix sociologov: e`tnosocial`ny`j aspekt (na primere Aziatskoj Rossii) [Disproportions in the development of the national republics of Russia in the assessments of Russian sociologists: the ethnosocial aspect (using the example of Asian Russia)]. *Society and security insights*. – 2023. – Vol. 6, N 4. – P. 13–30. – DOI: 10.14258/ssi(2023)4-001 (In Russian)

Erokhina E.A. E`tnokul`turny`e soobshhestva v global`noj informacionnoj srede: rossijskij kontekst [Ethnocultural communities in the global information environment: Russian context]. *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian journal of philosophy]. – 2021. – Vol. 19, N 2. – P. 88–100. (In Russian)

Gabdrifikov I.M., Kuzeev R.G. Identichnost`, e`tnopoliticheskie vozzreniya i zhiznenny`e orientiry` sovremennoj studencheskoj molodezhi (na primere respubliki Bashkortostan) [Identity, ethno-political views and life orientations of modern student youth (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Istoricheskij byulleten`* [Historical bulletin]. – 2022. – Vol. 5, N 6. – P. 24–29. (In Russian)

Grinchenko E.A. Regional`naya migracionnaya politika: aktual`ny`e problemy` i sovremenny`e tendencii [Regional migration policy: current problems and current trends]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. – 2023. – Vol. 12, N 6. – P. 173–191. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.13 (In Russian)

Grinchenko E.A. Social`ny`e riski formirovaniya e`tnicheskix anklavov [Social risks of forming ethnic enclaves]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the south of Russia]. – 2023. – Vol. 12, N 3. – P. 122–139. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.10 (In Russian)

Ivanova N.S. Vliyanie mest rezidentnoj koncentracii migrantov na integraciyu migrantov vtorogo pokoleniya v Rossii [The effect of residential concentration of migrants on the integration of second generation migrants in Russia]. *Zhurnal Sibirskogo*

federal'nogo universiteta. Gumanitarny'e nauki [Journal of Siberian federal university. Humanit. soc. sci.]. – 2023. – N 16 (1). – P. 42–60. (In Russian)

Khaliulina A.I., Idrisova E.F. Soxranenie rodnny'x yazy'kov u malochislenny'x nacional'nostej v polie' tnicheskom rossijskom regione (na primere chuvashskogo naseleeniya v Bashkortostane) [Preservation of native languages among small nationalities in a multiethnic Russian region (on the example of the Chuvash population in Bashkortostan)]. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. – 2022. – N 1. – P. 37–46. (In Russian)

Khunagov R.D., Zhade Z.A., Lyausheva S.A. Yazy'k kak marker e'tnokul'turnoj identichnosti v Respublike Adygeya [Language as a marker of ethno-cultural identity in the Republic of Adygea]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski* [State and municipal management. Scholar notes]. – 2022. – N 2. – P. 259–264. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264 (In Russian)

Klimenko L.V., Aleksov R.T. Societal'noe sodержanie e'konomicheskix cenostej studencheskoj molodezhi Yuga Rossii [Societal content of economic values of student youth in the South of Russia]. *Caucasian science bridge* [Caucasian science bridge]. – 2023. – Vol. 6, N 1. – P. 8–17. – DOI: 10.18522/2658–5820.2023.1.1 (In Russian)

Koriakina A.A. Neformal'naya mezhkul'turnaya kommunikaciya: osnovny'e problemy' [Informal intercultural communication: problematic issues]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova* [Bulletin of North-Eastern federal university. Series “Economics. Sociology. Culturology”]. – 2023. – Vol. 4. – P. 121–127. – DOI: 10.25587/2587–8778–2023–4–121–127 (In Russian)

Maklashova E.G. Etnokul'turnye faktory i ih rol' v sovremennoj zhizni korennyh malochislennyh narodov Severa Respubliki Saha (Yakutiya) (na materialah sociologicheskix issledovaniy evenkov Yuzhnoj Yakutii) [Ethnocultural factors and their role in modern life of the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) (sociological studies of the Evenks of South Yakutia)]. *Rossiya I ATR* [Russia and ATR]. – 2021. – N 4. – P. 42–52. – DOI: 10.24412/1026-8804-2021-4-42-52

Melnikova N.M., Kuznetsova S.A., Charina E.V. Virtual'ny'j mir kak sposob soxraneniya i formirovaniya e'tnicheskoj identichnosti v usloviyax migracii [The virtual world as a way to preserve and form ethnic identity in the context of migration]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Filosofiya* [Vestnik of North-Eastern federal university. Pedagogics. Psychology. Philosophy]. – 2021. – N 4. – P. 118–125. – DOI: 10.25587/2587-8778-2023-4-121-127 (In Russian)

Migranty' v social'ny'x setyax: uhod ot real'nosti ili porozhdenie novoj cifrovoj real'nosti [Migrants in social networks: escape from reality or spawning a new digital reality] / Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Dyuzhikov S.A., Lyuev A.X. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the south of Russia]. – 2021. – Vol. 11, N 5. – P. 19–30. – DOI: 10.18522/2227–8656.2021.5.1 (In Russian)

Mukha V.N., Dumnova E.M. Strategii sociokul'turnoj adaptacii obrazovatel'ny'x migrantov v rossijskix vuzax kak osnova formirovaniya novy'x vidov identichnosti [Sociocultural adaptation strategies of educational migrants as the basis for the formation of new types of identity]. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo univer-*

siteta imeni V.I. Vernadskogo Sociologiya. Pedagogika. Psixologiya [Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Sociology. Pedagogy. Psychology]. – 2023. – Vol. 9, N 1. – P. 13–21. – DOI: 10.25587/2587-8778-2023-4-121-127 (In Russian)

Nacional'ny'e men'shinstva tyurkskix narodov i mezhe'tnicheskoe vzaimodejstvie v respublikax Mordoviya i Marij E'l, Ul'yanovskoj oblasti: e'tnosociologicheskoe issledovanie [National minorities of the Turkic peoples and interethnic interaction in the Republics of Mordovia and Mari El, Ulyanovsk region: ethnosociological study] / Mineev A.I., Mineeva E.K., Ivanova T.N., Starostin A.N. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki»* [Vestnik of the Mari state university. Chapter “History. Law”]. – 2023. – Vol. 9, N 3. – P. 213–222. – DOI: 10.30914/2411-3522-2023-9-3-213-222 (In Russian)

Persidskaya O.A. Formy e'tnicheskoj identichnosti i strategii mezhe'tnicheskoj integracii yunoshestva v gorodskom soobshhestve. Analiz rezul'tatov issledovaniya. [Forms of ethnic identity and strategies of interethnic integration of young people in the urban community. Analysis of the results of the study]. *Respublica Literaria*. – 2021. – Vol. 2, N 3. – P. 85–103. – DOI: 10.47850/RL.2021.85-103 (In Russian)

Popkov Yu.V. Sovremennaya rossiiskaya natsional'naya politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii (na primere Tuvy) [Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New research of Tuva]. – 2020. – N 3. – P. 253–268. (In Russian)

Ryazantsev S.V., Ledeneva V.Yu., Mishchuk S.N. Vliyanie migracii na transformaciyu etnicheskogo sostava naseleniya Rossii: tendencii i podhody k politike adaptacii migrantov [Impact of migration on the transformation of the ethnic composition of the population of Russia: trends and approaches to the policy of adaptation of migrants]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* [Journal of Siberian federal university. Humanities]. – 2023. – N 16 (1). – P. 104–116. (In Russian)

Safin F., Ishemgulov M., Kulsharipov F. Trudovye motivacii naseleniya Bashkortostana v usloviyah rynochnoj ekonomiki (po dannym etnosociologicheskix oprosov) [Labor motivations of the population of Bashkortostan in a market economy (according to ethnosociological surveys)]. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij)* [Bulletin of the BIST (Bashkir institute of social technologies)]. – 2021. – N 4 (53). – P. 20–27. – DOI: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-20-27

Salganova E.I., Avdashkin A.A., Gafner N.A. Migraciya na Yuzhnyj Ural i mezhetnicheskie otnosheniya [Migration to the South Urals and interethnic relations]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. – 2021. – N 4 (97). – P. 154–164. (In Russian)

Shakhbanova M.M. Yazykovye ustanovki gorodskogo naseleniya Dagestana [Language instructions of the urban population of Dagestan]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholar notes]. – 2022. – N 2. – P. 265–271. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271 (In Russian)

Shekera E.A. Pravovoj plyuralizm v Respublike Dagestan: nekotorye osobennosti pravovogo gabitusa dagestanskoj molodezhi, zhivushchej v Sankt-Peterburge [Legal pluralism in the republic of Dagestan: some features of the legal habitus of Dagestan youth living in St. Petersburg]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the south of Russia]. – 2023. – Vol. 12, N 3. – P. 148–165. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.3.12 (In Russian)

Shlegel E.A. Etnoyazykovye processy u nemcev Altajskogo kraja (po rezul'tatam etnosociologicheskogo oprosa 2020 goda) [Ethno-linguistic processes Germans of the Altai territory (according to the results of the ethnosociological survey of 2020)]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai state pedagogical university]. – 2021. – N 48. – P. 110–115. – DOI: 10.37386/2413-4481-2021-3-110-115 (In Russian)

Theories of international migration: a review and appraisal. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. *Population and development review*. – 1993. – N 19. – P. 431–466. – DOI: 10.2307/2938462

Timchenko N., Mironova S. Islam i sovremennaya medicina: mikrosociologicheskij analiz [Islam and modern medicine: microsociological analysis]. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v obrazovanii i medicine* [Intercultural communication in education and medicine]. – 2023. – N 4. – P. 5–10. (In Russian)

Turkulets S.E., Listopadova E.V. Social'naya stigmatizaciya migrantov kak predposylka etnonacional'nyh konfliktov [Social stigmatization of migrants as a prerequisite of ethnonational conflict]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences]. – 2023. – N 12. – P. 83–88. – DOI: 10.23672/SAE.2023.14.48.023 (In Russian)

Vinokurova A.V., Ardalyanova A.Yu. Inostrannaya migraciya na Dal'nem Vostoke Rossii: osnovny'e trendy` [Foreign migration in the Russian Far East: Main Trends]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional researches]. – 2023. – N 4. – P. 23–22. – DOI: 10.24866/1998-6785/2023-4/11-22 (In Russian)

УДК 316.323.8

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

КАЗАКОВА А.Ю.* КОЛОНИАЛИЗМ И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ: ОБЗОР РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (А. МАНЬЕЛЛИ, С. НАГ, К. ЛАНГЕР И У. МАТИЧ)

Аннотация. Данная работа представляет обзор подборки научной литературы на тему колониализма, изданной в 2023 г. издательством Springer Nature. Особое внимание уделяется современной теории колониализма.

Ключевые слова: глобальные социальные изменения; критическая теория колониальности; деколонизация; постколониализм; международные отношения.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Колониализм и деколонизация: обзор работ по современной критической теории (А. Маньелли, С. Наг, К. Лангер и У. Матич) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 43–56. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

Статья поступила: 24.03.2024.

Принята к публикации: 24.04.2024.

KAZAKOVA A.Yu.** Colonialism and decolonization: a literature review of modern critical theory (A. Magnelli, S. Nag, C. Langer and U. Matić)

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

Abstract. This paper presents a review of a selection of related scholarly literature on the topic of colonialism published in 2023 by Springer Nature. Particular attention is paid to contemporary theories of colonialism.

Keywords: global social change; critical theory of colonialism; decolonization; post-colonialism; international relations.

For citation: Kazakova A.Yu. Colonialism and decolonization: a literature review of modern critical theory (A. Magnelli, S. Nag, C. Langer and U. Matić). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 43–56. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

Received: 24.03.2024.

Accepted: 24.04.2024.

Данная работа представляет обзор подборки новейших материалов на тему колониализма, выпущенных в 2023 г. издательством Springer Nature. Это глава из коллективной монографии «Декolonизация глобальных социальных изменений: материалы критической теории колониализма», написанная Андре Маньелли (Рио-де-Жанейро, Бразилия), учредителем и директором Мастерской гуманитарных наук (бесплатный сетевой исследовательский университет, созданный в качестве альтернативы системе официального образования и в дополнение к ней) [Magnelli, 2023]. Еще одну главу нашего обзора – «Без песен и танцев: возрождение традиций и лучайское сопротивление культурному колониализму: 1904–1911» – представляет Саджал Наг (сотрудник исторического факультета Ассамского университета в Индии) в коллективной монографии «Люди, культуры и общества: изучение и документирование многообразия» [Nag, 2023]. В русле современной критической теории написана и статья «Постколониальная теория в египтологии: ключевые концепции и программы» Кристиана Лангера, докторанта Школы искусств Пекинского университета, Китая, и Уроша Матича, преподавателя Университета Грац, Австрия, члена Австрийской академии наук, опубликованная в журнале «Археология: журнал мирового археологического конгресса» (Archaeologies: journal of the world archaeological congress) [Langer,

Matić, 2023]. В фокусе внимания авторов – социальные изменения, частью которых является борьба колониализма и деколонизации, неразрывно связанная с историей модернизационных процессов.

А. Маньелли – социолог, профессор, издатель – ведет свои исследования на стыке технических наук и наук об обществе (исторической социологии политики, антропологии, политической философии). Опираясь на критическую теорию колониальности, автор утверждает, что современные социальные изменения традиционно были связаны с опытом колониализма, и что эта связь меняется в результате глобализации. История угнетения индийской нации и сопровождающих ее восстаний, субнационального сепаратизма, движения против рабства, сопротивления христианскому миссионерству как средству культурной колонизации – постоянные темы работ профессора современной и новейшей истории Центрального университета Ассама (г. Силчар, Индия) Саджала Нага. Помимо академических занятий профессор ведет активную общественно-политическую деятельность, направленную на искоренение колониального наследия и смягчение последствий глобального экономического и социально-экологического неравенства: является членом правительственного Индийского комитета по пересмотру учебных программ в области современной национальной политики, секретарем Международной организации историков окружающей среды Южной Азии, консультантом Oxfam¹ по делам Северо-Восточной Индии. Антиколониальный пафос С. Нага подкрепляется географической областью его исследований. Это прославленная «искусством быть неподвластным» Зомиа [Скотт, 2012; Скотт, 2017], населенная малыми аборигенными народностями, которые веками сопротивлялись государственному устройству. В их числе – лушай (народ мизо), о которых говорится в главе. Научные интересы Кристиана Лангера сосредоточены на политической и социальной истории, идеологии, внешней и внутренней политике, политической экономии труда, принудительной миграции в Египте времен фараонов, а также колониальном наследии египтологии и египтологии Глобального Юга. Его соавтор, Урош Матич, ведет курс доисторической и классической теории

¹ Oxfam (Oxford Committee for Famine Relief) – международное неправительственное объединение, созданное в Оксфорде для помощи голодающим.

египтологии и археологии на кафедре античной истории и классических гуманитарных наук Университета Грац, анализируя вопросы военного насилия в политической истории Древнего Египта, различные стороны процессов захвата, порабощения, доминирования как в политическом, так и в гендерно-сексуальном аспектах, а также их ремифологизации в современной массовой культуре. Соавторы изучают колониализм в самой долгой исторической перспективе: от древности до нашего времени, уделяя особое внимание развитию и пережиткам «научного расизма» [Matić, 2018] в историографии и археологии Египта.

Как показывает С. Наг, владычество британцев в Индии никогда не ограничивалось только военно-политическим и экономическим принуждением. Лучшим способом для покорения сопротивляющихся племен, особенно горных, считалось внедрение христианства, которое должно было полностью изменить моральный облик и привычки неорганизованных и некультурных дикарей, исповедующих анимизм, и заставить их перейти к мирному сосуществованию с белыми. Именно на территорию горных племен Восточно-Индийская компания стала целенаправленно направлять христианских миссионеров, которым еще до того, как они могли составить себе представление об этих племенах, был внушен созданный колониальными администраторами и антропологами дискурс о варварских, примитивных, нуждающихся в гуманизации и цивилизации посредством западного вмешательства язычниках. Племена не вписывались в западную этику: они не стыдились наготы, использовали примитивные способы добычи пищи, практиковали похищения людей, добычу человеческих черепов для украшения могил своих предков, «жили в условиях вечной вседозволенности, совершали дикие обряды, поэтому все их культурные артефакты, такие как песни и танцы, были сведены к <...> бессмыслице <...>. Это был мощный нарратив, призванный спасти язычника от его слепоты» [Nag, 2023, p. 142]. С. Наг посвящает раскрытию «бремени белого человека» в миссионерских текстах целый раздел, показывая, что основной их пафос определяется не сочувствием, а ужасом и отвращением. Лень, жестокость, суеверия и пьянство, сексуальная распущенность и неустойчивость брака – главные претензии миссионеров к своим подопечным. Культурные традиции – прежде всего песни и танцы – расценива-

лись исключительно как подлежащая уничтожению часть языческих ритуалов.

Для местного населения их потеря в условиях бесписьменного общества была невозможной. Роль песенно-танцевальной культуры была у мизо огромной: «песни <...> постоянно сочиняли и пели. Тематика песен могла включать в себя потерю близких, миграцию, успех на войне, захват рабов, великую охоту <...>. Авторы таких песен, богатые или бедные, имели особый социальный статус. <...> Песни передавались из поколения в поколение. <...> Когда юноша влюблялся, он пел девушке песню, в которой выражал свои чувства, и девушка отвечала ему песней. Когда вожди или старейшины деревни решали вопросы войны и мира, они скорее сочиняли песню, чем подробно объясняли решение сельскому совету. <...> Песни общины сопровождались танцами. В этих песнях отражалась как личная, так и общественная история. Для народа, не имеющего письменности, <...> песни были устным способом записи прошлого. <...> В большинстве деревень был бард, в обязанности которого входило сочинять песни о событиях в деревне и ее жителях, отражающие историю деревни. Это была узаконенная практика. К сожалению, с приходом колониализма этот институт утратил свое значение и постепенно угас. Но песни, сохранившиеся в памяти людей, помогают нам записать, реконструировать и подтвердить историю мизо с конца 1940-х годов. Например, во время ухода британцев лушаи оказались перед дилеммой, объединяться ли им с Индией или Бирмой или сохранять независимость. Их дилемма и решение были сформулированы и поддержаны с помощью пения и танцев» [Nag, 2023, p. 142].

И поскольку вожди, старшее поколение и сельская община в целом негативно воспринимали новообращенных и подвергали их преследованиям, результатом миссионерской борьбы с песнями и плясками как важной частью племенных праздников стало их осознанное использование племенами в качестве средств символического сопротивления, когда местные жители организовывали сложные танцевально-песенные представления. Борьба колонизаторов и колонизируемых приобрела формы, подобные современным музыкальным «баттлам», поскольку, во-первых, миссионеры также использовали в качестве проповедей распевание христианских гимнов, а во-вторых, у лушаев существовал обычай вызова

прохожих на поединок. «Обычно христианское послание передавалось с помощью гимнов и пения, поэтому противники перешли в контратаку, используя песни с добавлением танцев. <...> Миссионеры приложили все усилия, чтобы заменить местные обычаи и практики западным образом жизни» [Nag, 2023, p. 149], но христианизация шла медленно и, по сути, провалилась, чему, по мнению С. Нага, в немалой степени способствовала миссионерская практика культурицида.

«Постколониальный поворот», начавшийся в 1960-х годах, не ограничен вопросами политики и государственного управления, а также культурной инвазии. В 1978 г. Эдвард Саид, следуя трудам М. Фуко о дискурсе, власти и знании, показал, что мир, в котором мы живем, асимметричен, и асимметрия властных отношений тесно связана со знаниями. Введенный им в одноименной работе термин «ориентализм» означает «преувеличение различий, наблюдаемое западными людьми, их презумпцию превосходства и применение шаблонных аналитических моделей к Востоку, понимаемому как Азия, Северная Африка и Ближний Восток» [Langer, Matić, 2023, p. 8]. Люди Востока представлены как примитивные, иррациональные, фанатичные, склонные к насилию и деспотизму. Колониальное мышление полностью пронизывает науку, как показывают на примере египтологии и нубиологии К. Лангер и У. Матич в двух аспектах: 1) с точки зрения тесных связей академической историографии Древнего Египта с историческим колониализмом современных европейских держав, научного расизма; 2) с точки зрения структуры древнеегипетского общества в его взаимодействии с чужими землями [Langer, Matić, 2023, p. 3]. Западное академическое мышление было создано для того, чтобы поддерживать западные академические интересы, что соавторы обосновывают тремя основными аргументами.

В Египте официальная деколонизация началась в 1950-х годах, а в академической сфере постколониализм первоначально вылился в острую проблему сохранности и государственной принадлежности материального культурного наследия Древнего Египта с дискуссиями вокруг передачи в египетские руки древних сокровищ. Второй аспект, сохраняющий актуальность, – территориальная неравномерность глобального распределения археологических проектов в Египте и Судане: как и в колониальную эпоху, весьма

высока доля негосударственных организаций и частных инициатив, причем сохраняется доминирование французских, американских, британских проектов и глобального Севера в целом, включая Россию. У неравного доступа к полевым работам мирового академического сообщества есть причины социолингвистического и политического порядка. Так, Египет и Судан могут контролировать физический доступ к местам раскопок, но «глобальная издательская власть и контроль над производством египтологических и нубиологических знаний остаются за институтами и исследователями глобального Севера, особенно в англосфере, из-за преобладания английского языка в качестве академического лингва франка (*lingua franca*) и <...> неуклонного упадка языков, которые ранее считались равными английскому в египтологии, – французского, немецкого или итальянского» [Langer, Matić, 2023, p. 6]. Идею роли языка в формировании подчиненности авторы подкрепляют ссылкой на франкоязычного вест-индского революционера и философа Франца Фанона: колониальные культурные ценности усваиваются колонизируемыми субъектами посредством принудительного использования языка колонизатора. Мощное влияние геополитического фактора сохраняется и перетекает в проблему влияния на древнеегипетскую историографию и археологию внутренней политики, а именно того, «как заинтересованные стороны в Египте используют далекое прошлое и наследие Египта для легитимизации и / или продвижения современной политики, <...> чтобы оказать влияние на будущее» [Langer, Matić, 2023, p. 7]. Экспоненциальный рост знаний и усиление информационного неравенства означает, что эпоха колониализма не закончилась, но распространилась на весь мир.

А. Маньелли рассматривает глобализацию как «кульминацию колониальной матрицы власти, рожденной современностью» [Magnelli, 2023, p. 2], которая одновременно ослабляет колониальность «посредством децентрализации, плюрализации и переплетения интеллектуального производства и коллективного опыта» [ibid.]. В первом разделе своей работы, «Социальные изменения как модернизация и колонизация», А. Маньелли указывает на то, что центральным в концепции социальных изменений, сформировавшейся в социологии в середине XX в., является понятие модернизации. Модернизация европейских обществ воображалась как

идеал, структурирующий самоопределение человеческих обществ по всему миру. Развитие стало функцией осознанных человеческих действий: изменяющейся темпоральности, ориентированной на будущее, управляемого и расширяемого (материально и интеллектуально) пространства. И воображаемая, и практическая модернизация маркировалась рядом характерных для европейского общества событий и институтов: капитализм, национальное государство, секуляризация, индустриализация, урбанизация, демократия и индивидуализация. Наиболее яркими концепциями социальных изменений в современности были концепции революции и прогресса. Концепция темпоральности под знаком революции, которая полностью преобразует все общество, сочетает две идеи: «исторического разрыва» и «мгновенного настоящего» [Magnelli, 2023, p. 3]. В свою очередь, идея прогресса, берущая начало в европейском Просвещении, понимается как единство во времени. Это единство обеспечивается постепенным изменением истории, посредством которого общества дистанцируются от прошлых верований, ценностей, обычаев и традиций. Либеральная мысль XIX в. обосновывала этот идеал неразрывной связью рынка, личности и науки и привязывала его – под влиянием дарвинизма – к эволюции. Таким образом, три концепции темпоральности – прогресс, революция и эволюция – неминуемо отсылали к западному опыту и, исходя из него, структурировали многообразие человеческих обществ с помощью изначально «колониальных» дихотомий «варварский / цивилизованный», «примитивный / развитый» и «традиционный / современный».

Кроме того, современность (модерн) в конце XX в. стала осмысливаться как неразрывно связанная с опытом войны, насилия, захвата. Европейская история включает две фазы активной экспансии: захват земель Нового Света на рубеже XV–XVI вв. (Португалия, Испания, Англия, Франция, Голландия) и провозглашенная Англией и Францией «цивилизаторская миссия» империализма на стыке XVIII–XIX вв. В итоге, полагает А. Маньелли, конструирование знания в социальных науках испорчено принципиальным непониманием других народов и гомогенизацией, неразличением внутренней логики временной перспективы чужой истории. Опыт мировых войн и тоталитаризма XX в. привел рефлексии над процессами господства, эксплуатации, отчуждения и овеществления к

тотальной критике идеала прогресса. Начиная с Франкфуртской школы, в европейской мысли закрепилась критика современности как извращенной рациональности.

Вместе с тем ее развитие тормозилось политической выгодой. Понятие модернизации не только легитимировало европейскую политику социального, экономического, культурного и политического вмешательства начиная с XIX в., но и руководило американскими политиками в контексте конфликта с Советским блоком, а также определяла правительственные программы на территориях национальных государств, геополитически разделенных между «Первым, Вторым и Третьим миром». Но параллельно с ростом глобализации с 1980-х годов, в силу увеличения присносимых ею же рисков и кризисов, нарастает и противоположная тенденция «деколонизации глобальных социальных изменений»: «Сами цели государства всеобщего благосостояния были поставлены под сомнение <...> глобальные экономические потоки, детерриториализация капитализма и глобализация общества потребления усиливают незащищенность, непредвиденные обстоятельства и непредсказуемость. Суммой всех этих факторов является кризис модернистских теорий социальных изменений <...> из-за того, что процессы не оказались положительно кумулятивными, повышая осведомленность о порочных последствиях коллективных действий и конечности материальных и культурных ресурсов. Осознание социальных, духовных и экологических ограничений роста является частью потребности в новых отношениях с темпоральностью и пространственностью» [Magnelli, 2023, p. 6].

Следующий раздел – «К вопросу о критической теории колониальности» – автор выстраивает в диалоге с родоначальником данной теории Пауло Энрике Мартинсом. А. Маньелли подчеркивает, что содержание современной критической теории колониальности шире ее первоначального прочтения в контексте геополитического, социального, культурного притеснения народов, находившихся под властью метрополий. Современные усилия теории «ориентированы на диалогическую реконструкцию антиколониальных и / или деколонизирующих теорий, практик и перспектив, которые привержены программе освобождения отдельных лиц, ассоциаций, институтов и коллективов» [Magnelli, 2023, p. 7]. Она вбирает все теории, основанные на критике любых процессов

господства, отчуждения, идеологии и овеществления, присущих современному миру. Ее теоретико-методологическую базу А. Маньелли видит в объединении критической теории Франкфуртской школы в ее четырех поколениях (от Адорно, Хоркхаймера, Бенд-жамина и Маркузе через Хабермаса к Акселю Хоннету, Хартмуту Розе, Рахели Джегги, Эми Аллен и Райнеру Форсту) с французским структурализмом и присущим ему особым вниманием к символическому и политическому (Марсель Мосс, Клод Лефорт, Корнелиус Касториadis, Пьер Розанваллон, Марсель Гоше). Автор определяет пунктиры антиколониальной проблематики: деконструкция и реконструкция колониальности в существующих социальных институтах; исторические модели колониальной зависимости; новые формы колониализма, основными субъектами которого на современном этапе, по мнению автора, являются Великобритания, США, Китай и Россия; разработка трансдисциплинарной методологии; расширение географических границ проявлений колониализма от европейских до общемировых. Здесь автор обращает внимание на несводимость колониализма исключительно к европейской экспансии: необходимо рассматривать все его проявления на базе иных политических режимов, в том числе Российской империи и Османской империи, формирования границ современной Восточной Европы и притязаний отдельных стран бывшего Советского блока.

Далее внимание автора сосредоточивается на фронтальной, игнорируемой в мировой социологии, области Латинской Америки и Карибского бассейна: именно оттуда в настоящее время исходит наиболее конструктивная критика ряда характерных для постколониальной мысли предубеждений, важная для понимания глобальных социальных изменений. Критические замечания и наблюдения авторов из этого региона А. Маньелли сводит в шесть основных пунктов, позволяющих применять критическую теорию колониализма к анализу социальных изменений:

1. Построение открытой, критической, плюралистичной, космополитической мировой социологии, раскрывающей сюжеты глобализации и отрицающей асимметрию центрального и периферийного интеллектуального производства. Для этого необходимо наладить сотрудничество между разными институтами помимо бюрократических форм исследовательских и образовательных

центров; создавать сети сотрудничества между исследовательскими центрами и университетами ради усиления производства теорий, происходящих из периферийных, полупериферийных и пограничных пространств; осуществлять коммуникации и перевод между языками и культурами децентрализованным и полицентричным образом.

2. Необходимость перехода от критики капитализма как лейтмотива колониальной теории к осмыслению экономики как выхода из кризиса, т.е. анализу реальных жизненных практик, касающихся различных «способов построения стратегий производства, распределения, управления и потребления материальных и нематериальных благ» [Magnelli, 2023, p. 17], выделяя среди них тот опыт, который позволил бы преодолеть воспроизводство колониальной логики в глобальном обществе.

3. Признание сильной зависимости эмансипационного дискурса от колониальной парадигмы. Речь идет о том, что понимание темпоральности, субъектности и ценности эмоций само по себе зависит от культуры, а быстрые и резкие социальные изменения, связанные с динамикой капитализма (здесь А. Маньелли ссылается на теорию социального ускорения Хартмута Розы), «оказывают десинхронизирующее воздействие с пагубными последствиями для индивидуальной психики, культурного воспроизводства и демократических институтов» [Magnelli, 2023, p. 17].

4. Анализ и преодоление новых, опосредованных цифровыми и виртуальными технологиями форм колониальности, охватывающих транснациональные пространства. Установление колониальных иерархий реализуется посредством СМИ и цифровых медиа, перестраивающих внутренние доминанты культуры (самоидентификация, способы коммуникации, выражения общественного мнения). В результате цифровой борьбы за присвоение цифровых пространств возникает присвоение и пространств физических, на которых возникают новые элиты и экономическая, культурная и политическая динамика, направляемая информационными гегемонами.

5. Ответ на вопрос о том, является ли демократия всеобщей проблемой и, соответственно, реален ли ее глобальный кризис. Источник самой постановки этого вопроса – антагонизм между марксистской и функционалистской парадигмами в социологии.

Если отказаться от идеи о том, что «демократии» – это искусственная модель, специально созданная Западом для тиражирования в незападном мире с целью его порабощения, то источником ее нормативных основ придется признать универсальные права человека. В этом смысле сам А. Маньелли уже не в первой работе [Magnelli, 2022] заявляет об универсализме демократии, который, однако, преломляется через множество конкретно-исторических форм, достигающих определенности «в социально-историческом взаимодействии между акторами, концепциями, институтами, проблемами и практиками» [Magnelli, 2023, p. 18]. При таком подходе знак равенства между стремлением к демократии и европоцентризмом утрачивается.

6. Обращение к малоисследованной и многообразной области проявлений колониальной психологии – области «повествований, воспоминаний, воображаемых образов и дискурсов» [Magnelli, 2023, p. 19]. Важнейшие темы такого анализа – это забвение, сокрытие и принижение воспоминаний и переживаний; представления о подчинении или элиминации инаковости. Понимание колониальной психологии – это выявление идеологических систем, которые оправдывают колониализм, реконструкция коллективных воспоминаний и нарративов подчиненных народов и конструирование альтернативных, антигегемонистских по отношению к модели глобальной капиталистической власти практик.

Таким образом, приверженность формирующейся в глобальной социологии критике колониализма в исследованиях его старых и новых форм, согласно А. Маньелли, свидетельствует о стремлении сохранить культурное, цивилизационное и экологическое биоразнообразие планеты. Постколониальные теории не просто осмысливают логику и последствия колониального прошлого – они становятся линзой, дающей новый взгляд на теорию современности и происходящих сегодня глобальных социальных изменений.

Список литературы

Скотт Д. Зомия: успешные стратегии бегства от государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2012. – № 4. – С. 6–19.

Скотт Д. Искусство безгосударственной жизни: устная традиция, письменность и тексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 267–286.

Langer C., Matic U. Postcolonial theory in Egyptology: key concepts and agendas // *Archaeologies*. – 2023. – Vol. 19, N 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1007/s11759-023-09470-9

Magnelli A. Decolonizing global social change: contributions from a critical theory of coloniality // *The Palgrave handbook of global social change* / ed. by R. Baikady, S.M. Sajid, V. Nadesan, J. Przeperski, M.R. Islam, J. Gao. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–22. – DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_36-1

Magnelli A. Love in democracy: unfolding sovereignty, resonating common good // *Social love and the critical potential of people. When social reality challenges the sociological imagination* / ed. by G. Iorio, S. Cataldi. – London: Routledge, 2022. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781003217039/social-love-critical-potential-people-gennaro-iorio-silvia-cataldi> (accessed: 24.03.2024).

Matic U. De-colonizing the historiography and archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific Racism // *Journal of Egyptian History*. – 2018. – Vol. 11, N 1/2. – P. 19–44. – DOI: 10.1163/18741665-12340041

Nag S. No song and no dance: invention of tradition and Lushai resistance to cultural colonialism: 1904–1911 // *Cultural forms and practices in Northeast India. People, cultures and societies: exploring and documenting diversities* / ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – P. 141–162. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

References

Langer C., Matic U. Postcolonial theory in Egyptology: key concepts and agendas. *Archaeologies*. – 2023. – Vol. 19, N 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1007/s11759-023-09470-9

Magnelli A. Decolonizing global social change: contributions from a critical theory of coloniality. *The Palgrave handbook of global social change*. Ed. by R. Baikady, S.M. Sajid, V. Nadesan, J. Przeperski, M.R. Islam, J. Gao. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–22. – DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_36-1

Magnelli A. Love in democracy: unfolding sovereignty, resonating common good. *Social love and the critical potential of people. When social reality challenges the sociological imagination*. Ed. by G. Iorio, S. Cataldi. – London: Routledge, 2022. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781003217039/social-love-critical-potential-people-gennaro-iorio-silvia-cataldi> (accessed: 24.03.2024).

Matic U. De-colonizing the Historiography and Archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific racism. *Journal of Egyptian history*. – 2018. – Vol. 11, N 1–2. – P. 19–44. – DOI: 10.1163/18741665-12340041

Nag S. No song and no dance: invention of tradition and Lushai resistance to cultural colonialism: 1904–1911. *Cultural forms and practices in Northeast India. People, cultures and societies: exploring and documenting diversities*. Ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – P. 141–162. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

ple, cultures and societies: exploring and documenting diversities. Ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

Scott J. Iskusstvo bezgosudarstvennoj zhizni: ustnaya tradiciya, pis'mennost' i teksty [The art of not being governed: orality, writing, and texts]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' friendship university of Russia. Series: Sociology]. – 2017. – Vol. 17, N 3. – P. 267–288. (In Russian)

Scott J. Zomiya: uspehnye strategii begstva ot gosudarstva [Zomia: successful strategies of flight from the state]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' friendship university of Russia. Series: Sociology]. – 2012. – N 4. – P. 6–19. (In Russian)

ТРУФАНОВ Д.О.*, ВАСИЛЬЕВА О.В.**, РАФИКОВ Р.Г.***
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)

Аннотация. Целью статьи является анализ основных факторов, оказывающих влияние на процесс ресоциализации учащихся-инофонов в общеобразовательных школах Красноярского края. На основании результатов эмпирических исследований выделены основные трудности социокультурной и языковой адаптации инофонов. Показано, что разработанные профессиональным сообществом подходы и методы адаптации инофонов в условиях школы не снижают актуальность трудностей адаптации. Сохраняется критическое влияние языкового барьера на адаптационные процессы, не решены трудности организации сотрудничества школы с семьями инофонов. Выявлены основные методы преодоления барьеров адаптации учащихся-инофонов в практике работы школ Красноярского края и представления учителей о наиболее эффективных методах адаптации.

* © Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г., статья, 2024.

Труфанов Дмитрий Олегович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета; dtrufanov@sfu-kras.ru

** Васильева Ольга Владимировна – ассистент кафедры социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета; 79232816007@ya.ru

*** Рафиков Рашид Гиззатович – кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления общественных связей Администрации Губернатора Красноярского края; rafikov@krskstate.ru

Ключевые слова: социокультурная и языковая адаптация учащихся-инофонов; языковой барьер; общеобразовательные школы; Красноярский край.

Для цитирования: Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г. Социально-культурная и языковая адаптация детей-инофонов в средних школах российского региона (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С.57–80. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.04

Статья поступила: 21.03.2024.

Принята к публикации: 05.04.2024.

TRUFANOV D.O.****, VASIL'eva O.V.****, RAFIKOV R.G.*****
Socio-cultural and linguistic adaptation of foreign language children in secondary schools of the Russian region (based on sociological research in Krasnoyarsk Krai)

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main factors influencing the process of re-socialization of foreign language children in secondary schools of the Krasnoyarsk Krai. Based on the results of empirical research, the authors have identified the main difficulties of socio-cultural and linguistic adaptation of foreign speakers. It is shown that the approaches and methods of adaptation of foreign speakers developed by the professional community in school conditions do not reduce the relevance of adaptation difficulties. The language barrier has a critical impact on adaptation processes, and the difficulties of organizing school cooperation with families of foreign speakers have not been solved. The authors have identified the main methods of overcoming barriers to adaptation of foreign language students in the

**** Trufanov Dmitry Olegovich – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Sociology Department, Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; dtrufanov@sfu-kras.ru

***** Vasil'eva Ol'ga Vladimirovna – Assistant of the Department of Sociology at the Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; 79232816007@ya.ru

***** Rafikov Rashit Gizzatovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of Department of Public Relations, Governor of the Krasnoyarsk Region; rafikov@krskstate.ru

practice of schools in the Krasnoyarsk Krai and teachers' ideas about the most effective methods of adaptation.

Keywords: socio-cultural and linguistic adaptation of children with foreign languages; language barrier; secondary schools; Krasnoyarsk Krai.

For citation: Trufanov D.O., Vasil'eva O.V., Rafikov R.G. Socio-cultural and linguistic adaptation of foreign language children in secondary schools of the Russian region (based on sociological research in Krasnoyarsk Krai). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 57–80. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.04

Received: 21.03.2024.

Accepted: 05.04.2024.

Социально-культурная и языковая адаптация детей-инофонов (для которых русский язык не является родным) в средних общеобразовательных школах – неизменно актуальная тема для любого полиэтнического региона Российской Федерации. Особую актуальность этой теме придает фактор присутствия в регионе больших сообществ представителей государств Средней Азии, прибывших с семьями на более или менее продолжительный срок для осуществления трудовой деятельности. Задача их адаптации и интеграции в принимающий социум включает задачу ресоциализации детей школьного возраста в средних общеобразовательных школах, что является важным условием гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. Это задача повышенной сложности, учитывая значительные языковые и социокультурные различия детей-инофонов и детей местного населения, а также трудности приспособления образовательного пространства российской школы и технологий школьного обучения к национально-культурным характеристикам детей иностранных трудовых мигрантов. Вопросам адаптации учащихся мигрантов в российских образовательных учреждениях посвящена обширная научная литература [Ананьина, Терентьева, Цзян Дань, 2022 ; Грасс, Петрищев, Петрищева, 2013 ; Седлиньш, 2019 ; Ушева, Мункоева, 2019 ; Монастырская, Кузина, Ковалева, 2017]. Разра-

ботаны сепаративная и интегративная модели ресоциализации инофонов в школьном сообществе [Шестаков, 2023 ; Ильина, 2015], описаны и критически проанализированы технологии адаптации инофонов в условиях школы [Омельченко, 2017 ; Нетбай, 2015], подготовлены многочисленные методические рекомендации и практические пособия по организации обучения инофонов в российских школах и профилактике дезадаптационных проявлений [Языковая адаптация ... , 2020 ; Социокультурная и языковая адаптация ... , 2017 ; Рекомендации по организации ... , 2022]. Вместе с тем важен вопрос о том, насколько данные усилия воплощаются в практику деятельности общеобразовательных школ, так как адаптация учащихся-инофонов – это не столько теоретические модели, планы и рекомендации, сколько реальные действия, смыслы и результаты работы сотрудников школ, непосредственно участвующих в осуществлении процесса адаптации. В связи с этим не теряет актуальности задача эмпирического анализа практики адаптации детей-инофонов в средних школах российских регионов. В статье на основании результатов прикладных социологических исследований рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на процессы социально-культурной и языковой адаптации детей-инофонов в средних общеобразовательных школах Красноярского края в настоящее время. Красноярский край обладает значительной эмпирической базой для исследования проблем адаптации детей-инофонов в средних общеобразовательных школах: только в краевом центре насчитывается 140 школ, где учатся дети, для которых русский язык не является родным. Одна из школ Красноярска, лидер по числу обучающихся инофонов, насчитывает более 700 учащихся, для которых русский язык не является родным, при этом около 200 учащихся не говорили на русском языке [Красноярские педагоги ... , 2024].

Методы исследования. В декабре 2021 г. авторами проведен анкетный опрос учителей средних общеобразовательных школ г. Красноярска по вопросам адаптации детей-инофонов в красноярских школах. *Объект исследования* – учителя средних общеобразовательных школ г. Красноярска, работающие в школах, где обучаются дети-инофоны. *Предмет* – мнения учителей общеобразовательных школ г. Красноярска о трудностях в практике адаптации детей-инофонов в красноярских школах. Объем выборки –

102 респондента, представляющих 102 общеобразовательных школы г. Красноярска, в которых обучаются дети-инофоны. В мае – июне 2022 г. авторами проведено комплексное социологическое исследование факторов социально-культурной и языковой адаптации и интеграции детей-инофонов в общеобразовательных школах Красноярского края. Применены методы полуструктурированного экспертного интервью с директорами средних общеобразовательных школ, в которых обучаются дети-инофоны (15 экспертов) и анкетный опрос учителей, работающих в классах с детьми-инофонами (253 респондента).

Результаты исследования

Проблема адаптации детей-инофонов во многих случаях формируется до их поступления в образовательное учреждение. Предпосылкой для ее актуализации выступает размещение на микроучастке, закрепленном за общеобразовательной школой, значительного количества семей-инофонов с детьми. Этому способствуют позитивные социальные и инфраструктурные условия, снижающие издержки пребывания и социальной адаптации семей мигрантов в местах прибытия – недорогое жилье, наличие родственников или земляков, которые обитают на данном микроучастке и могут оказать содействие в обустройстве вновь прибывающим соотечественникам. Ориентированные на переезд семьи получают сведения от родственников, знакомых, земляков, проживающих в Красноярском крае, о школах, где обучаются дети представителей данной этнической группы. В результате концентрации семей-инофонов на определенных микроучастках, в школах появляется большое количество учащихся-инофонов, что создает трудности с точки зрения их адаптации в школьном коллективе, организации процесса обучения и освоения школьной образовательной программы. Так, в 2022 г., по данным нашего исследования, 49,8% школьных учителей, работающих в классах с детьми-инофонами в Красноярском крае, отметили, что в классах, где есть такие учащиеся, возникают существенные трудности. О том, что в данных классах есть небольшие затруднения, сообщили 38,3% учителей и 9,1% отметили, что никаких трудностей в классах с детьми-инофонами не возникает. О серьезных трудностях у детей-инофонов с

освоением школьной образовательной программы и успеваемостью сообщают 58,5% учителей, 36,4 указали, что такие трудности у инофонов есть, но не более чем у других учащихся, и 5,1% учителей ответили социологам, что в основном таких трудностей у инофонов не наблюдается.

Таким образом, проблема адаптации детей инофонов в общеобразовательных школах актуализируется в тех участках миграционного пространства региона, где сформированы наиболее благоприятные условия для прибывающих в регион мигрантов. Одним из основных условий выступает наличие в территории прибытия национальной диаспоры с накопленными социальными связями и опытом социальных взаимодействий с принимающим обществом [Труфанов, Рафиков, 2018, с. 101].

Наиболее существенным затруднением для детей-инофонов в школах выступает языковой барьер и трудности русскоязычной коммуникации [Языковая адаптация ... , 2020 ; Шестаков, 2023 ; Уша, 2014 ; Хусяинова, 2021]. Наличие языкового барьера приводит к неуспешности ребенка-инофона практически по всем направлениям школьной социализации. Языковой барьер приводит к: 1) затруднениям в коммуникации с одноклассниками, учителями; 2) непониманию заданий; 3) непониманию текстов учебников; 4) невыполнению домашних заданий. Фиксируется значительное количество случаев прибытия в школу учащихся-инофонов, которые согласно возрасту и освоенным ступеням школьного образования на родине должны быть определены в среднее звено школы, но их уровень владения русским языком является минимальным или соответствует результатам обучения, предусмотренным начальным звеном российской средней школы.

Существенно усиливает влияние языкового барьера отсутствие русскоязычной коммуникации в обиходно-бытовом общении в семьях учащихся-инофонов. По данным Т.П. Грасс, В.И. Петрищева и Г.П. Петрищевой, 85% школьников-инофонов, опрошенных в городах Красноярского края, сообщили, что в их семьях говорят только на родном языке и 15% – и на родном, и на русском языках [Грасс, Петрищев, Петрищева, 2013, с. 22]. В настоящее время эксперты прогнозируют увеличение числа прибывающих в российские регионы семей-инофонов, во внутренних коммуникациях которых не используется русский язык. Этому способствует

естественный процесс замещения поколений – уход старшего поколения, многие представители которого знакомы с русским языком и русской культурой. Как показывают исследования авторов в Красноярском крае, уверенно владеют русским языком иностранные работники в возрасте старше сорока лет. Мигранты в возрасте 30–40 лет хуже владеют русским языком, но их языковые компетенции в целом позволяют коммуницировать с представителями принимающего общества. Незнание языка является серьезной проблемой для приезжих в возрасте 18–30 лет. Зачастую эти работники учились в национальных школах на родине, где русский язык не преподавался. Среди этой категории приезжих встречаются те, кто совсем не владеет русским языком.

Сохраняется тенденция, согласно которой в современных семьях детей-инофонов русским языком лучше владеет отец, в то время как мать может очень слабо владеть или совершенно не владеть русским языком. Это различие объясняется двумя основными обстоятельствами: 1) более продолжительным пребыванием мужчин-мигрантов в принимающем обществе – мужчины, как правило, приезжают в российский регион на заработки без семей и после обустройства на новом месте, решения вопросов жилья и заработка перевозят семьи; 2) более интенсивными контактами мужчин с русскоязычной средой в связи с их вовлеченностью в трудовые отношения с работодателями – представителями принимающего населения. Мать чаще находится дома и занимается заботой о быте и о детях, вследствие чего уровень ее контактов с носителями русского языка зачастую минимален или такие контакты отсутствуют. Вместе с тем именно мать, как правило, реализует задачу контроля образовательной деятельности детей, помощи в выполнении домашних заданий. «Трудности возникают, неумение самих родителей говорить на русском языке, потому что воспитанием и образованием занимаются не папы, а мамы, и зачастую мамы сами не владеют русским языком. Тяжело учителю объяснить, что ребенок должен делать дома для того, чтобы улучшить свои результаты» (Эксперт 1). «Первый и главный фактор, который затрудняет адаптацию детей, – это их родители (чаще всего – матери): вообще не владеют русским языком и не понимают, что от них требуют. Отцы обычно работают, либо отсутствуют, и так далее» (Эксперт 2).

Отсутствие русскоязычной коммуникации в семьях учащихся-инофонов, по оценкам экспертов, способствует фрагментированности картины мира детей, где, с одной стороны, выделяются привычные смыслы и понятные для ребенка интерпретации, выраженные в словах родного языка, с другой – непривычные малопонятные смыслы и интерпретации, оформленные посредством русского языка. Ребенок чувствует себя более комфортно в рамках привычных смыслов. Коммуникация в разноязычных средах дома и в школе способствует возникновению когнитивного диссонанса у ребенка-инофона. Еще более сложные ситуации возникают, когда в сознании ребенка встречаются более чем две языковые картины мира: «у нас, например, есть ситуации такие: есть село в Таджикистане, где проживают национально узбеки. То есть государственный у них таджикский язык, а семьи, которые проживают там, это, как правило, семьи узбекские, т.е. это меньшинство национальное в Таджикистане, а преподавание в этой школе (в российском регионе. – *Прим. авт.*) идет на русском языке. И у детей не складывается языковая система. Ни русского, ни узбекского, ни таджикского. За последние, наверное, года два из этого села к нам приехало четыре семьи. <...> Они сюда приезжают, потому что здесь достаточно дешевый район, чтобы снять дешевое жилье, здесь очень много гостиниц, общежитий» (Эксперт 3).

Следствием подобного «расслаивания» картины мира ребенка-инофона становится проблема аккультурации – восприятия инофонами российской культуры, смыслового освоения картины мира, описываемой словами и выражениями русского языка. В частности, эта проблема проявляется в том, что ребенок-инофон произносит, пишет или читает русские слова, но не понимает их смысл (не происходит смыслового оформления значений слов). Русская письменная речь воспринимается инофоном как набор картинок, вариант пиктографии. «Вы же понимаете, что, когда вы даете ребенку тестовую работу, даже контрольную работу по математике, и там идет содержание текстовое. Ребенок, читая, не понимает смыслового значения задачи. Он может быть ее и может решить, а текста-то не понимает. <...> Он читает, просто зная русские буквы, русские слова. В слоги их собирает, а смыслового чтения у него нет» (Эксперт 4).

Для коммуникации в школе и понимания заданий необходима адаптация сознания инофона для восприятия действительности через слова русского языка. Здесь возникают сложности, связанные с тем, что в русскоязычной коммуникации ребенок сначала должен перевести воспринятую русскую речь или текст на родной язык. Это позволяет ему осознать смысл сообщения, сориентироваться в нем и сформировать ответную реакцию на родном языке. Далее у инофона возникает задача перевода сформированной реакции на русский язык для ответного сообщения. В этом процессе значительная часть смыслов утрачивается, адекватно сформировать ответное сообщение на русском языке не удается. Здесь возникает необходимость посредника, социокультурного медиатора, который мог бы смягчить трудности взаимодействия носителей разных языков, культур, картин мира. Отчасти дефицит медиаторов смягчают адаптированные ученики соответствующей этнической группы, которые обучаются в школе: «Между учителем и учеником, который не знает русского языка, нет посредника, с помощью которого учитель мог бы объяснить ученику необходимые темы. С посредником легче что-то объяснить, например, когда преподаватель хочет рассказать о чем-то, но словарный запас учеников еще недостаточен, чтобы понять это на русском языке. В таких случаях учитель вынужден прибегать к помощи других учеников-инофонов, уже хорошо владеющих русским языком, потому что иногда бывает проще перевести какое-то слово, чем долго растолковывать его значение или показывать с помощью подручных каких-то материалов» (Эксперт 5).

Таким образом, школы Красноярского края, в которых обучаются дети-инофоны, сталкиваются с вопросами взаимодействия разных культур, что актуализирует задачу налаживания межкультурной коммуникации в школьном сообществе. Различие культур проявляется на уровне картин мира детей-инофонов, способов понимания действительности, которые основаны на использовании родного языка. Родной язык выступает основным инструментом смыслового освоения мира для ребенка. Встреча с другим языком и необходимость его использования приводят к появлению смысловых барьеров в сознании инофона, когда слова и выражения нового языка не позволяют ему осознать происходящие события, интерпретировать явления и сориентироваться в ситуации. Инст-

рументом, который используется в некоторых школах для решения этой проблемы, становится привлечение для коммуникации с детьми-инофонами адаптированных учащихся – представителей соответствующей этнической группы. Такие учащиеся хорошо владеют русским языком и способны стать для своих менее адаптированных земляков проводниками в мир смыслов русского языка и соответствующей картины мира. Возможно, такой подход – один из перспективных инструментов адаптации детей-инофонов в школах. С другой стороны, привлечение учащихся-инофонов – носителей русского языка – как языковых и культурных медиаторов может иметь негативный эффект, который связан с отказом детей-инофонов от усилий по овладению русским языком. Такие дети начинают в основном полагаться на помощь медиатора, который отчасти решает для них проблему языкового барьера.

Языковой барьер способствует появлению ряда затруднений в процессе интеграции детей-инофонов в школьный социум. Одним из таких затруднений выступает задача определения поступающего в школу ребенка-инофона в тот или иной класс. Здесь у школы возникает задача диагностики языковых компетенций и достигнутых образовательных результатов нового ученика. Применяется входное тестирование, собеседование или иные формы оценивания. Как показали наши исследования, в школах Красноярского края общая стандартизированная практика входного оценивания отсутствует; универсальные требования входного тестирования инофонов в школах не сформированы на уровне нормативной базы. Вместе с тем потребность в общей системе оценки знаний, уровня владения русским языком при поступлении в школу ребенка-инофона есть, и вопрос о ее введении стоит остро, что отмечается и другими авторами [Шестаков, 2023, с. 82]. Актуальность такой оценки связана с тем, что знание русского языка – это ключевое условие успешного усвоения учебного материала инофоном по всем предметам школьной программы. Именно входное тестирование позволяет решить вопрос о том, в какой класс необходимо направить ребенка-инофона для дальнейшего обучения, готов ли он обучаться в классе, который соответствует его возрасту, или его необходимо определить в младший класс.

Потребность школ в применении процедур оценки знаний и уровня владения русским языком детей-инофонов имеет высокий

уровень актуальности. Эксперты говорят о целесообразности введения общих стандартов и норм, на основании которых школы могли бы применять процедуры такой оценки. В настоящее время школы в основном самостоятельно решают вопросы планирования и разработки процедур входного тестирования или среза знаний инофонов, уже принятых в школу. При этом могут применяться контрольно-измерительные материалы, разработанные в соответствии с государственными образовательными стандартами, а также отдельные методические разработки, опубликованные в профессиональных изданиях.

Языковой барьер и трудности аккультурации способствуют появлению барьеров самореализации у детей-инофонов, особенно в старшем звене школы. Это препятствия в достижении намеченных планов детей-инофонов, связанных с дальнейшим обучением в учебных заведениях из-за трудностей освоения образовательной программы российской школы. Поскольку быстро преодолеть такие барьеры не получается, дети могут утрачивать намеченные жизненные перспективы. В ряде случаев родители принимают решение увезти ребенка на родину, чтобы сдавать выпускные экзамены там. Подвержены психологическому стрессу и дети-инофоны, не владеющие русским языком, но имевшие хорошие успехи в своих национальных школах на родине. Стресс связан с невозможностью быстрого достижения успеха в обучении в русскоязычной школе. У ребенка возникает кризис идентичности: в российской школе ему не удается подтвердить статус успешного ученика.

Эмпирические исследования авторов в школах Красноярского края позволили составить рейтинг трудностей, возникающих в классах, где обучаются инофоны (рисунок 1). Рейтинг сформирован на основании оценок учителей, работающих в классах с учащимися-инофонами.

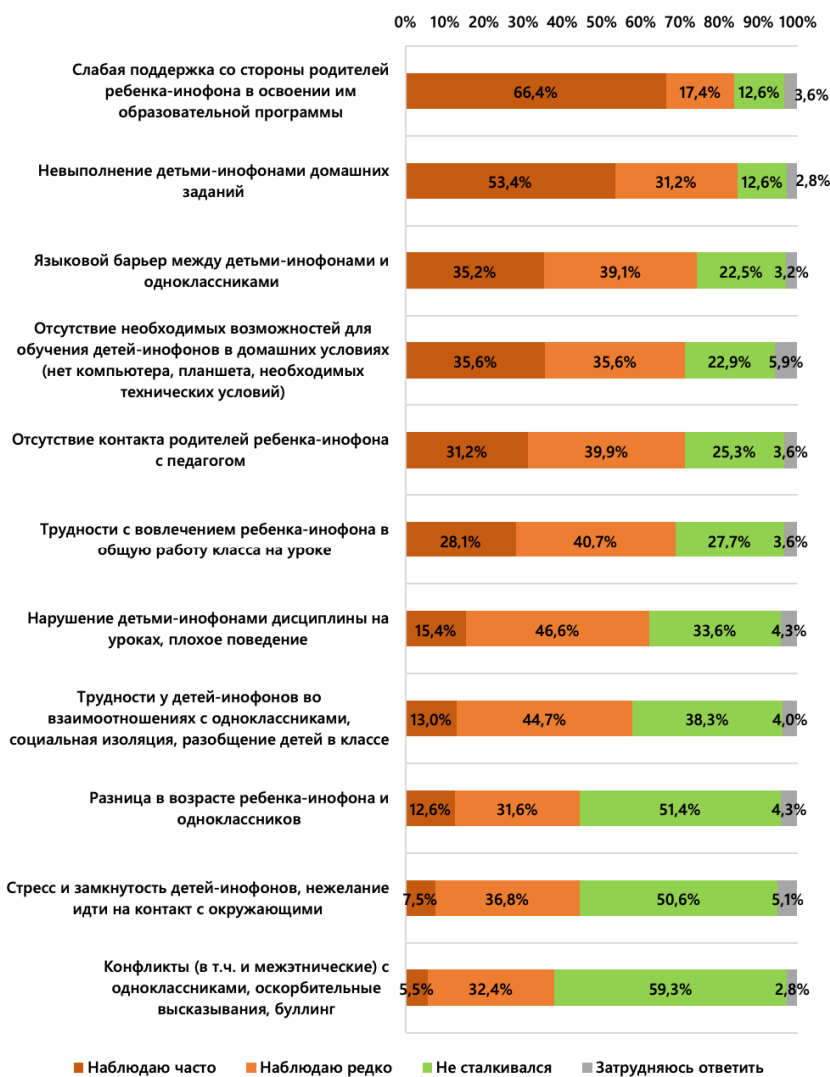

Рис. 1. Распределение ответов учителей общеобразовательных школ Красноярского края на вопрос «Укажите, с какими из перечисленных проблем Вы сталкивались в процессе работы с детьми-инофонами в школе»

Первое место занимает проблема слабой поддержки со стороны родителей ребенка-инофона в освоении им образовательной программы – 66% опрошенных учителей сообщили, что часто наблюдали данные факты. Как показали экспертные интервью с директорами школ, зачастую подобные факты наблюдаются со стороны семей иностранных трудовых мигрантов, нацеленных на отъезд на родину, а также со стороны семей с низким уровнем знания русского языка. Результаты исследований позволяют выделить два социальных типа семей с детьми-инофонами, обучающимися в школах Красноярского края: 1) семьи, приехавшие на ограниченный срок в Россию и планирующие вернуться к себе на родину; 2) семьи, нацеленные на долгосрочное пребывание в России, в том числе получение российского гражданства. Семьи первого типа зачастую не заинтересованы в содержательном обучении детей в школе. Мотивация таких родителей в части отношений со школой обусловлена опасением санкций со стороны органов опеки: «Просто, когда с ними (с детьми-инофонами. – *Прим. авт.*) пытаешься уже один на один разговаривать, они говорят – “нам не нужен язык”. Там и родители говорят: “Нам не нужен. Мы пока здесь поучимся, образование получим, а потом вернемся к себе. Нам это не надо”. Они говорят: “Мне не нужна эта школа”; “нас сюда заставляют идти, потому что придут с органов опеки и родителей ругать, если мы не будем ходить в школу”. Поэтому родители абсолютно не реагируют ни на оценки, ни на успеваемость, ни на разговоры классных руководителей. О том, что дети что-то делают вне нормы. Что поведение, что успеваемость. <...> Им это все равно. Им главное, чтобы не пришли с органов опеки, и не на ругали. Вот и все. Они сюда приходят отсидеться. Чтобы была галочка, что ребенок ходит в школу» (Эксперт 6).

Представители семей второго типа заинтересованы в получении их детьми образования, в изучении русского языка. Они взаимодействуют со школой, с педагогами, участвуют в организации обучения детей.

Таким образом, проблемой для школ Красноярского края является обучение и адаптация детей-инофонов из семей маятниковых мигрантов, прибывающих в регион на непродолжительное время. Представителям таких семей кажется, что они действуют из принципа практической рациональности (целесообразности), не

уделяя должного внимания школьному обучению своих детей ввиду планируемого отъезда на родину. Вместе с тем данный подход со стороны семей неизбежно снижает качество результатов школьного обучения таких детей, а также создает трудности в организации обучения инофонов в школе, что может отражаться на состоянии всего школьного сообщества.

На втором месте в рейтинге трудностей, возникающих в классах, где обучаются дети-инофоны, находится слабое знание родителями русского языка и отсутствие русскоязычной коммуникации в семьях детей-инофонов. Третье место поделили проблемы языкового барьера в коммуникации с одноклассниками и отсутствия условий для обучения детей-инофонов дома. Вторая из указанных трудностей во многом связана с отмеченной экспертами тенденцией увеличения количества семей-инофонов с низким социальным статусом. Родители в таких семьях нередко не знают русского языка, не обладают достаточным уровнем образования и не могут эффективно помогать детям в обучении. В таких семьях нередко наблюдаются недостаточные условия для обучения ребенка, для выполнения домашних заданий и взаимодействия родителей со школой: 1) отсутствие компьютера, смартфона для домашних занятий; 2) низкий уровень информационной грамотности родителей.

Эксперты наших исследований сообщают о формировании в школьном сообществе групп учащихся по этническому принципу. Это происходит при наличии нескольких детей-инофонов общей этнической группы в школьном классе. «Они держатся только внутри себя. Если даже они разных возрастов, в разных классах, либо в классе встретились, в разное время пусть пришли. Они увидели по национальному принципу, и начинают внутри своего круга общаться чисто на родном языке, и не пытаются общаться на русском. И, соответственно, с русскоязычными детьми у них не всегда складываются очень хорошие отношения. Не в плане там вражды. Они просто с ними не идут на контакт. Когда их более чем 1–2, они сразу все друг друга находят, и внутри класса группируются. И это становится отдельная группа людей, и они не пытаются социализироваться дальше с классом. И по факту говорят по-русски только когда к ним обращается учитель» (Эксперт 6).

Более интенсивно процессы формирования групп по этническому признаку проявляются в среднем звене школы в классах с несколькими инофонами. Здесь отмечаются тенденция к образованию этнических групп, актуализация моделей поведения, основанных на утверждении инофонами своего этнического статуса, демонстрация дистанции по отношению к русскоязычным учащимся. Эксперты связывают эти проявления с возрастными особенностями учащихся, с ориентацией подростков на самоутверждение и приобретение престижного статуса, а также с влиянием семьи, в которой не требуют от детей успехов в обучении (требования ограничиваются нахождением в школе с целью избежать санкций со стороны органов опеки).

Перечисленные трудности заставляют школы искать способы их преодоления. Наиболее распространенной мерой, которая предпринимаются в школах Красноярского края для преодоления трудностей в обучении детей-инофонов, выступает применение индивидуального подхода к сопровождению процесса их обучения (рисунок 2). Основным субъектом, который организует деятельность детей-инофонов в школе, является классный руководитель, который выстраивает индивидуальный подход к таким детям: обеспечивает работу с семьей инофона, обсуждает вопросы его обучения с учителями-предметниками и отслеживает процесс его учебной работы. На уроках к учащемуся-инофону применяется дифференцированный подход, состоящий в том, что ребенок получает учебное задание с учетом его возможностей и уровня подготовленности. Плюс к этому для данной категории обучающихся организуются дополнительные занятия по предметам школьной программы, по которым у инофона есть отставание.

Следующей мерой по преодолению трудностей обучения детей-инофонов, о которой сообщили 22,7% учителей, выступают дополнительные занятия по освоению русского языка. Вместе с тем, как показывают результаты экспертного опроса, с помощью таких занятий быстро решить проблему языкового барьера у инофонов не удастся: инофону с минимальным знанием русского языка необходимо в среднем три-четыре года занятий для того, чтобы начать «неплохо владеть русским языком». Занятия по русскому языку, таким образом, должны иметь пролонгированный характер. Понимая это, школы разрабатывают индивидуальные образова-

тельные маршруты для инофонов по изучению русского языка. В школах с большим количеством детей-инофонов формируются отдельные структуры и подразделения, нацеленные на языковую и социокультурную адаптацию инофонов. Наряду с этим школы сотрудничают с учреждениями дополнительного образования, реализующими курсы по изучению русского языка.

**Рис. 2. «Какие меры предпринимаются в Вашей школе для преодоления трудностей в обучении детей-инофонов?»
Контент-анализ ответов на открытый вопрос**

Важным инструментом адаптации выступает вовлечение детей во внеклассные мероприятия с целью погружения инофонов в русскоязычную коммуникативную среду. Есть практика проведения систематических общешкольных мероприятий, направленных на социальную адаптацию – конкурсы, фестивали, проекты. «На базе школы проводятся такие мероприятия, как “Все флаги в гости к нам” – это конкурс чтецов, фестиваль “Мы разные, но мы вместе”, где дети показывают те номера, которые они приготовили.

В основном это песни, стихотворения на русском языке, т.е. это вот все способствует однозначно повышению общекультурных знаний по русскому языку, социализации и адаптации детей» (Эксперт 7). Подобные мероприятия, на наш взгляд, способствуют формированию общешкольной идентичности обучающихся, независимо от их национальных особенностей. Полагаем, идея формирования общешкольной идентичности учащихся обладает существенным потенциалом с точки зрения преодоления социальной дистанции между учащимися, принадлежащими к различным этническим группам, и социокультурной адаптации детей-инофонов в школьном социуме. Здесь нам видится актуальным составление методических рекомендаций по формированию данного вида идентичности в общеобразовательных школах.

Следующая мера, нацеленная на преодоление трудностей обучения учащихся-инофонов, – работа с семьей ребенка. Эта работа дает результаты, когда родители инофона в достаточной мере владеют русским языком, ориентированы на контакт со школой и транслируют детям установку на достижение образовательных результатов.

Менее распространенными являются меры, связанные с привлечением к работе с детьми-инофонами узких специалистов – логопеда, дефектолога, психолога, социального педагога. Около 8–9% опрошенных учителей указали на применение в их школе данной практики. Как следует из результатов экспертных интервью, указанные узкие специалисты работают с инофонами по запросу классного руководителя или родителей и, как правило, не сопровождают процесс адаптации детей-инофонов в школьном социуме на постоянной основе. На минимальном уровне в школах Красноярского края применяются и такие меры, как обмен опытом с другими школами и повышение квалификации педагогов в части работы с детьми-инофонами, включение детей-инофонов в различные группы сверстников, где ребенок может получить дружескую поддержку и коммуникативную практику.

Результаты наших исследований позволяют выделить подходы и методы, которые учителя школ считают эффективными для решения проблем обучения детей-инофонов в школах Красноярского края (рисунок 3).

**Рис. 3. «Какие пути решения проблем обучения детей-инофонов Вы считаете наиболее эффективными?»
Контент-анализ ответов на открытый вопрос**

В качестве эффективных методов учителя называют дополнительные занятия с учащимися-инофонами по русскому языку и другим базовым предметам, налаживание индивидуальной работы с учащимися усилиями классного руководителя и учителей-предметников, привлечение к сотрудничеству родителей и вовлечение детей-инофонов во внеклассные мероприятия с целью погружения в русскоязычную коммуникативную среду. Это ядро тех методов, которые на данный момент дают результат с точки зрения языковой и социокультурной адаптации детей-инофонов в общеобразовательных школах Красноярского края.

Ряд учителей видят эффективные способы решения проблемы обучения детей-инофонов в применении сепаративной модели ресоциализации инофонов – создании специализированных школ и классов для обучения их по адаптированным образовательным программам. Наличие таких мнений – индикатор серьезных трудностей, с которыми сталкиваются учителя при организации учебной работы с детьми-инофонами в рамках интегративной модели, когда инофоны обучаются в общих классах по общеобразовательной программе.

Со стороны школьных учителей и экспертного сообщества звучат мнения о необходимости придания инофонам отдельного статуса – обучающихся с особыми образовательными потребностями. Это позволит формировать для таких детей индивидуальные образовательные маршруты и адаптировать программу обучения, пополнить кадровые ресурсы (ввести в штатное расписание школы профильных специалистов, нацеленных на работу с инофонами – тьюторов, кураторов, педагогов, владеющих компетенциями в области межкультурной коммуникации), выделить дополнительный объем часов для занятий по языковой и социокультурной адаптации детей-инофонов, выделить дополнительное финансирование для оплаты работы специалистов. Для придания инофонам специализированного статуса в рамках школьного обучения необходимо совершенствование нормативной базы, которая в настоящее время не предполагает выделенного статуса учащегося-инофона.

Наконец, среди учителей встречаются носители мнения, что дети-инофоны должны получать школьное образование в национальных школах у себя на родине. Это позволит не решать, а из-

бежать всей совокупности проблем, возникающих при их обучении в российских школах.

Заключение

Таким образом, проблема языковой и социокультурной адаптации учащихся-инофонов в общеобразовательных школах в настоящее время не теряет актуальности, несмотря на усилия профессионального сообщества. Основным препятствием для успешной адаптации инофонов в школьном социуме остается языковой барьер и связанная с ним проблема освоения инофонами смыслов культуры принимающего общества. Существенно затрудняет процесс управления ресоциализацией инофонов в школах отсутствие единой системы оценивания языковых и социальных компетенций инофонов, запрос на которую сформирован школьной практикой. Требуется решение проблемы поиска эффективных технологий сотрудничества школы и семьи ребенка-инофона, что особенно актуально в отношении семей маятниковых мигрантов. Остро стоит проблема социокультурных медиаторов, которые могут выступить проводниками в мир российской культуры для инофонов и способствовать их адаптации в новой среде. Медиативную функцию для семей иноэтничных мигрантов в их взаимодействии с образовательными учреждениями способны выполнять национально-культурные автономии региона, потенциал которых в настоящее время используется слабо.

Набор инструментов, которые применяются для преодоления трудностей адаптации детей-инофонов в общеобразовательных школах Красноярского края, сводится к: 1) организации дополнительных занятий для инофонов по изучению русского языка и некоторых других предметов; 2) налаживанию индивидуальной работы с инофонами со стороны классного руководителя, внедрению элементов дифференцированного обучения детей-инофонов; 3) привлечению к совместной деятельности со школой семей инофонов; 4) вовлечению инофонов во внеучебные практики и мероприятия в школе; 5) привлечению адаптированных детей-инофонов к коммуникации для смягчения трудностей детей с недостаточным уровнем адаптированности к русскоязычной среде. Эксперты указывают, что актуальным дефицитом для школ вы-

ступает нехватка специалистов для работы с детьми-инофонами, недостаточное количество курсов повышения квалификации, обучающих программ по данному направлению работы, подчеркивают необходимость развития практики психологической поддержки инофонов на начальном этапе адаптации в школьном социуме.

Наиболее эффективными методами адаптации детей-инофонов в общеобразовательных школах специалисты-практики называют введение дополнительных занятий с учащимися-инофонами по русскому языку и другим базовым предметам, налаживание индивидуальной работы с учащимися усилиями классного руководителя и учителей-предметников, привлечение к сотрудничеству родителей детей-инофонов и вовлечение детей-инофонов во внеклассные мероприятия, использование методов дифференцированного обучения. В связи с этим отметим, что учителя общеобразовательных школ считают наиболее эффективными те пути решения проблем адаптации детей-инофонов, которые уже применяются в школах Красноярского края. Как показывает практика, данные методы позволяют только частично преодолевать возникающие трудности и не снижают актуальности проблемы ресоциализации учащихся-инофонов. Это обстоятельство ставит перед исследователями и практиками задачу расширения использования успешных практик адаптации инофонов, а также поиска новых методов и подходов на основании учета накопленного опыта и применения современных социальных технологий.

Список литературы

Ананьина Д.А., Терентьева А.В., Цзян Дань. Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. – 2022. – № 2. – С. 122–130.

Грасс Т.П., Петрищев В.И., Петрищева Г.П. Что же влияет на процесс ресоциализации детей-мигрантов в Красноярском крае? // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 19–23.

Ильина О.А. Модели обучения детей-инофонов русскому языку в российских школах // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 1. – С. 110–114.

Красноярские педагоги, ученые, социологи обсудили вопросы адаптации и преподавания русского языка для детей-инофонов // Официальный сайт Дома Дружбы народов Красноярского края «Родина». – URL: <https://ddn24.ru/news?id=1310&ysclid=ltfoqpkk11403572369> (дата обращения: 28.03.2024).

Монастырская Т.И., Кузина Е.В., Ковалева А.А. Адаптация детей мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школы // VI Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы»: сборник материалов конференции. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – С. 169–175.

Нетбай И.Л. Технологии адаптации детей-инофонов в новой языковой среде в зависимости от стартового возраста // *Этнодиалоги*. – 2015. – № 2 (49). – С. 168–181.

Омельченко Е.А. Технологии адаптации иноязычных и иноэтничных обучающихся в школьном образовании // *Родной язык*. – 2017. – № 2 (7). – С. 54–73.

Рекомендации по организации профилактической работы в образовательных организациях с целью предупреждения возникновения рисков совершения противоправных деяний несовершеннолетних иностранных граждан и в отношении них, в том числе с учетом национального и религиозного фактора / сост. Т.И. Сизова, М.Л. Солдатенкова, Т.В. Криворучко. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 39 с.

Социокультурная и языковая адаптация детей-мигрантов: практ. пособие / сост.: Е.А. Шамонова, Е.В. Мельник. – Сургут: Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2017. – 68 с.

Седлиньш Э.М. Исследование проблем языковой и социокультурной адаптации детей-мигрантов в Санкт-Петербурге // *Управленческое консультирование*. – 2019. – № 4. – С. 132–140.

Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 97–114.

Шестаков И.Е. Адаптация и обучение детей-инофонов в системе общего образования российской федерации // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. – 2023. – № 3. – С. 75–90.

Ушева Т.Ф., Мункоева Н.А. Социальная адаптация детей-мигрантов в общеобразовательной школе // *Russian journal of education and psychology*. – 2019. – № 8. – С. 47–57.

Уша Т.Ю. Опыт языковой адаптации инофонов как отражение миграционной политики // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. – 2014. – № 170. – С. 26–34.

Хусяинова Г.И. К вопросу об организации обучения детей-инофонов среднего школьного возраста в общеобразовательной школе // *Пермский педагогический журнал*. – 2021. – № 12. – С. 139–143.

Языковая адаптация обучающихся из числа детей мигрантов в образовательном пространстве Сахалинской области: методические рекомендации / сост. Е.В. Сверкунова. – Южно-Сахалинск: Изд-во ГБОУ ДПО ИРОСО, 2020. – 12 с.

References

- Anan'ina D.A., Terent'eva A.V., Czzyan Dan'. Adaptaciya detej-migrantov v usloviyax inokul'turnoj sredy': social'no-filosofskij analiz [Adaptation of migrant children in a foreign cultural environment: a socio-philosophical analysis]. *Gumanitarnyj vektor* [The humanitarian vector]. – 2022. – N 2. – P. 122–130. – DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-122-130 (In Russian)
- Grass T.P., Petrishhev V.I., Petrishheva G.P. Chto zhe vliyaet na process resocializacii detej-migrantov v Krasnoyarskom krae? [What influences the process of resocialization of migrant children in the Krasnoyarskii Krai?]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian pedagogical journal]. – 2013. – N 6. – P. 19–23. (In Russian)
- Il'ina O.A. Modeli obucheniya detej-inofonov russskomu yazy'ku v rossijskix shkolax [Models of teaching Russian to foreign-speaking children in Russian schools]. *Vestnik CzMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [Bulletin of the Central research institute of Moscow state university. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology]. – 2015. – N 1. – P. 110–114. (In Russian)
- Krasnoyarskie pedagogi, ucheny'e, sociologi obsudili voprosy' adaptacii i prepodavaniya russkogo yazy'ka dlya detej-inofonov [Krasnoyarsk teachers, scientists, sociologists discussed the issues of adaptation and teaching of the Russian language for children with foreign languages]. *Oficial'nyj sajt Doma Druzhy' narodov Krasnoyarskogo kraja "Rodina"* [The official website of the House of Friendship of Peoples of the Krasnoyarskii Krai "Rodina"]. – URL: <https://ddn24.ru/news?id=1310&ysclid=ltfoqpkk11403572369> (accessed: 28.03.2024) (In Russian)
- Monasty'rskaya T.I., Kuzina E.V., Kovaleva A.A. Adaptaciya detej migrantov v obrazovatel'noj srede: problemy' i vozmozhnosti srednej shkoly' [Adaptation of migrant children in the educational environment: problems and opportunities of secondary school]. *VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Specifika e'tnicheskix migracionny'x processov na territorii Central'noj Sibiri v XX–XXI vekax: opyt i perspektivy": sbornik materialov konferencii* [VI International scientific and practical conference "The specifics of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX–XXI centuries: experience and prospects": collection of materials of the conference]. – Krasnoyarsk: Siberian federal university, 2017. – P. 169–175. (In Russian)
- Netbaj I.L. Texnologii adaptacii detej-inofonov v novej yazy'kovoj srede v zavisimosti ot startovogo vozrasta [Technologies of adaptation of foreign-speaking children in a new language environment, depending on the starting age]. *E'tnodialogi* [Ethnodialogues]. – 2015. – N 2 (49). – P. 168–181. (In Russian)
- Omel'chenko E.A. Tehnologii adaptacii inoyazy'chny'h i inoe'tnichny'h obuchayushhihsya v shkol'nom obrazovanii [Technologies of adaptation of foreign-speaking and non-ethnic students in school education]. *Rodnoj yazy'k* [Native language]. – 2017. – N 2 (7). – P. 54–73. (In Russian)
- Rekomendacii po organizacii profilakticheskoy raboty' v obrazovatel'ny'x organizaciyax s cel'yu preduprezhdeniya vzniknoveniya riskov soversheniya protivopravny'x deyanij nesovershennoletnix inostranny'x grazhdan i v otnoshenii nix, v tom chisle s uchetom nacional'nogo i religioznogo faktora* [Recommendations on the or-

ganization of preventive work in educational institutions in order to prevent the occurrence of risks of committing illegal acts of minors of foreign citizens and in relation to them, including taking into account the national and religious factor]. Ed. by T.I. Sizova, M.L. Soldatenkova, T.V. Krivoruchko. – Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2022. – 39 p. (In Russian)

Sociokul'turnaya i yazy'kovaya adaptaciya detej-migrantov: prakt. posobie [Socio-cultural and linguistic adaptation of migrant children: a practical guide]. Ed. by E.A. Shamonova, E.V. Mel'nik. – Surgut: Izd-vo byudzhetnogo uchrezhdeniya Xanty'-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry' «Metodicheskij centr razvitiya social'nogo obsluzhivaniya», 2017. – 68 p. (In Russian)

Sedlin'sh E.M. Issledovanie problem yazy'kovoj i sociokul'turnoj adaptacii detej-migrantov v Sankt-Peterburge [Research on the problems of linguistic and socio-cultural adaptation of migrant children in St. Petersburg]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting]. – 2019. – N 4. – P. 132–140. – DOI 10.22394/1726-1139-2019-4-132-140 (In Russian)

Trufanov D.O., Rafikov R.G. Migracionnoe prostranstvo regiona i ego deformacii [The migration space of the region and its deformations]. *Siberian socium*. – 2018. – Vol. 2, N 1. – P. 97–114. – DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-97-114 (In Russian)

Shestakov I.E. Adaptaciya i obuchenie detej-inofonov v sisteme obshhego obrazovaniya Rossijskoj Federacii [Adaptation and education of foreign-speaking children in the general education system of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow university. Series 20. Pedagogical education]. – 2023. – N 3. – P. 75–90. – DOI: 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-3-75-90 (In Russian)

Usheva T.F., Munkoeva N.A. Social'naya adaptaciya detej-migrantov v obshheobrazovatel'noj shkole [Social adaptation of migrant children in secondary schools]. *Russian journal of education and psychology*. – 2019. – N 8. – P. 47–57. (In Russian)

Usha T.Yu. Opy't yazy'kovoj adaptacii inofonov kak otrazhenie migracionnoj politiki [The experience of language adaptation of foreign speakers as a reflection of migration policy]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* [Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen]. – 2014. – N 170. – P. 26–34. (In Russian)

Xusyainova G.I. K voprosu ob organizacii obucheniya detej-inofonov srednego shkol'nogo vozrasta v obshheobrazovatel'noj shkole [On the issue of organizing the education of foreign-speaking children of secondary school age in a comprehensive school]. *Permskij pedagogicheskij zhurnal* [Perm pedagogical journal]. – 2021. – N 12. – P. 139–143. (In Russian)

Yazy'kovaya adaptaciya obuchayushhixsya iz chisla detej migrantov v obrazovatel'nom prostranstve Saxalinskoj oblasti: metodicheskie rekomendacii [Language adaptation of students from among migrant children in the educational space of the Sakhalin region: methodological recommendations]. Ed. by E.V. Sverkunova. – Yuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo GBOU DPO IROSO, 2020. – 12 p. (In Russian)

УДК 37.01

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.05

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШВЕЦИИ
И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматриваются особенности шведского народного образования (фолкбилднинга) в контексте проблем интеграции мигрантов. Представлены основные факторы неформального образования для взрослых, способствующие успешному включению мигрантов в принимающее их общество, такие как предоставление участникам доступа к социальными ресурсам, информации и знаниям для построения связей внутри местных сообществ и общества в целом.

Ключевые слова: народное образование (фолкбилднинг); неформальное образование; интеграция мигрантов; инклюзия; Швеция.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Народное образование в Швеции и интеграция мигрантов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 81–90. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.05

Статья поступила: 23.03.2024.

Принята к публикации: 15.04.2024.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Popular education in Sweden and integration of migrants (Literature review)

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Abstract. The review examines the features of Swedish popular education (folkbildning) in the context of migrant integration. The main factors of non-formal education for adults that contribute to the successful integration of migrants into the host society are presented, such as providing participants with access to social resources, information and knowledge to build connections within local communities and society as a whole.

Keywords: popular education (folkbildning); non-formal education; integration of migrants; inclusion; Sweden.

For citation: Pryazhnikova O.N. Popular education in Sweden and integration of migrants (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 81–90. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.05

Received: 23.03.2024.

Accepted: 15.04.2024.

Термин фолкбилднинг (Folkbildning) можно перевести со шведского как «народное образование», а буквальное значение слова – «формирование людей». Организованное народное образование – фолкбилднинг – в Швеции осуществляют 156 народных школ (114 из них управляются некоммерческими организациями и 42 – регионами) и десять учебных ассоциаций (Studieförbund), которые продвигают народное образование в виде учебных кружков, встреч и мероприятий и получают финансовую поддержку со стороны шведского государства. Шведская система народных школ помогает взрослым людям дополнить свое образование. В ее рамках предлагаются общий курс для тех, кто хочет закончить начальную или среднюю школу; профильные курсы по интересам; профессиональное обучение для тех, кто хочет овладеть определенными трудовыми навыками; различные летние курсы. Отличительными чертами народных средних школ является их ориентация на активное участие обучающихся, взаимное обучение в группах и высокий уровень вовлеченности участников в формирование собственного образования [Sokolova, 2019].

Исторически фолкбилднинг в Швеции возник как вид коллективных объединений на базе общественных движений и орга-

низаций гражданского общества. Фолкбилднинг преследует цели просвещения широких масс населения и продолжает развивать наследие шведского народного образования, сыгравшего важную роль в развитии шведского общества начиная с времен Реформации и до наступления буржуазной демократии и введения всеобщего избирательного права. Фолкбилднинг зародился на волне индустриального развития и возникновения мощных социальных движений во второй половине XIX в. и развивался в ходе долгого культурного процесса, характеризующегося постоянной конкуренцией за влияние на общество между различными социальными группами.

В XX в. социалистическое рабочее движение способствовало расширению просветительской деятельности возникших в XIX в. образовательных ассоциаций. Участники рабочего движения собрались вместе на базе политических объединений, профсоюзов и кооперативных обществ, чтобы заниматься самообразованием и обмениваться жизненным опытом. В ходе взаимодействия они получали представление о политических течениях того времени, продвигавших идеологию равенства, справедливости и солидарности; они учились применять на практике демократические принципы и осуществлять демократический контроль деятельности своих объединений [Gougoulakis, 2016, p. 18].

В настоящее время народное образование для взрослых субсидируется государством, но при этом сохраняется его автономия. Это означает, что государство ставит перед образовательными объединениями определенные цели, и они сами решают то, как эти цели будут достигнуты. Государственная поддержка предполагает, что деятельность в рамках фолкбилднинга должна, например, помогать укреплять демократию, основываясь на свободном и добровольном участии и некоммерческих целях. Помимо этого учебные кружки способствуют развитию навыков демократических действий – благодаря тому, что образовательные и коммуникативные практики в их рамках предполагают равное участие; выстраивание и поддержание горизонтальных отношений; коллективные обсуждения; распространение знаний, которые формируют точку зрения; признание различных идентичностей; демократический принцип принятия решений; действия по формированию сообществ [Larsson, 2001, p. 201]. Согласно Министерству образования

Швеции, фолксбилднинг способствует укреплению демократии, потому что его практики: создают образовательную среду, которая стимулирует участие в жизни общества; создают площадку для развития гражданских движений (например феминистских, экологических); дают возможность участникам заниматься искусством и быть не только потребителями, но и создателями культуры; играют значимую роль в развитии местных сообществ; способствует партнерству между некоммерческим, государственным и частным секторами; расширяет возможности людей понимать политические процессы, выражать свое мнение о них и требовать подотчетности их акторов [Sokolova, 2019].

По мнению профессора Стокгольмского университета П. Гугулакиса, история шведского движения народного образования представляет собой нарратив о преобразовании бедной аграрной страны в современное, высокотехнологичное государство всеобщего благосостояния с хорошо функционирующими институтами и прозрачной демократической системой управления. Помимо прочего, отмечает П. Гугулакис, встречи, обучение и общение в учебных кружках несут в себе культурный образец подлинного шведского социального общения – не слишком интимного и не слишком формального, для которого подходит характеристика *lagom*, что значит «умеренное» [Gougoulakis, 2021, p. 93].

Неформальное образование для взрослых расширяет возможности людей улучшать свои жизненные обстоятельства и участвовать в развитии общества. Фолкбилднинг вносит вклад в сокращение разрыва в уровне образования различных социальных групп, в том числе социально и культурно ущемленных, например мигрантов. Более того, мигранты определяются правительством Швеции в качестве приоритетной группы для участия в практиках фолкбилдинга [Lära, växa ... , 2015].

Вхождение мигрантов в новое общество начинается с изучения языка, в том числе при взаимодействии с другими людьми в различных социальных контекстах. В процессе подобных коммуникаций преодолеваются этнические, социальные и культурные границы. Вместе с тем человек знакомится с новыми, непонятными обычаями, что приводит либо к осознанию и приятию нового, либо к конфликту, который и представляет собой образовательную проблему. Эксперты возлагают большие надежды на то, что прак-

тики фолкбилдинга будут способствовать решению проблем, возникающих при социальной интеграции мигрантов, предлагая площадки для встреч и диалога людям из разных социальных групп, имеющих схожие интересы [Migration ... , 2024, p. 127].

В 2016 г. на фоне кризиса, связанного с притоком в Швецию большого количества беженцев¹, произошло расширение миссий учебных ассоциаций фолкбилдинга, касающееся привлечения в учебные кружки мигрантов, в том числе тех, у которых не было доступа к образованию в странах происхождения, но имелся запрос развивать свои знания шведского языка, активно участвовать в жизни общества, интегрироваться на рынок труда. В настоящий момент учебные ассоциации Швеции продвигают практики обучения на протяжении всей жизни и придерживаются следующих приоритетов: 1) обучение взрослых, включая беженцев / мигрантов; 2) обучение молодых людей трудовым навыкам для последующего трудоустройства; 3) продвижение цифровой грамотности; 4) продвижение знаний об искусстве и культуре [Folkbildning ... , 2016].

В 2016–2017 гг. Studieförbunden (головная организация десяти учебных ассоциаций фолкбилдинга Швеции) вместе со своими дочерними организациями в других скандинавских странах (Folkbildning Norden) реализовали исследовательский проект «Народное образование и роль сектора образования для взрослых в поддержке интеграции» [Wiktorin, 2017]. Целью проекта было расширить представление о скандинавских моделях интеграции вновь прибывающих иммигрантов в контексте неформального образования – фолкбилдинга. В результате были представлены следующие выводы о положительном влиянии неформального обучения на успешную интеграцию мигрантов [Wiktorin, 2017, p. 23–31].

1. Неформальное образование в Швеции основано на принципе участия, его получают как те, кто впервые «входят» в общество, так и те, кто уже включен в него. *Участие создает условия для инклюзии*, так как люди, которые встречаются в контексте не-

¹ По данным Шведского миграционного управления (Migrationsverket), в Швеции было подано около 375 тыс. заявлений о предоставлении убежища в 2013–2018 гг. Рекордное количество было подано в 2015 г. – почти 163 тыс. В 2011–2018 гг. большинство просителей убежища прибыли из Сирии, Афганистана, Ирака, Сомали и Эритреи [Sokolova, 2019].

формального образования, приобретают дополнительные возможности для продолжения общения и расширения контактов.

2. Одна из основных ценностей неформального образования заключается в том, что это не односторонняя передача знаний и навыков, а скорее встреча равных, в ходе которой реализуется целостный подход к обучению. В нее включены такие темы, как культурная и общественная жизнь, физическое здоровье и спорт. Таким образом, людям становится доступен более *широкий спектр возможностей адаптации* в новом обществе.

3. Для неформального образования характерен *более гибкий подход* при обучении, чем при формальном образовании. Таким образом, оно подходит и тем, кто хорошо образован или имеет профессиональную квалификацию, и тем, кто имеет низкий уровень образования и более длинный путь интеграции на рынок труда в новой стране. С одной стороны, неформальное обучение основывается на собственном выборе учащихся, с другой – соответствует потребностям общества и рынка труда. Кроме того, в его рамках происходит сочетание групповой деятельности, индивидуальной поддержки и консультирования.

4. Неформальное образование создает *условия для овладения языком*, который является ключевым инструментом для включения в общество, открывающим двери в новую культуру и расширяющим возможности трудоустройства.

5. Один из важных элементов неформального образования – создание своеобразной площадки для развития организаций гражданского общества и создания сетей. Участники неформального образования получают *доступ к различным сетям социальных контактов*, что естественным образом увеличивает инклюзивность, повышает шансы найти работу и т.д.

6. Опыт неформального образования показывает, что успешные практики обучения должны строиться, *исходя из существующих потребностей целевой группы*. Неформальное образование начинается с оценки текущей ситуации человека, исходя из которой корректируются методы обучения. В результате участники образовательного процесса получают возможность повысить качество своей жизни и интеграции в общество, так как получают необходимую именно им поддержку.

7. Бесплатное неформальное образование открывает возможности для полноценной инклюзии, предлагая *обучение на протяжении всей жизни*, опыт обучения с учетом возможных пробелов предыдущего образования, что особенно важно вновь прибывающим мигрантам для адаптации и интеграции на рынок труда.

8. Неформальное образование *обходится недорого* и дает хорошие результаты. В отличие от государственных учреждений и частного образования, неформальное образование сочетает в себе оплачиваемый персонал и вклад некоммерческих организаций, что снижает издержки. Однако, чтобы неформальное образование могло внести действительно значительный вклад в рост инклюзии, необходимо и государственное финансирование.

9. Неформальное образование *позволяет связать навыки мигрантов с потребностями рынка труда*, так как в его рамках существуют регулярные контакты и сотрудничество с местными работодателями. Оценка и адаптация существующих компетенций мигрантов в ходе практик неформального обучения облегчает их текущую и будущую трудовую жизнь.

По оценкам специалистов, доля мигрантов – участников учебных кружков выше, чем их доля в общей численности населения Швеции. Это свидетельствует о достаточно активном вовлечении данной социальной группы в практики фолкбилдинга. Это справедливо и для мужчин, и для женщин в возрасте 15–64 лет. Интересно, что при привлечении мигрантов к неформальному образованию, как правило, сначала инициируется диалог между этническими объединениями мигрантов и представителями гражданских образовательных организаций. Это необходимо для привлечения сначала активных членов этнических объединений с целью познакомить их с демократическими ценностями фолкбилдинга, прежде чем они смогут принять и практиковать их в дальнейшем, обучаясь в организациях неформального образования Швеции, и знакомить с ними членов своих общин [Pastuhov, Nordvalla, Osmanb, 2021, p. 181].

Исследование, проведенное в 2016–2017 гг. в шведском муниципалитете Чёпинг (Köping) с участием шведской Ассоциации образования рабочих (Arbetarnas Bildningsförbund – ABF), посвящено деятельности кружков и других форм народного образования, ориентированных на мигрантов, многие из которых были ор-

ганизованы в сотрудничестве с этническими объединениями [Pastuhov, Nordvalla, Osmanb, 2021]. Образовательная деятельность в рамках неформального обучения взрослых варьируется от спорта до культуры и социальных вопросов. Они проводятся в виде футбольных тренировок, различных культурных мероприятий, занятий по танцам, рукоделию и кулинарии, а также поездок по окрестностям. Некоторые ассоциации организуют кружки по обучению молодежи их родному языку, шведскому языку, компьютерной грамотности; помогают с выполнением домашних заданий как молодежи, так и взрослым, посещающим учреждения формального образования. В муниципалитете действуют несколько учебных кружков по обсуждению проблем общества, гражданства и интеграции. Некоторые мероприятия направлены на предотвращение приобретения молодежью «плохих привычек», например кружки по изучению вопросов злоупотребления наркотиками и его последствий. Некоторые ассоциации также помогают мигрантам заполнять различные официальные документы / формы, необходимые для предоставления в государственные учреждения.

Исследователи, проведя интервью с мигрантами, отмечают, что культурно-дискурсивные механизмы участия мигрантов в учебных кружках, обеспечивающие их социальную инклюзию, включают разносторонний обмен участников информацией, знаниями и навыками, позволяющими ориентироваться в обществе и взаимодействовать в нем в условиях «безопасной» среды. Кроме того, благодаря деятельности учебных кружков устраняются некоторые возможные препятствия для инклюзии, в частности недостаточное знание шведского языка и «стыд» из-за неумения свободно говорить по-шведски. Культурно-дискурсивные механизмы, потенциально ограничивающие участие в фолкбилднинге, заключаются в отсутствии начальных навыков общения на шведском языке, особенно среди пожилых мигрантов, которые таким образом могут стать менее способными взаимодействовать с окружающим обществом [Pastuhov, Nordvalla, Osmanb, 2021, p. 188].

Социально-политические аспекты участия мигрантов в учебных кружках, обуславливающие социальную инклюзию, касаются своеобразного поиска баланса между «функционированием» в шведском обществе и сохранением этнокультурного наследия. Обнаружению оптимальной «точки» в этом балансе, по мнению

исследователей, способствует то, что кружки обеспечивают так называемую социальную структуру для повседневной жизни, выстраивают отношения между участниками «на равных» и создают возможности учиться брать на себя роль лидера [Pastuhov, Nordvalla, Osmanb, 2021, p. 189].

Таким образом, рассматриваемые исследования показывают, что в последние годы неформальное образование играет все более важную роль в содействии интеграции вновь прибывающих мигрантов в шведское общество. Важным достижением образовательного подхода фолкбилднинга можно назвать тот факт, что он способствует росту социальной сплоченности, позволяя участникам учиться друг у друга тому, как «работает» общество и как можно участвовать в этой работе – интегрироваться в ткань демократического общества и формировать ее [Sokolova, 2019]. Однако, поскольку вовлечение значительного количества мигрантов в практики неформального образования представляет собой относительно новое явление, существует огромная потребность в исследованиях роли неформального образования в содействии успешной интеграции мигрантов, в том числе в долгосрочном периоде. Кроме того, тщательного анализа требуют факторы, ограничивающие инклюзию в контексте образования для взрослых, включая нехватку разнообразных ресурсов, возникающие проблемные моменты для поддержания и развития конструктивных отношений внутри групп обучающихся и т.д.

Список литературы

Folkbildning Sweden – Nordic-Baltic meeting // Leikn. – 2016. – URL: http://leikn.is/wp-content/uploads/2017/10/2016_Sv%C3%AD%C3%BEj%C3%B3C3%B0.pdf (accessed: 23.03.2024).

Gougoulakis P. Human learning and study circles: reflections on a fascinating enterprise for personal and social development // Paideia. – 2021. – N 68. – P. 77–105.

Gougoulakis P. Popular adult and labor education movement in Sweden – history, content, pedagogy // International labor and working-class history. – 2016. – N 90. – P. 12–27.

Lära, växa, förändra – Regeringens folkbildningsproposition (Prop. 2005/06:192) // Regeringskansliet. – 2015. – April 2. – URL: <https://www.regeringen.se/rattsligadokument/proposition/2006/03/prop.-200506192-> (accessed: 23.03.2024).

Larsson S. Seven aspects of democracy as related to study circles // International journal of lifelong education. – 2001. – Vol. 20, N 3. – P. 199–217.

Migration, education and employment pathways to successful integration / ed. by M. Teräs, A. Osman, E. Eliasson. – Cham: Springer, 2024. – 203 p.

Pastuhov A., Nordvalla H., Osmanb A. Popular education by and for migrants. A study of preconditions for involvement of migrant study circle participants in the Swedish workers' educational association // *Education inquiry*. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 178–193.

Sokolova T. The Swedish model of popular education for inclusion and democracy: supporting migrants and refugees in learning about Sustainable Development Goals with Karin Westberg. Case study for Erasmus Plus project «Migrants and refugees as re-builders» // Erasmus+ Cross-border Intercultural and Societal Entrepreneurs. – 2019. – URL: <https://kistafolkhogskola.se/wp-content/uploads/2019/05/Case-study-Karin-Westberg.pdf> (accessed: 23.03.2024).

Wiktorin K. Inclusion of refugees through non-formal education 2017 – Nordic best practice. – Copenhagen: Nordic council of ministers, 2017. – 46 p.

References

Folkbildning Sweden – Nordic-Baltic meeting / Leikn. – 2016. – URL: http://leikn.is/wp-content/uploads/2017/10/2016_Sv%C3%AD%C3%BEj%C3%B3%C3%B0.pdf (accessed: 23.03.2024).

Gougoulakis P. Human learning and study circles: reflections on a fascinating enterprise for personal and social development. *Paideia*. – 2021. – N 68. – P. 77–105.

Gougoulakis P. Popular adult and labor education movement in Sweden – history, content, pedagogy. *International labor and working-class history*. – 2016. – N 90. – P. 12–27.

Lära, växa, förändra – Regeringens folkbildningsproposition (Prop. 2005/06:192). *Regeringskansliet*. – 2015. – April 2. – URL: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2006/03/prop.-200506192-> (accessed: 23.03.2024).

Larsson S. Seven aspects of democracy as related to study circles. *International journal of lifelong education*. – 2001. – Vol. 20, N 3. – P. 199–217.

Migration, education and employment pathways to successful integration. Ed. by M. Teräs, A. Osman, E. Eliasson. – Cham: Springer, 2024. – 203 p.

Pastuhov A., Nordvalla H., Osmanb A. Popular education by and for migrants. A study of preconditions for involvement of migrant study circle participants in the Swedish workers' educational association. *Education inquiry*. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 178–193.

Sokolova T. *The Swedish model of popular education for inclusion and democracy: supporting migrants and refugees in learning about Sustainable Development Goals with Karin Westberg. Case study for Erasmus Plus project “Migrants and refugees as re-builders”* / Erasmus + Cross-border intercultural and societal entrepreneurs. – 2019. – URL: <https://kistafolkhogskola.se/wp-content/uploads/2019/05/Case-study-Karin-Westberg.pdf> (accessed: 23.03.2024).

Wiktorin K. *Inclusion of refugees through non-formal education 2017 – Nordic best practice*. – Copenhagen: Nordic council of ministers, 2017. – 46 p.

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.06

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: КУРИЛЛА И.И. АМЕРИКАНЦЫ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ: ИСТОКИ И СМЫСЛ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США. – Москва: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

Аннотация. Рецензия посвящена книге «Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США». Известный американист И.И. Курилла анализирует в своей работе факторы внешней и внутренней политики, сформировавшие политическую модель США, ее ключевые элементы, особенности самоидентификации американцев.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; внешняя и внутренняя политика; «американская модель»; США и Россия.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 91–97. – Рец. на кн.: Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. – Москва: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.06

Рецензия поступила: 25.04.2024.

Принята к публикации: 15.05.2024.

YADOVA M.A.** Book review: Kurilla I.I. Americans and everyone else: the origins and meaning of U.S. foreign policy. – Moscow: Alpina Publisher, 2024. – 320 p.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

Abstract. The review describes the book “Americans and everyone else: the origins and meaning of U.S. foreign policy “. I.I. Kurilla, a well-known specialist in American history, analyzes the factors of foreign and domestic policy that determined the political model of U.S., its key elements, and the peculiarities of self-identification of the Americans.

Keywords: United States of America; foreign and domestic policy; “American model”; U.S. and Russia.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 91–97. Book review: Kurilla I.I. Americans and everyone else: the origins and meaning of U.S. foreign policy. – Moscow: Alpina Publisher, 2024. – 320 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.06

Received: 25.04.2024.

Accepted: 15.05.2024.

Книга известного российского американиста Ивана Ивановича Куриллы «Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США» вышла совсем недавно, но уже успела завоевать симпатии читателей, став бестселлером. Причин тому несколько. Во-первых, это вызвано несомненными достоинствами самой работы, сочетающей научность и исследовательскую скрупулезность с увлекательностью изложения и нетривиальностью авторского взгляда. Во-вторых, привлекает внимание и сам предмет исследования: Соединенные Штаты Америки были и остаются ключевым игроком на мировой арене; одни страны считают важным перенять или хотя бы учесть опыт США для собственного развития, другие видят свою миссию в противопоставлении и соперничестве с «американским миром». В своей книге И.И. Курилла пытается разобраться в том, что представляет собой «американская модель» политического и общественного устройства, каковы факторы внутренней и внешней политики, создавшие Америку такой, какой мы ее видим сегодня. Автор размышляет над тем, как сформировались ключевые элементы американской модели (демократия, исключительность, мессианство), как на смену изоляционизму пришел экспансионизм, как сочетаются друг с другом присущие американцам идеализм и рационализм.

В 11 главах, составляющих структуру книги, автор исследует три взаимосвязанные проблемы: как американцы представляли себя на разных этапах истории своей страны, какой образ США сложился у других народов, как эти представления формировали американскую внешнюю политику и как влияли на позиционирование Соединенных Штатов в мире. По мнению И.И. Куриллы, разговор о США невозможен без упоминания американской исключительности и стремления американцев выстраивать свою коллективную идентичность, ориентируясь на образ Другого. По словам автора книги, американцы привыкли считать, что «их нация принципиально отлична ото всех других, что выражается в исключительной исторической роли, особой миссии, которую их страна выполняет в мире» [Курилла, 2024, с. 8].

Основным фактором конструирования американской идентичности И.И. Курилла считает противопоставление себя Другим. На протяжении веков образ Другого менялся: сначала это были английские колонизаторы, индейцы, сторонники рабства, потом – Российская империя и СССР, а сегодня – современные Россия и Китай. Как отмечает автор, описание самих себя является для американцев своеобразной проблемой, так как изначально американская нация формировалась из очень неоднородных частей – тринадцати колоний, каждая из которых отличалась от другой социальным устройством и нормативной системой; кроме того, американская нация конструировалась посредством «отсечения не вписавшихся в нее людей» (например, лоялистов, продолжавших считать себя англичанами и пр.) [Курилла, 2024, с. 31]. В этих условиях американцам было важно определить себя не только с помощью комплекса присущих им как нации черт, но и в контексте «апофатической» традиции – четко фиксируя то, что отделяет их от других народов, то, чем коллективное «мы» точно не является. Так, изначально образ США строился во многом на отталкивании от Великобритании, поскольку англосаксонские иммигранты мечтали видеть в американском социуме «преодоленные» черты своей покинутой родины.

Двигаясь за автором от главы к главе, можно изучить специфику американского нациестроительства в контексте эволюции внешней и внутренней политики США. В первые десятилетия существования Соединенных Штатов американцы воспринимали

свою страну прежде всего как независимую демократическую республику. Причем уже тогда США стали эталонной моделью независимой демократической страны для многих приверженцев реформ по всему миру. Послевоенное переустройство мира сделало США одной из двух сверхдержав и лидером западного мира. Это, по словам И.И. Куриллы, потребовало от американского общества мобилизации всех ресурсов, а «тяжесть мировой ответственности» проявилась в поиске «новых враждебных Других – от мексиканцев до коммунистов» [Курилла, 2024, с. 211]. Такая ситуация не выглядит странной, так как автор на протяжении повествования неоднократно подчеркивает, что особенности американской внешней политики, выражающиеся в стремлении к экспансионизму и мессианству, являются не блажью, а «частью постоянного усилия по поддержанию внутреннего единства американской нации» [там же, с. 307]. После распада СССР Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой; тогда многим казалось, что американская политическая модель станет доминирующей в общемировом масштабе (вспомним прогнозы Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1992], которые, впрочем, были встречены шквалом критики). В то же время, отмечает автор книги, рубеж веков ознаменовал ряд новых вызовов для американцев: европейские страны больше не нуждались в американской защите от советской угрозы, а также «перестали видеть в США образец политического устройства и сами стали служить примерами для стран» [Курилла, 2024, с. 311], идущих по пути демократизации; в качестве конкурентов появились новые авторитарные режимы. Положение «гегемона ... без соперника» [Курилла, 2024, с. 263] грозило утратой мирового лидерства и конфликтами внутри американского социума. Появление новых угроз (исламский терроризм, Китай, Россия) «спасло ситуацию». Сегодня наша страна вновь выступает в (хочется сказать, традиционной) роли враждебного Другого для США, а американское общество находится в кризисном состоянии. Вместе с тем, подчеркивает исследователь, внутренние расколы в США ведут не к ослаблению внешней политики, а, наоборот, к ее активизации (она призвана гасить внутренние конфликты и сплачивать нацию), поэтому, как ни парадоксально звучит, «спокойствие американского общества – в интересах России» [там же, с. 312].

Позволю себе небольшое размышление по следам прочитанного. Сейчас кажется, что отношения между Россией и США никогда не потеплеют, однако само устройство глобального мира, где «все связано со всем», рано или поздно потребует такой нормализации. Мы живем в ситуации слома привычного миропорядка; не только российское, но и американское общество заняты «пересборкой» собственной идентичности и поиском комфортного «места под солнцем» в новом мире. Полагаем, что общей платформой, способной объединить даже политических противников, может стать система требований и норм, которые предъявляет к личности XXI века сложная и противоречивая эпоха постмодерна. Прежде всего имеется в виду комплекс черт так называемой современной личности¹, которые впервые были зафиксированы американским социологом А. Инкелесом в ходе изучения взглядов жителей модернизирующихся социумов: открытость инновациям и изменениям; одобрение плюрализма мнений; терпимость к людям независимо от их этнической и религиозной принадлежности, социального статуса, материального положения и т.п.; ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; самостоятельность; вера в собственные возможности, в регулируемость и предсказуемость социальной жизни [Inkeles, Smith, 1974, p. 289–302]. Среди ключевых преимуществ модели «современной личности» – ее инвариантность и применимость к модернизирующимся обществам любого типа, независимо от их социокультурной специфики.

Примечательно, что на рубеже веков некоторые исследователи воспринимали работы А. Инкелеса как декларацию «единственно правильного» – ставшего глобальным – американского образа жизни [Perkin, 1999]. Однако спустя годы эти опасения можно считать напрасными: говорить о тренде всеобщей американизации не приходится. Глобализационные процессы подстегиваются глокализационными: ожидаемого стирания национальных и региональных отличий не произошло, напротив, наметилась тенденция

¹ Мы разделяем мнение исследователей, видящих в идеях постмодерна нечто новое, а продолжение и «переработку» идей и идеалов модерна. Например, Э. Гидденс, характеризуя время, в котором мы живем, говорит о «поздней современности», или эпохе радикализации модерна [Giddens, 1990]. З. Бауман в своих трактовках также не выходит за рамки понятия «modernity», используя для описания нынешнего времени метафору «текучая современность» [Bauman, 2000].

к их сохранению и усилению. На наш взгляд, обладатели качеств «современной личности», вне зависимости от страны проживания, способны наладить диалог друг с другом.

Подводя итоги, И.И. Курилла задается вопросами, на которые, по его собственному признанию, у него нет ответа: «Могу ли я ободрить тех, кто привык видеть в Соединенных Штатах Америки образец? Или, напротив, тех, кто ждет их конца?» [Курилла, 2024, с. 312]. Думается, невозможность ответить на эти вопросы (или, скорее, понимание абсурдности их постановки) – еще одно доказательство исследовательской честности автора, сумевшего избежать условно «патриотических» или «либеральных» идеологически клишированных оценок в отношении американского общества. Предполагаем, что не всем такая беспристрастность придется по душе; те же, кому импонирует подобный подход, наверняка оценят книгу «Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США» по достоинству.

Список литературы

Курилла И.И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. – Москва: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

Bauman Z. *Liquid modernity*. – Cambridge: Polity; Malden (MA): Blackwell, 2000. – 232 p.

Fukuyama F. *The end of history and the last man*. – New York: Free press, 1992. – 418 p.

Giddens A. *The consequences of modernity*. – Cambridge: Polity, 1990. – 101 p.

Inkeles A., Smith D.H. *Becoming modern: individual changes in six developing countries*. – Cambridge (MA): Harvard university press, 1974. – 448 p.

Perkin H. Book review: One world emerging? Convergence and divergence in industrial societies. By Alex Inkeles (Boulder: Westview Press, A Division of Harper Collins Inc., 1998. xix plus 423 pp.) // *Journal of social history*. – 1999. – Vol. 23, N 1. – P. 461–462.

References

Bauman Z. *Liquid modernity*. – Cambridge: Polity; Malden (MA): Blackwell, 2000. – 232 p.

Fukuyama F. *The end of history and the last man*. – New York: Free press, 1992. – 418 p.

Giddens A. *The consequences of modernity*. – Cambridge: Polity, 1990. – 101 p.

Inkeles A., Smith D.H. *Becoming modern: individual changes in six developing countries*. – Cambridge (MA): Harvard university press, 1974. – 448 p.

**Рец. на кн.: Курилла И.И. Американцы и все остальные:
истоки и смысл внешней политики США**

Kurilla I.I. *Amerikancy i vse ostal'nye: istoki i smysl vneshnej politiki SShA* [Americans and everyone else: the origins and meaning of U.S. foreign policy]. – Moscow: Alpina Publisher, 2024. – 320 p. (In Russian)

Perkin H. Book review: One world emerging? Convergence and divergence in industrial societies. By Alex Inkeles (Boulder: Westview Press, A Division of Harper Collins Inc., 1998. xix plus 423 pp.). *Journal of social history*. – 1999. – Vol. 23, N 1. – P. 461–462.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА

УДК 37

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.07

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА С.Н.*, КОЛОСОВА Е.А.** ПОЧЕМУ СОЦИОЛОГУ ДЕТСТВА ВАЖНО ИЗУЧАТЬ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА? Рецензия на кн.: КУПРИЯНОВ Б.В., КУДРЯШЕВ А.В., АРАПОВА П.И. ВНЕШКОЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ): МОНОГРАФИЯ. – Москва: Издательство ООО «Сам полиграфист». – 2023. – 322 с.

Аннотация. На примере детального рассмотрения новой монографии «Внешкольные пространства социализации советских школьников (социально-педагогическая реконструкция)» представлены возможности историко-социологического анализа трансформации детства в XX–XXI вв. Сравнение современных исследований с описаниями детских музыкальных школ пионерских лагерей, любви к жевательной резинке и пр. показывает истоки современных тенденций реформирования дополнительного образования, ограничение самостоятельности, потребительской социализации. Показаны возможности расширения исследовательского поля за счет протосоциологических исторических документов.

* © Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., рецензия, 2024.

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета; sheglova-s@yandex.ru

** Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета; the_shmiga@mail.ru

Ключевые слова: историко-социологический анализ; детство; социализация; воспитание; советский ребенок; социология детства; педагогика; протосоциологический документ.

Для цитирования: Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Почему социологу детства важно изучать историко-педагогические исследования воспитания и социализации советского периода? [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 98–109. – Рец. на кн.: Куприянов Б.В., Кудряшев А.В., Арапова П.И. Внешкольные пространства социализации советских школьников (социально-педагогическая реконструкция): монография. – Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист». – 2023. – 322 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.07

Рецензия поступила: 05.06.2024.

Принята к публикации: 10.06.2024.

MAYOROVA-SCHEGLOVA S.N.^{***}, KOLOSOVA E.A.^{****} Why is it important for a sociologist of childhood to research historical and pedagogical studies of upbringing and socialization of the Soviet period? Book review: Kupriyanov B.V., Kudryashev A.V., Arapova P.I. Extra-curricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren (socio-pedagogical reconstruction). – Moscow: Publishing house LLC “Sam polygraphist”. – 2023. – 322 p.

Abstract. Using the example of a detailed review of the new monograph “Extracurricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren (socio-pedagogical reconstruction)”, possibilities of historical and sociological analysis of the transformation of childhood from the 20th to the 21st century are presented. A comparison of modern research with descriptions of children's music schools, pioneer camps, the love of chewing gum, etc. shows the origins of modern trends in reformatting additional education, limiting independence and consumer socialization. The possibilities of expanding the research field due to proto-sociological historical documents are shown.

^{***} Mayorova-Scheglova Svetlana Nikolaevna – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Psychological and Pedagogical University; sheglovas@yandex.ru

^{****} Kolosova Elena Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Russian State University for the Humanities; the_shmiga@mail.ru

Keywords: historical and sociological analysis; childhood; socialization; upbringing; Soviet child; sociology of childhood; pedagogy; proto-sociological document.

For citation: Mayorova-Scheglova S.N., Kolosova E.A. Why is it important for a sociologist of childhood to research historical and pedagogical studies of upbringing and socialization of the Soviet period? [Book review]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 98–109. Book review: Kupriyanov B.V., Kudryashev A.V., Arapova P.I. Extracurricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren (socio-pedagogical reconstruction). – Moscow: Publishing house LLC “Sam polygraphist”. – 2023. – 322 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.07

Received: 05.06.2024.

Accepted: 10.06.2024.

Трансформации образования, развития, воспитания современных детей заставляют социологов детства вникать не только в структуру этих перемен, их характер и последствия для будущих поколений, но и глубже погружаться в суть самого явления воспитания и социализации ребенка. Сегодня, как нам кажется, особенно важно определить, что является в этих процессах объективированным в социуме, конституированным на века, а что относится к пластам временным, реляционным историческим ситуациям или педагогическим концепциям разного времени.

Последние десятилетия предпринимаются меры по повышению значимости специальной области общественного знания – исторической социологии. В числе задач социально-исторических проектов Ч. Тилли ставил и социальную критику [Тилли, 2009]; необходимо отметить, что практически 25 лет постсоветского времени этот пункт некоторые исследователи детства воспринимали особым образом, подвергая негативизму, обвинениям, унижению опыт воспитания и взросления в СССР [Дуденкова, 2014 ; Ерыпылева, 2017 ; Козловская, Козлова, 2020 ; Шадрин, 2017]. В социологии детства работ, которые придерживались достаточно нейтральной позиции при рассмотрении прошлого опыта, немного [Семенова, 1998 ; Филипова, 2016].

Мы согласимся с Н.В. Романовским и констатируем, что, подобно увлеченности всей социологии зарубежными теориями, в социологии детства преобладающей темой на десятилетия стала модернизация детства через права ребенка и цифровизацию среды. А «увлечения западными образцами, небрежение достижениями отечественных социологов до-, советского и постсоветского времен сдерживают поиск концепций и теорий, адекватных меняющейся социальной реальности в стране и мире» [Романовский, 2022, с. 49].

По нашему мнению, в отношении изучения социализационных практик с применением историко-социологического анализа было бы важно решить следующие базовые задачи:

1. Выявление констант и случайных, временных пластов, обусловленных возникновением противоречий между отдельными видами и уровнями воспитания (традиционным и заимствованным; семейным, школьным и др. или трудовым, экологическим, гражданским и т.п.).

2. Определение моделей и возможно обусловленных социальными характеристиками детей паттернов социализации.

3. Прогнозирование развития воспитания от социальных изобретений до институтов на основе обоснования векторов расширения / сужения.

Монография «Внешкольные пространства социализации советских школьников (социально-педагогическая реконструкция)» представляет интереснейшие результаты исследований авторского коллектива педагогов Б.В. Куприянова, А.В. Кудряшева, П.И. Араповой и, несомненно, будет способствовать решению поставленных задач. Воссоздание внешкольной повседневности советских школьников второй половины XX в. успешно проведена авторами на протосоциологических материалах (публикациях в детских изданиях, воспоминаниях, официальных документах учреждений и пр.).

Историко-социальные сравнения убеждают, что явления и ситуации воспитания детей, которые воспринимаются сегодня как уже достаточно оформленные, стандартизованные, на самом деле являются недавними социальными конструктами, сформированными в результате часто спонтанных процессов и влияний, начавшихся в последние десятилетия.

Сравнение наших исследований с содержательным описанием коллег-педагогов, антропологов детства позволяло провести маркировку этой динамики, прежде всего в следующих областях:

- трансформации внешкольного пространства социализации;
- изменения некоторых социокультурных универсалий, элементов инициации взросления;
- уменьшения сектора детской самостоятельности и самосоциализации;
- реформатирования оценок потребительской социализации: от элементов потребления к новой роли ребенка-потребителя.

Ракурсы социализации вне семьи и школы описаны в монографии на примере детских музыкальных школ. Современные социологические исследования констатируют, что инфраструктура развивающих и образовательных занятий расширяется, но не за счет модернизации прошлых, зарекомендовавших себя форм, а за счет виртуального сегмента и новых форматов. Каковы «главные потери» при этой перестройке? Авторы убедительно показывают, что социальный потенциал, например, музыкальной школы как элемента социализации был связан и с «воспроизводством социально-профессиональных групп, принадлежность к которым обусловлена образовательными сертификатами» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 53].

Другим важным направлением выступало формирование потребительских стандартов населения в сфере культурных ценностей музыки («воспитание “культурных слушателей”») и воспроизводство досуговых сообществ. Но главное, музыкальные школы выполняли социальный заказ – обеспечение интеграции в общество обучающихся детской музыкальной школы. Любое детское занятие, в том числе и в досуговой сфере советского прошлого, было наполнено повседневным (не упрощенным, не развлекательным) учебным трудом: «...предъявление образцов в виде многоуровневой системы ступеней; организация длительных и напряженных упражнений, репетиций, направленных на последовательное овладение уровнями; периодическая аттестация воспитанников в виде участия в квалификационных испытаниях, конкурсах (обучающийся получает оценку достигнутых им результатов образования)» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 41]. Мы можем констатиро-

вать, что именно этот веер возможностей сегодня в дополнительном образовании серьезно ограничен, и на смену оценки труда и конкретных заслуг пришла технология массового одаривания.

Интересен взгляд авторов монографии на летние оздоровительные пионерские лагеря советского периода как на место решения дуальной задачи социализации детей школьного возраста. «Летний лагерь по своему предназначению должен был обеспечить ребенку минимальный режим дисциплинирования, высокий уровень самостоятельности – предоставление возможности свободно распоряжаться своими правами, разрешение инициативы и самостоятельности, а с другой – в ходе развития пионерского лагеря как специфического общественного института сложился коллективно-императивный механизм дисциплинирования...» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 180–181].

Для описания некоторых практик деятельности лагерей авторы используют сочные метафоры – «социальные оазисы», «острова утопии», которые инициировались энтузиастами-подвижниками, мечтающими апробировать иную, улучшенную модель воспитания человека будущего. У советского ребенка появлялась возможность отдохнуть «от школьной регламентированности (перерыв в исполнении обязательств, связанных с учебно-познавательной деятельностью, перерыв в дидактическом насилии и контр-дидактическом сопротивлении ему, особенно актуальными в случае недостаточной академической успешности), от родительских ограничений, родительского контроля и опеки» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 125].

Пребывание в лагере представляло собой, по сути, этап инициации российского ребенка конца XX в. «Кроме необходимости (родители не могут взять отпуск, ребенка не с кем было оставить), поездка в лагерь могла быть обусловлена как ситуативной необходимостью (отсутствие отпуска летом и человека, который мог бы присматривать за ребенком), но как правило, присутствовал еще один аргумент – стремление взрослых членов семьи стимулировать развитие детской самостоятельности, приобретению опыта жизни вне семьи, взаимодействия с иным коллективом» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 201–205]. У поколения родителей современных детей первые поездки в загородный лагерь назывались в качестве важного события прощания с детским опекаемым

статусом, после которого многие из них признавали, что они начали чувствовать себя взрослыми [Щеглова, 1997].

Мы должны констатировать, что в современный период утрачивается значение лагерей как самостоятельной социокультурной практики инициации, как это было в описываемые авторами монографии времена, и возрастает их роль именно в образовательном сегменте. По результатам исследования событийности детства в 2018 г. только 8,6% детей так и не побывали в лагере до 18-летия [Майорова-Щеглова, 2020]; по данным 2023 г., таких детей уже почти треть – 32% (и только частично это может быть объяснено ограничениями пандемийного периода).

И посещение внешкольных учреждений, и самостоятельные выезды в детские центры связаны еще с одним серьезным фактором социализации детей – освоения ими реального пространства мобильных перемещений. «Поездка в загородный пионерский лагерь являла собой смену обстановки жизни ребенка, снятие у школьников напряжения, накопленного в течение учебного года. Места расположения пионерских лагерей (вдали от населенных пунктов в природной полосе, рядом с водоемами) в большинстве своем способствовали релаксации» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 124]. И, конечно, новых форм двигательной и познавательной активности: походы, марш-броски при игре в «Зарницу», ночные костры, встречи рассвета, сельскохозяйственные работы, сборы лесных даров и лекарственных растений и пр. А в настоящее время большинство молодежи, чье детство прошло в 2000–2010 годы, не ходили за грибами, на рыбалку, охоту (до 70%) [Майорова-Щеглова, 2020].

И, если у современных подростков нет мобильностей, контролируемых, стимулируемых, управляемых родителями и иными взрослыми социализаторами, то, вероятно, возрастает сегмент неподконтрольных, неодобряемых взрослыми и часто рискованных практик перемещения. «Субъективные ожидания ребенка от поездки в пионерский лагерь можно охарактеризовать как карнавальные (ожидания яркости и разнообразия событий, праздничности бытия, самостоятельности, взрослости)» – пишут авторы, и «если наличные обстоятельства не обеспечивают ожидаемое, то сам ребенок ищет приключение, чтобы реализовать свои желания» [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 125–126]. Как следует из

современных опросов, значимые для социализации ребенка события происходят за пределами субъективного окончания детства – после достижения возраста в 14,4 года, но до официального возраста взрослости: такими событиями становятся вечеринки без взрослых, ночные прогулки с друзьями или любимыми, походы на политические митинги и др. [Митрофанова, 2019]. И хотя новые возможности дают опыт самоорганизации совместной деятельности, утрачивается важный аспект воспитания, то, что авторами называется преобразованием внутренней среды сообщества в условиях детского лагеря через воспитание у подростков активной жизненной позиции – социальным тренажером.

Гендерные исследования в современной науке «переоткрывают» значение влияния половых различий в социализации. Критики советского периода любят вспоминать о том, что «в СССР секса не было» и о том, что к ребенку относились как к существу среднего рода. Однако, даже небольшие зарисовки авторов монографии показывают несостоятельность этих мнений. Летний лагерь воспринимался еще и средством смягчить феминизированное воспитание в школе и семье, предоставив возможности для корректировки поведения в ситуации посильного труда и присущих возрасту половых отношений. Организаторы летнего отдыха использовали одно из знаковых событий в летнем лагере – танцы, дискотеку и, учитывая традиционные затруднения подростков в проявлении своих чувств, строили танцевальную программу, чередуя быстрые и медленные (парные) музыкальные композиции (медленные мелодии включались в пропорции один к пяти), а кроме того, с определенной периодичностью перед медленными композициями объявлялся так называемый «белый танец» (приглашение на танец осуществляли девочки) [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 231–232].

Глава 3 последнего раздела книги о жевательной резинке не просто забавный эпизод реконструкции, он вводит нас в большую тему возникновения концепта о новых ролях детей в обществе потребления. С многочисленными примерами из нарративов и детской печати показано, как жевательная резинка в советском детстве выступала элементом социального статуса и стиля жизни, т.е. носителем информации о социальных характеристиках через потребление.

Как нам кажется, авторы нащупали поворотный момент (и значимый символ его – «жвачку») от идеологии регуляции отношения детей, молодежи к вещам к принятию и разработке технологий направленной потребительской социализации. Результатом этого процесса является то, что подростки в настоящий период являются активными потребителями большого количества товаров, услуг и представляют собой сегодня значительный сегмент рынка [Колосова, 2017]. Тенденции, фиксируемые в исследованиях 2018 г., имеют продолжение, и уже на основе опроса «Событийность детства 2023», с участием молодежи 17–23 лет из всех административных округов России, выявлено, что в среднем с 14,6 лет подростки начинают посещать рестораны, и в этом же возрасте начинаются первые онлайн-покупки, и доля таких энных активных потребителей составляет 94%. С 14,8 лет подростки начинают самостоятельно покупать себе одежду без родителей, и к 18 годам эту практику уже освоили 89% детей. Но остается актуальной проблема, зафиксированная в монографии исследователями уже ушедшего детства, – насколько угрожает стабильности общества и преемственности его ценностей формируемая тенденция обеспечения полностью беззаботного комфортного существования ребенка и пролонгация установки на материальную обеспеченность.

Работа авторов убедительно доказывает императив историко-социологического анализа для выстраивания сравнительных проектов динамики / стабильности явлений современного детства и закладывает основания для развития мониторинговых отечественных исследований социализации и воспитания детей в новых ракурсах. Важность историко-социологического воображения для возможностей изучения настоящего и будущего признается сегодня российскими и зарубежными исследователями, которые утверждают, что искусственное отделение социологии от познания прошлого не плодотворно [Раренко, 2023].

Позволим сформулировать некоторые выводы и рекомендации с учетом рефлексии текстов книги и нашего исследовательского опыта об основах проведения современных проектов в сфере детства. Как не было никакого единого советского, так нет и никакого единого современного российского ребенка, «цифрового или глобального». Обозначенные коллегами-педагогами пунктиром важные различия по полу и возрасту, сельских и городских детей и

пр., сегодня, при развитии инструментов, методик и процедур социологического исследования, должны непременно подтверждаться замерами по регионам, социально-экономическому состоянию, типам семей и др. А значит, исследователям детства недостаточно проведения немногочисленных интервью, фокус-групп, наблюдений, описаний случая. Авторы убедительно показывают и сложности подбора материалов СМИ для оценок общественного мнения о детстве (разделы о «Пионерской правде» и других изданий) [Куприянов, Кудряшев, Арапова, 2023, с. 246–293]. Это позволяет выстроить и параллели с большими данными онлайн-пространств: нужно понимать, что публикации, репрезентирующие повседневность детей в социальных сетях, форумы и блоги, комментарии под тематическими постами не лишены всех ограничений иных СМИ (штампов и моральных паник в отношении нового поколения, имитаций детского голоса, самоцензуры взрослой роли и пр.).

Детство является таким конструктором общества, где все эксперименты и новшества должны производиться при многоэтапном перевзвешивании эффекта и с учетом потребностей общества и семьи, самоценности этого периода детства. Опыт из советского воспитания нужно, конечно, использовать, но в качестве сравнения, а не единственного образца или какого-то идеального шаблона. Предлагаемое некоторыми практиками и политиками возвращение в современной ситуации к старым, испытанным технологиям воспитания должно идти для социума 2020-х годов в русле реновации – возобновления с адаптацией, улучшением содержания для актуальных условий существования.

Список литературы

Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. – 2014. – № 3. – С. 47–59.

Ертылева С.В. Что не так с советским детством // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 164–172.

Козловская А.Ю., Козлова А.В. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий) // Антропологический форум. – 2020. – № 45. – С. 11–25. – DOI: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25

Колосова Е.А. Потребительская социализация детей и подростков: возрастные особенности // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 2 (8). – С. 74–79.

Куприянов Б.В., Кудряшев А.В., Арапова П.И. Внешкольные пространства социализации советских школьников (социально-педагогическая реконструкция): монография. – Москва: Издательство ООО «Сам полиграфист». – 2023. – 322 с.

Майорова-Щеглова С.Н. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 3 (54). – С. 21–34. – DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34

Митрофанова С.Ю. (Не) законченное детство современных юношей и девушек // Вестник ВЭГУ. – 2019. – № 2 (100). – С. 89–96.

Раренко А.А. Социология будущего: цели и перспективы (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 170–177.

Романовский Н.В. О смыслах обсуждения книги Б.Н. Миронова // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 47–51. – DOI: 10.31857/S013216250019222-7

Семенова Е.А. Материалы социолого-педагогических обследований 20-х – первой половины 30-х годов как источник по истории советской культуры: диссертация <...> кандидата исторических наук: 07.00.09. – Москва, 1988. – 252 с.

Тилли Ч. Историческая социология // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 95–101.

Филипова А.Г. Российская социология детства: вчера, сегодня, завтра. Проблемы институционализации и перспективы развития: монография. – Санкт Петербург: Астерион, 2016. – 195 с.

Шадрин А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост цены материнства в XXI веке. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 392 с.

Щеглова С.Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // Молодежь 97: надежды и разочарования. – Москва: Научно-исследовательский центр при Институте молодежи, 1997. – С. 157–166.

References

Dudenkova I.V. «Detskij vopros» v sotsiologii: mezhdru normativnost'yu i avtonomiyej [“Children’s question” in sociology: between normativity and autonomy]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power]. – 2014. – N 3. – P. 47–59. (In Russian)

Filipova A.G. *Rossiyskaya sotsiologiya detstva: vchera, segodnya, zavtra. Problemy institutsionalizatsii i perspektivy razvitiya: monografiya* [Russian sociology of childhood: yesterday, today, tomorrow. Problems of institutionalization and development prospects: monograph]. – St. Petersburg: Asterion, 2016. – 195 p. (In Russian)

Kolosova E.A. Potrebitel'skaya sotsializatsiya detej i podrostkov: vozrastnyye osobennosti [Consumer socialization of children and adolescents: age features]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies]. – 2017. – N 2 (8). – P. 74–79. (In Russian)

Kozlovskaya A.Yu., Kozlova A.V. Detskaya agentnost' kak predmet teoreticheskoj diskussii i prakticheskaya problema (antropologicheskij kommentarij) [Children's agency as a subject of theoretical discussion and a practical problem (an-

thropological commentary)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. – 2020. – N 45. – P. 11–25. – DOI 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25 (In Russian)

Kupriyanov B.V., Kudryashev A.V., Arapova P.I. *Vneshkol'nyye prostranstva sotsializatsii sovetskix shkol'nikov (sotsial'no-pedagogicheskaya rekonstruktsiya)* [Extracurricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren (socio-pedagogical reconstruction)]. – Moscow: Publishing house LLC “Sam polygraphist”. – 2023. – 322 p. (In Russian)

Mayorova-Shcheglova, S.N. Marshruty offlajn i onlajn-zhizni detstva: sobytijnyj analiz [Routes of offline and online life of childhood: event analysis]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Oikumena. Regional studies]. – 2020. – N 3 (54). – P. 21–34. – DOI 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34 (In Russian)

Mitrofanova S.Yu. (Ne)zakonchennoye detstvo sovremennyx yunoshej i devushek [(Un)finished childhood of modern boys and girls]. *Vestnik VEGU* [VEGU bulletin]. – 2019. – N 2 (100). – P. 89–96. (In Russian)

Rarenko A.A. *Sotsiologiya budushchego: tseli i perspektivy. (Obzor)* [Sociology of the future: objectives and prospects. (Literature review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 170–177. (In Russian)

Romanovskiy N.V. O smyslah obsuzhdeniya knigi B.N. Mironova [On the meaning of discussing the book by B.N. Mironova]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 2022. – N 3. – P. 47–51. DOI 10.31857/S013216250019222-7 (In Russian)

Semenova E.A. *Materialy sotsiologo-pedagogicheskix obsledovanij 20-h – pervoy poloviny 30-h godov kak istochnik po istorii sovetskoj kul'tury: dissertatsiya <...> kandidata istoricheskix nauk: 07.00.09.* [Materials of sociological and pedagogical surveys of the 20 s – the first half of the 30 s as a source on the history of Soviet culture: dissertation <...> of a candidate of historical sciences: 07.00.09.]. – Moscow, 1988. – 252 p. (In Russian)

Shadrina A. *Dorogiye deti. Sokrashcheniye rozhdayemosti i rost tseny materinstva v veke* [Expensive children. Declining birth rate and rising cost of motherhood in the XXI century]. – Moscow: New literary review. – 2017. – 392 p. (In Russian)

Shcheglova S.N. Opredeleniye granits perekhoda ot detstva k molodosti i ot molodosti k vzroslosti [Determining the boundaries of the transition from childhood to youth and from youth to adulthood]. *Molodezh' 97: nadezhdy i razocharovaniya* [Youth 97: hopes and disappointments]. – Moscow: Nauchno-issledovatel'skij centr pri Institute molodezhi, 1997. – P. 157–166. (In Russian)

Tilli Ch. Istoricheskaya sotsiologiya [Historical sociology]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 2009. – N 5. – P. 95–101. (In Russian)

Yerpyleva S.V. Chto ne tak s sovetskim detstvom [What's wrong with Soviet childhood]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [Journal of social policy research]. – 2017. – Vol. 15, N 1. – P. 164–172.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

УДК 316.25

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

ДАВЫДЕНКО В.А.*, АНДРИАНОВА Е.В.**, ЧЕРНЕНКО А.С.***
КУДА СТРЕМЯТСЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ: КРИТИ-
ЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ХЭНДБУКА
ROUTLEDGE ПО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ
НАУКЕ. Часть 2)

Аннотация. Во второй части обзора представлено продолжение анализа фундаментальной тематики и ключевых идей Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке для исследователей-гуманитариев. Акцент сделан на ключевых идеях и нарративах, содержащих научно-мировоззренческие паттерны и установки по трем аналитическим главам – по поводу зарождения, эволюции и развертывания разных форматов экзистенциальной антропологии, психологии и психиатрии. Этот процесс является частью исторического процесса, в ходе которого

* © Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С., статья, 2024.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; v.a.davydenko@utmn.ru

** Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e.v.andrianova@utmn.ru

*** Черненко Анжелика Сергеевна – магистрант Тюменского государственного университета, менеджер научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; a.s.chernenko@utmn.ru

философия была перенесена в указанные предметные области. В то время как экзистенциальная клиническая психология, начиная с ее истоков (Ясперс и Бинсвангер) стала результатом прямого импорта, экзистенциальные антропология и психология нашли общие грани взаимодействия на основе уникальности человеческой природы и личности; здесь человек рассматривается как извечная система социально-психологического напряжения, как вместилище противоречивых влечений, мотивов и страстей. В психологии экзистенциальная философия достигала своего утверждения, в значительной степени косвенно, сквозь призму работ гуманистов, таких как Эрнест Беккер и Эрих Фромм. Что касается психиатрии, то сама идея «лечения» (treatment) стала табу для многих экзистенциально ориентированных практикующих врачей – психологов и психиатров, поскольку она предполагает особый медикализованный тип вмешательства. В этом контексте можно говорить о серьезном вызове альтернативным традициям психологии и психиатрии, которые стремятся предложить что-то иное за пределами господствующих терапевтических идеологий. Во второй части обзора выделяются сильные и сравнительно слабые стороны научных исследований, отражающие процессы зарождения, формирования, становления и развития субдисциплин экзистенциальной гуманитарной науки, анализируются возможные направления разветвления новых идей и подходов как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

Ключевые слова: экзистенциальная наука; экзистенциальная антропология; экзистенциальная психология; экзистенциальная психиатрия.

Для цитирования: Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 2) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 110–138. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

Статья поступила: 08.11.2023.

Принята к публикации: 05.12.2023.

DAVYDENKO V.A.****, ANDRIANOVA E.V.****, CHERNENKO A.S.****

* Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 2)

Abstract. The second part of the review article presents a continuation of the analysis of the fundamental topics and key ideas of the international Routledge Handbook on existential humanities for an audience of humanities researchers. The emphasis is placed on key ideas and narratives containing scientific and ideological patterns and attitudes in three analytical chapters – on the origin, evolution and deployment of various formats of existential anthropology, psychology and psychiatry. This process is part of the historical process during which philosophy was transferred to the specified subject areas. While existential clinical psychology, since its origins in Jaspers and Binswanger, has been the result of direct import, existential anthropology and psychology have found common fields of interaction based on the uniqueness of the human species and the individual; each person is regarded here as an eternal system of socio-psychological tension, as a receptacle of contradictory drives, motives and passions. In psychology as an existential study, philosophy achieved its affirmation largely indirectly through the work of humanists such as Ernest Becker and Erich Fromm. Speaking of psychiatry, the very idea of “treatment” has become anathema to many existentially focused practicing psychologists and psychiatrists, since it involves a special medicalized type of intervention. This rigid context poses serious challenges to alternative traditions of psychology and psychiatry, which seek to offer something different beyond the prevailing therapeutic ideologies. The second part of this review highlights the strengths and comparative weaknesses of sci-

**** Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center of Tyumen State University; v.a.davydenko@utmn.ru

***** Andrianova Elena Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e.v.andrianova@utmn.ru

***** Chernenko Anzhelika Sergeevna – Master's Student of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Manager of the Research Center of Tyumen State University; a.s.chernenko@utmn.ru

entific research, reflecting the processes of origin, formation and development of subdisciplines of existential humanities, analyzes possible directions for the deployment of new ideas and approaches both in the near and distant future.

Keywords: existential science; existential anthropology; existential psychology; existential psychiatry.

For citation: Davydenko V.A., Andrianova E.V., Chernenko A.S. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 2). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 110–138. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

Received: 08.11.2023.

Accepted: 05.12.2023.

Во второй части обзора подробно анализируются следующие главы Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке: «Экзистенциальная психология» (Д. Салливан, А. Гoad и Х. Дж. Шмитт) [Sullivan, Goad, Schmitt, 2023], «Антропология как экзистенциальное исследование» (Х. Уордл) [Wardle, 2023], «Экзистенциальная психиатрия и психотерапия» (Х. Спэндлер и Ф. Томас) [Spandler, Thomas, 2023]. Кроме того, авторы этого обзора посчитали и важным и возможным, исходя из анализируемых научных текстов и контекстов, добавлять по мере необходимости сопоставления, подходящие для указанных случаев, материалы из Всемирного справочника Wiley по экзистенциальной терапии, в котором указывается, что большинство школ экзистенциальной терапии используют исходные идеи экзистенциальной философии и, как выяснилось, делают это по-разному [The Wiley world handbook ... , 2021, p. 18].

В главе «Экзистенциальная психология» Дэниела Салливана, Алексиса Гоуда и Харрисона Дж. Шмитта рассматриваются неоднозначные отношения между психологией и экзистенциализмом. Экзистенциализм – одно из главных направлений философии, наиболее подходящих, по мнению авторов главы, в качестве основы для психологии. Авторы главы исследуют экзистенциальные

темы в том виде, в каком они проявляются в двух областях – клинической и социальной психологии. Экзистенциализм ставит перед клинической психологией свои собственные задачи и ценные вопросы, например такой: «Что значит для “патологического” индивида “адаптироваться” к господствующему обществу?» Они видят достаточно конструктивные и многообещающие перспективы синтеза психологии и экзистенциальной философии. Так, Серен Кьеркегор как основоположник экзистенциализма был, помимо всего прочего, не только теоретиком в области исследования личности, но и клиническим психологом, а Фридрих Ницше – идеологическим предшественником психоанализа и выдающимся исследователем в области психологии культуры. Параллельные ментальные связи продолжали прослеживаться по мере того, как психология оформлялась в профессию и дисциплину в начале XX в.; например, феноменологический метод Эдмунда Гуссерля, представляющий собой разновидность описательной, или качественной психологии, глубоко повлиял на все траектории развития экзистенциальной традиции. Интерпретируя отклонения от психологической «нормальности» с помощью феноменологических, эмпатических методов, Карл Ясперс заложил сами основы для современного синтеза клинической психологии и экзистенциализма, а Людвиг Бинсвангер объединил в единой структуре – Dasein-анализ – психоанализ как первую современную психотерапевтическую технику и новаторскую онтологию существования Мартина Хайдеггера. Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, вероятно, последние «гиганты» экзистенциализма, непосредственно занимались психологией, включая социальную психологию, топологическую и векторную психологии, теорию поля Курта Левина, исследуя закономерности взаимодействия между индивидом и общим полем (или окружающей средой) и психоанализом.

Салливан, Гоад и Шмитт отмечают, что экзистенциализм из всех систем и идей в философии наиболее близок к психологии. В широком смысле их естественная близость проистекает из того факта, что экзистенциализм является философским эквивалентом психологической науки (точнее, психологии и антропологии вместе взятых). Во многих отношениях экзистенциализм представляет собой психологизацию философии, поскольку он не только ориентирует философию на психологические темы, но и раскрывает

психологические истоки философских и идеалистических мировоззрений и систем. Сходство также проявляется в стремлении экзистенциализма исследовать «воплощенную самость» в конкретных ситуациях и исследовать различные психологические переживания эмоций и возбуждения (страх или благоговейный трепет), а также защитную реакцию и подавление (ресентимент, т.е. чувство обиды, враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач, бессильная зависть, тягостное осознание тщетности попыток повысить свой социальный статус и т.п.). Хотя объект познания кажется идентичным как для психологии, так и для экзистенциальной философии, структура этого знания, по словам авторов описываемой главы, имеет совершенно различные формы. Психология разделена на клиническую практику и эмпирические исследования. Исторически такое разделение создавало проблемы и ставило вопросы о том, могут ли такие взаимоотношения быть логически согласованы с эмпирической эпистемологией или нормативной практикой. Экзистенциальная философия уделяет большее внимание вопросам личной аутентичности и ответственности. Как эти элементы могут быть рассмотрены наукой и психологической практикой? Как наука и практика могут справиться с этими элементами? Взаимодействуя с экзистенциализмом, клиническая психология сталкивается с вопросом о том, что значит для «патологического» индивида адаптироваться к господствующему обществу; и социальная психология сталкивается с вопросом о том, что в итоге теряется, когда мы научно сводим индивидуальный опыт к статистическому среднему значению. Несмотря на наличие продуктивного диалога между экзистенциальной философией и психологией, эти ключевые вопросы остаются в значительной степени нерешенными. Они указывают на то, что точку соприкосновения между этими подходами можно переформулировать в «проблематизированных» терминах: если экзистенциализм на самом деле является философией «существующего» индивида, то что он может добавить к психологии, чтобы сделать ее экзистенциальной? Представляется более разумным считать, что экзистенциальная психология – это такое направление, которое разделяет с экзистенциальной философией фундаментальные принципы: уникальность человеческой природы и личности; неразрывность телесной / рациональной составляющих личности и

социального контекста, в котором он находится; свобода и ограниченность жизненного опыта индивида. Однако эти темы были по-разному восприняты различными областями экзистенциальной психологии.

Общепризнанные современные подходы к экзистенциальной терапии берут свое начало в Dasein-анализе Людвига Бинсвангера [Binswanger, 1942] и Медарда Босса [Boss, 1982] – первой психотерапевтической технике, которая подробно разрабатывала сущностные черты пространственного бытия, временного бытия, бытия-настроения, бытия-события, бытия-телесного, бытия-смерти. Эти «экзистенции» проявляются в отдельных «экзистенциальных людях» (existential peoples) как особые феномены, которые может наблюдать врач у своих больных в их здоровых, ненарушенных, а также болезненных и ослабленных выражениях.

В логотерапии (буквально: исцеление смыслом), теорию которой разработал Виктор Франкл [Frankl, 1985], экзистенциальный анализ представляет собой не что иное, как поиски смысла. Причем смысл, который он ищет, является конкретным, его конкретность обусловлена уникальностью каждой личности и неповторимостью каждой ситуации. Всегда должен находиться такой смысл, реализовать который может конкретный индивид. Экзистенциальный анализ охватывает человека во всей его целостности, включающей в себя не только психофизиологические свойства человеческого организма, но и духовно-личностные составляющие. Экзистенциальный анализ доходит до неосознаваемой духовной глубины. Франкл практиковал психотерапевтический метод нахождения смысла во всех экстремальных ситуациях жизни, даже самых страшных, тем самым создавая стимул к продолжению жизни. Исследователь повторял, что его экзистенциальный анализ – это не анализ экзистенции; скорее, экзистенциальный анализ у него представлял собой экспликацию экзистенции, т.е. такой процесс, в результате которого открывается содержание некоторого единства, а его части могут отличаться одна от другой. Сама экзистенция тоже себя эксплицирует таким образом, что раскрывает себя, «разворачиваясь» в процессе жизни. Франкл применял здесь метафору раскатываемого ковра: как раскатываемый ковер открывает свой неповторимый рисунок, так по процессу жизни, по ее развитию мы считываем саму «суть» индивида. В этом случае Франкл очень

приближается к пониманию цели Dasein-анализа, поскольку приверженцы этого подхода также говорят о том, что экзистенцию нельзя анализировать в привычном смысле этого слова, для них Dasein-анализ есть артикуляция структуры существования пациента с целью ее раскрытия до максимально полной реализации возможностей.

Общим для всех этих оригинальных школ был тот факт, что их основатели имели свой опыт психоанализа, причем они всячески стремились переориентировать психопатологию и терапию с медико-биологических моделей на феноменологическое понимание того же невроза как своеобразной попытки пациента найти смысл перед лицом потенциальной бессмысленности. Dasein-анализ был основан на хайдеггеровском понятии «заброшенности» (thrownness) – для описания индивидуального существования людей как «брошенных» в мир; это стало новым пониманием психического заболевания: сталкиваясь с вызывающим тревогу переживанием серьезных жизненных потрясений, пациент компенсаторно реагирует, «фильтруя мир» в терминах жестких дихотомий «или – или» («все вокруг меня либо люди, либо животные, друзья или враги»; «либо я морю себя голодом, либо меня никто не полюбит»). Современный Dasein-анализ по сути дела адаптирует классические психоаналитические техники с целью интерпретации более широкого экзистенциального значения проблем, которые пациенты компенсаторным образом сводят к симптомам. Логотерапия также дает возможность пациенту опереться на когнитивные техники для противостояния психологическим «блокам» в его жизни. Способы, с помощью которых эти ранние школы переосмысливали понятие сознания, были ключевыми для экзистенциальной психотерапии: в отличие от фрейдистских идей о центральной роли бессознательного, они двигались к более распределенному, относительному и волевому пониманию разума. Такие взгляды, в свою очередь, предполагали, что терапия – это не столько процесс выявления подавленных мыслей, сколько предоставление пациенту новых интерпретаций и взглядов на мир. Эти принципы постепенно трансформировались в самые разнообразные экзистенциальные терапии, которые различаются по критериям измерения – в зависимости от того, выступают ли они за глубокое феноменологическое понимание опыта клиента или считают

этот опыт сформированным конфронтацией с экзистенциальными реальностями.

Также авторы главы пишут об экзистенциально-гуманистической психологии, которая возникла в североамериканской терапевтической практике во многом благодаря влиянию Ролло Мэя [May, 1977]. Подход, основанный на синтезе экзистенциализма и психоанализа, в дальнейшем слился с гуманистической психологией, представленной Абрахамом Маслоу и Карлом Роджерсом. На этот процесс оказал существенное влияние Отто Ранк, который расширил гуманистическое измерение психотерапии, начав опираться на идеи Фридриха Ницше и др. Экзистенциально-гуманистическая терапия, замечают авторы главы, представляет собой экзистенциализм как фундаментальную ориентацию, которая может быть совместима со стратегическим использованием более традиционных терапевтических методов (когнитивно-поведенческих). Терапевты в этой традиции были склонны рассматривать индивидов как страдающих от тревог, возникающих из-за определенных экзистенциальных «данностей» (например, смерти, ограничений свободы и самовыражения), на которые они реагируют характерными защитными реакциями-паттернами. Экзистенциальная ориентация проявляется в интенсивном исследовании отношений между клиентом и терапевтом и того значения, которое они имеют для жизни клиента вне терапии. Экзистенциально-феноменологическая психология – традиция, связанная с Великобританией и Европой, которая изначально опиралась не на немецкую «философию существования», а на труды Р.Д. Лэйнга [Laing, 1965]), призванные соединить психоанализ и позднюю феноменологию Сартра и Мерло-Понти. В отличие от экзистенциальных гуманистов, Р.Д. Лэйнг (параллельно с Фуко) участвовал в радикальных попытках переосмыслить безумие как нечто, коренящееся в социальной структуре. Его исследования по терапии укрепили аспекты экзистенциальной практики, которые широко распространены в настоящее время: речь идет о необходимости понимать опыт пациента на его собственных условиях (а не в свете упрощенных теорий) и выявлении на глубинном уровне стандартных защитных позиций больного. В последнее время, благодаря работам Эмми ван Дюрзен [The Wiley world handbook ... , 2021] и Эрнесто Спинелли [Spinelli, 2006], экзистенциально-феноменологи-

ческая терапия возвращается к действенно-аналитическим корням экзистенциальной психологии. В отличие от экзистенциально-гуманистической терапии, этот подход помогает клиентам прояснить фундаментальные принципы и мотивы собственной жизни, поскольку те соотносятся с различными уровнями бытия (материальный, личный и социальный) [Adams, 2019]. С этими движениями непосредственно было связано также возрождение того, что называется феноменологическими психиатрическими исследованиями и теорией. Ученые в этой области реконструировали взгляды на феноменологию Ясперса и Бинсвангера в качестве основополагающего способа научного познания в клинической психологии [Fuchs, Messas, Stanghellini, 2019]. Обычно для переработки данных клинических исследований и интервью используются качественные методы с опорой на достижения клинической психологии за последнее столетие и на новейшие разработки в области когнитивной нейронауки [Ratcliffe, 2015]. Исследователи нередко обращаются к сравнительному анализу проявлений психопатологии, уделяют внимание психологическому опыту в философских работах об аффекте и пр. [Ratcliffe, Stephan, 2014].

Если клиническая психология – это наука и практика облегчения психологических страданий, то экзистенциальная клиническая психология предлагает множество практических приемов в контексте конкретной индивидуальной жизни. Как говорилось выше, экзистенциальная наука фокусируется не только на изучении конкретного индивида, но и предлагает исчерпывающее исследование «данностей» человеческого существования в целом. Эмпирическое документирование и исследование этих «данностей» является задачей экзистенциальной социальной психологии. Одним из наиболее заметных вкладов экзистенциально обоснованных исследований в лучшее понимание психологии было исследование временной последовательности защитных действий в ответ на угрозы. Теория управления террором (terror management theory) основывается на ранних психоаналитических теориях подавления и экзистенциальных идеях о недобросовестности. В теории управления террором такая последовательность называется моделью двойной защиты, включающей как проксимальную, так и дистальную защиту от осознания угрозы смерти. Когда мысли о смерти присутствуют в сознании, защитные реакции на них явля-

ются более непосредственными (проксимальными) и снижают угрозу [Handbook of terror management theory, 2019]. Например, это проявляется в повышенном стремлении соблюдать диету, активно заниматься физическими упражнениями и т.п. [Arndt, Schimel, Goldenberg, 2003]. Хотя это и несколько «поверхностные», но, по-видимому, рациональные действия, которые сводят к минимуму угрозу смерти и смягчают сопутствующие негативные эмоции. Однако, даже когда мысли о смерти больше не находятся в центре внимания индивида, когнитивно активируются средства защиты, которые называются «дистальными»; они плавно компенсируют угрозу смерти, укрепляя символические источники безопасности (посредством «защиты» мировоззрения, за счет стремления к самоуважению и т.п.) [Subliminal exposure ... , 1997]. Благодаря новаторскому сочетанию старых экзистенциальных философских идей с новыми эмпирическими методами, теория управления террором способствовала развитию экзистенциальной социальной психологии [Sullivan, Palitsky, 2018]. Опираясь на механизмы психологической защиты, люди пытаются защищать себя от различных типов психологических угроз, включая страх смерти, неуверенность и пр.

Защитные механизмы укрепляют близкие отношения, поддерживают на должном уровне самооценку и формируют осмысленный взгляд на мир. Джосайя Харт выделяет три основных источника экзистенциальной угрозы и защиты – межличностные отношения, самоуважение и культурное значение / мировоззрение [Hart, 2014]. Важность здоровых межличностных отношений для правильного психологического функционирования неоднократно подчеркивалась психологами – от теории привязанности (attachment theory) до идеи о предполагаемой врожденной человеческой потребности принадлежности (need to belong theory) [Baumeister, Leary, 1995]. Ощущение сродства и «принадлежности» к окружающим людям и сообществу приводит к позитивной самооценке и психологическому благополучию [Ryan, Deci, 2017]. Более того, было доказано эмпирически, что психологическая безопасность личных отношений действует как защита от экзистенциальных угроз [Florian, Mikulincer, Hirschberger, 2002]. В рамках социальной психологии широко изучается самооценка индивида и исследования управления террором (terror management theory). Основная

причина глубокого влияния теории управления террором на экзистенциальную психологию заключается в том простом факте, что осознание своей смертности влияют на психическое и физическое здоровье человека, на формирование его идентичности и межличностные отношения. Теория управления террором (terror management theory) может использоваться как теоретическая линза для ответа на ряд важных для человека вопросов. Почему люди отрицают свою биологическую природу? Что заставляет людей причинять вред другим и себе? Почему самооценка является таким мощным мотивом? Почему люди стремятся к богатству и попадают под сильное влияние медиа? Почему люди религиозны и с чем связан их национализм [Handbook of terror management theory, 2019, p. XXI]? Исследования в этой сфере экзистенциальной психологии показали, что укрепление позитивной самооценки индивида может смягчить последствия страха смерти. Ключевой принцип теории управления террором описывает людей как стремящихся избегать ужаса неизбежной смерти и представляющих себя «хорошими» членами значимой для них общности; если представления / ожидания человека о себе и мире что-то нарушает, он может ответить агрессивной защитной реакцией [Heine, Proulx, Vohs, 2006]. Однако индивид нередко компенсирует тревогу, укрепляя другую область «личной» безопасности (например, за счет приверженности социальной группе и близкой человеку идеологии). По сути, эта теория была разработана для объяснения стремления людей к самоуважению и человеческой склонности к межгрупповым конфликтам; по словам исследователей, чувство собственной значимости смягчает обеспокоенность смертью и создает ощущение символического и / или буквального бессмертия [Hart, 2014, p. 21].

Теория самоопределения (self-determination theory) Ричарда Райана и Эдварда Деси, напротив, не акцентируется на экзистенциальных угрозах и утверждает, что люди естественным образом мотивированы к личностному росту [Ryan, Deci, 2017]. Эта теория разделяет идею экзистенциальной философии о том, что мотивация, с которой индивид совершает определенное действие, имеет не меньшее значение, чем само действие. Подобно тому как Мартин Хайдеггер, например, проводил различие между подлинными и неподлинными (неаутентичными) мотивами участия в повсе-

дневной деятельности, теория самоопределения предполагает, что люди могут совершать одно и то же действие либо по внутренним, либо по внешним причинам. Когда мы занимаемся внутренне мотивированной деятельностью, мы выполняем действие в зависимости от нашего собственного испытываемого желания сделать это, а не в результате внешних по отношению к нам обстоятельств (например, давления со стороны сверстников или финансовых стимулов). Кроме того, согласно этой концепции, люди будут процветать и заниматься более внутренне мотивированной деятельностью до тех пор, пока будет удовлетворена их потребность в «связанности» (relatedness), компетентности и автономии. Подобно тому, как воздух, вода и солнечный свет способствуют росту растения, социальные и культурные ситуации могут способствовать способности человека действовать в соответствии со своими внутренней мотивацией и жизненным опытом. Дефиниция связанности / родственности относится к потребности в чувстве принадлежности к своей социальной группе, а также в объединении с членами этой группы для достижения общих или сходных целей. Развитие взаимных позитивных, поддерживающих отношений способствует самоопределению личности, закладывая надежную основу для развития других базовых психологических потребностей в компетентности и автономии.

Автономия предполагает ощущение того, что индивид действует по своему желанию и воле, а не по воле внешней силы (неавтономной или контролируемой). Действия индивида в любой конкретной ситуации можно интерпретировать как автономное или контролируемое – в зависимости от функционального значения, придаваемого ситуации действующим лицом. В то же время личные и социальные ситуации, которые снижают у людей чувство родства, компетентности и автономии, или их способность действовать в соответствии со своими внутренними мотивами мешают психологическому благополучию и личностному развитию [Ryan, Deci, 2017]. Следует особо подчеркнуть, что теория самоопределения во многом опирается на идеи, взятые из работ Кьеркегора, Ницше, Хайдеггера, Сартра, Фанона, де Бовуар. Авторы анализируемой главы отмечают, что внешние факторы воздействия на психику индивида – это прежде всего влияние институтов современной капиталистической, глобальной и (пост-) колониаль-

ной социальной системы. Полная и всеобъемлющая картина мира возможна лишь при объединении главных идей экзистенциальной социальной психологии о диалектической взаимосвязи между экзистенциальными угрозами и свободой [Existential threat ... , 2020].

Резюмируя изложенное в главе «Экзистенциальная психология», важно отметить, что по сравнению с другими форматами экзистенциальной науки о человеке экзистенциальная психология обладает уникальными преимуществами и недостатками. Прежде всего, важно признать относительную дисциплинарную изолированность экзистенциальной психологии: мы еще не видели крупную работу по экзистенциальной психологии, в которой цитировались бы, например, классические работы по экзистенциальной социологии Джека Дугласа и Джозефа Котарбы, идеи которых были рассмотрены в первой части обзора; экзистенциальные психологи не опираются на экзистенциальную антропологию Майкла Джексона [Jackson, 1996 ; Jackson 2012] или Альберта Пиетта [Piette, 2015 ; Piette, 2016]. Наблюдается и некоторая изоляция друг от друга направлений внутри экзистенциальной психологии. Экзистенциальная клиническая психология остается несколько маргинальной по сравнению с той огромной инфраструктурой обучения, исследований и практики, которые ориентированы на биомедицинскую модель, а об экзистенциальной социальной психологии только совсем недавно стали писать в учебниках. Но обеим субдисциплинам удалось создать прочные «ниши» в рамках основной дисциплины, характеризующиеся сотнями практиков, крупными, яркими научными работами (включая популярные книги и выступления в прессе), а также научными и профессиональными сообществами, мероприятиями и пр. Поэтому можно говорить о том, что экзистенциальная психология заняла свое место внутри более широкой дисциплины и была официально признана ею. Вместе с тем не произошло полноценного и конструктивного взаимодействия между феноменологическими психиатрическими исследованиями и экзистенциальной психотерапией. Их потенциальная интеграция могла бы породить новое направление в экзистенциальной клинической психологии, завершают свои размышления авторы главы [Sullivan, Goad, Schmitt, 2023, p. 23–26].

В главе «Антропология как экзистенциальное исследование» Хьюон Уордл [Wardle, 2023] задается вопросом, почему вообще

экзистенциализм имеет отношение к антропологии. Для ответа на этот вопрос следует вспомнить, как именно возникла антропология исторически, и как постепенно менялись ее цели и ценности. Антропология возникла из идеи Иммануила Канта о людях как свободно действующих существах. При этом решающее значение имеет то, что люди создают свободно и самостоятельно и что обычно называется культурой. Кант интересовался способностью человека создавать культурное пространство вокруг себя, а также то, как мы творчески создаем себя «из культуры» [Kant, 2006]. Начав изучать свободно действующее человеческое существо, Кант открыл пространство для развития экзистенциалистской мысли. В последовавшую за этим эпоху «научного расизма» (scientific racism) XIX в. гаитянский антрополог Антенор Фирмин не упустил из виду рассуждения Канта, подчеркнув, что все люди стремятся не только быть свободно действующими существами, но и пытаются создавать себя и мир вокруг различными способами. Задача антропологов – следить за подобными движениями разумного самопознания. Фирмин также отмечал, что сам Кант делал расистские замечания, которые подрывают его принципы понимания антропологии [Firmin, 2002, p. 325]. Хотя антропология времен Фирмина классифицировала некоторые народы как «превосходящие» все остальные и не была лишена предрассудков, сложность создания антропологии кантианского типа обусловлена, как указывала Мэри Дуглас, тем, «насколько трудно постоянно осознавать ответственность человека за создание собственной среды обитания» [Douglas, 1973, p. 5]. Это в равной степени относится и к антропологам, и их изысканиям, и, собственно, к любому другому человеку.

Антропология начинается с описания того, что человек на самом деле знает и действительно делает на практике, включая смешанный набор привычек, правил жизни, представлений, которые каждый из нас имеет, накапливает и делится с другими. Таким образом, человек в антропологии является не «чистой» метафизической сущностью, а скорее, как выразился Кант, «кривым деревом», из которого «никогда не было сделано ничего прямого» [Kant, 1988, p. 2]. Как этнографический наблюдатель, по афористичному выражению Раймонда Фарта, антрополог всегда находится в центре социального мира и взаимодействий, которые он

надеется объяснить, т.е. является своеобразной «движущейся точкой в потоке деятельности» [Firth, 1952, p. 22]. С этой точки зрения, антропологи не могут заранее определить то, что они будут изучать: они должны фокусироваться на самых разных людях с их своеобразными и уникальными привычными картинами мира. А ведь, по словам Найджела Раппорта, даже когда два человека делают «одно и то же» дело, реализованные ими проекты никогда не будут одинаковыми [Rapport, 2002, p. 395–397]. Таким образом, в центре внимания экзистенциальной антропологии находится самобытность каждого изучаемого человека и та специфика, с которой он конституирует себя и свой мир. Экзистенциализм корректирует отправную точку Иммануила Канта. Все начинается с осознания человеком собственного Я и конечности своего существования; мы пытаемся переосмыслить и перестроить себя для самих себя и для других, организовать наше место в мире и создать новые смыслы из хрупкой данности уникального для каждого субъективного опыта [Appiah, 2018].

Аналитической основой экзистенциальной этнографии является ситуация (situation) (любая человеческая ситуация) и то, как биографические жизненные проекты или жизненные миры участников артикулируются в ней из их собственных свободных действий и повествования. Экзистенциальные этнографы считают полезным разбить эти проблемы на три взаимосвязанных вопроса: «Из чего я делаю себя и во что я превращаюсь (по отдельности)?»; «Из чего они делают себя из и во что они превращаются (отдельно)?»; «Из чего мы делаем (создаем) самих себя и во что мы превращаемся (вместе)?» Как утверждает Симона де Бовуар, экзистенциальное исследование имеет смысл только в том случае, если мы настаиваем как на свободе, так и на случайности, подразумеваемой в этом процессе создания себя: «[только] ... свобода других удерживает каждого из нас от затвердевания до абсурда фактичности» [Beauvoir, 1997, p. 17]. Для экзистенциального антрополога эта свобода, о которой идет речь, состоит в способности продолжать конституировать жизненный мир – по отдельности, по отношению друг к другу и совместно с другими. Эта свобода приходит с пониманием того, как структура и смысл одного жизненного мира неизбежно «вмешиваются» в структуру и смысл жизни других людей, «переплетаясь» с ними; они «запутываются» и, следова-

тельно, деформируются и трансформируются в миры других – бездумно, бескорыстно, сопереживающе, агрессивно, с любовью и иными способами. В этом отношении антропологии также полезно понимать одного человека – *Аnyone* («кого угодно») – например, показывая взаимосвязанные жизни многих людей.

По сути, автор главы «Антропология как экзистенциальное исследование» последовательно проследил путь эволюции антропологических идей: от кантовского представления о том, что люди как свободно действующие существа делают сами себя из самих себя, а также результатов полевых исследований Малиновского – к версии антропологии, описанной Альфредом Геллом [Gell, 1996 ; Gell, 1998], согласно которой задача антропологии заключается в том, чтобы сформулировать биографический «жизненный проект» актора. По мнению Уордла, современной антропологии надо освободиться от объективизма и не видеть в людях лишь носителей безличной культуры, на которых отпечатаны «культурные образцы». Экзистенциальная антропология в этом плане дает соответствующий пример, фокусируясь на автобиографическом «почерке» любого индивида как своеобразном способе вписать себя в мир. Добавление прилагательного «экзистенциальный» к антропологии напоминает нам о ключевых задачах антропологии: понять уникальность жизненных миров и проектов, показать, из чего они создаются, и исследовать ситуации, в которых они приобретают биографический смысл. Как показал Эдмунд Гуссерль, только осознав себя особенностью (сингулярностью) в «сообществе всех сосуществующих монад» [Husserl, 1960, p. 139], человек получает представление о деформациях или искажениях, которые его собственная жизнь привносит в жизни других (и наоборот) в космополитизирующемся мировом сообществе, становясь со-конструкторами в строительстве мира. В этом свете необходимо «постоянно осознавать свою ответственность за создание нашей среды обитания» [Douglas, 1973, p. 15].

В главе «Экзистенциальная психиатрия и психотерапия» Спэндлер и Томас отмечают, что всегда существовал значительный, хотя и маргинальный интерес к экзистенциальному в психологических дисциплинах – в психиатрии, психологии, психотерапии и смежных областях психического здоровья [Spandler, Thomas, 2023]. Экзистенциальное мышление заключается не толь-

ко в том, чтобы опираться на философские принципы, так как все подходы к охране психического здоровья основаны на той или иной системе философии, независимо от того, признается это явно или нет. Экзистенциальное мышление также дало возможность увидеть безумие и страдание как нечто значимое и понятное, как некое выражение отношения человека к себе, к другим и к миру. Тем самым экзистенциальная философия часто использовалась для разработки более критического или, по крайней мере, менее медикализованного подхода к охране психического здоровья. Экзистенциальное мышление и практика были в первую очередь связаны со способом бытия человека в мире и общения его с другими людьми. Выражение «бытие-в-мире» (being-in-the-world) взято из философии Мартина Хайдеггера [Heidegger, 1962] и относится к способу, посредством которого человеческий опыт находится в отношении к миру, особенно (но не исключительно) к социальному миру. Его работы оказали влияние на более широкую область медицины [Аho, 2018], в то время как глава Спэнндлера и Томаса посвящена использованию экзистенциального мышления и практики в британской психиатрической помощи и во многом основана на интервью с ключевыми информантами, которых они определили как представителей экзистенциальной традиции в сфере психического здоровья Великобритании.

Имеется немного свидетельств явного экзистенциального мышления или практики в социальной работе в области психического здоровья или в сфере ухода за психическими больными в Великобритании. Хотя некоторые учебники по социальной работе кратко упоминают экзистенциализм, и в них прослеживаются попытки применить идеи Сартра к социальной работе, существует мало репрезентативных данных его влияния в практике социальной работы в области психического здоровья. И хотя идеи Р.Д. Лэйнга, безусловно, оказали влияние на социальную работу в 1970-е годы, их влияние на социальную работу в области психического здоровья сегодня нельзя назвать сильным. Несмотря на то, что между дисциплинами экзистенциальной психиатрии и экзистенциальной психотерапии достаточно общего, авторы главы подходят к их анализу отдельно.

Исторически сложилось так, что многие психиатры проявляли интерес к философии, пытаясь понять затруднительное поло-

жение человека, особенно парадоксы и конфликты, с которыми сталкиваются люди, считающиеся психически больными. Более того, философские идеи повлияли на основы современной психиатрии благодаря работам немецко-швейцарского психиатра и философа Карла Ясперса. Он изучал психиатрию в Гейдельберге и в 1913 г. опубликовал первое издание «Общей психопатологии». Этот текст оказал влияние на психиатрию благодаря попыткам описать, понять и объяснить переживания безумия. Хотя после этого Ясперс оставил психиатрию, чтобы сосредоточиться на философии, в его четвертом издании «Общей психопатологии» были представлены многие идеи из экзистенциальной философии, разработанной им в 1930-х годах. Пытаясь подойти к человеческому опыту объективно и научно, Карл Ясперс обратился к феноменологии Эдмунда Гуссерля. Существуют противоречивые интерпретации философии Гуссерля (как, кстати, и Ясперса), причем некоторые считают, что он поддерживал «некартезианский» взгляд на духовный мир человека. Критики утверждали, что Ясперс использовал феноменологию главным образом как инструмент для изучения внутреннего мира пациента и для попытки утвердить психиатрию как научный проект [Bracken, Thomas, 2005]. Это, по их предположению, выдавало более тщательно продуманный герменевтический экзистенциальный проект. Например, хотя Ясперс признавал важность значения и контекста, феноменология, по его мнению, не имеет отношения к значению; она имеет дело с «формой» психиатрических переживаний, а не с их значимыми связями. Это предполагает рациональный взгляд на сознание пациента, рассматривающий переживание как отдельную сферу, которая может быть описана отдельно от мира, в который оно встроено. Иными словами, субъективный мир пациента рассматривался как нечто, что может быть проанализировано, классифицировано и описано вне какого-либо контекста. Субъективная сфера человека отделена не только от истории его жизни или жизненных нарративов (повествования), но и от тела, переживающего это. Следовательно, психиатр сталкивается с ментальным миром пациента в отрыве от совокупности прожитой тем реальности. Деконтекстуализированный взгляд на феноменологию закрывает возможность понимания смысла и значимости переживаний, которые оформляются как психические заболевания. Подход «отделения личности

от контекста» (separation of person from context) характерен не только для англоязычной психиатрии, но и для русскоязычной.

Изучение понимания и смысла лежат в основе более критических экзистенциально ориентированных подходов к психиатрии, пишут авторы главы. Швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер привнес экзистенциальные идеи в психиатрию и разработал форму экзистенциального анализа, известную как Dasein-анализ. Другой швейцарский психиатр Медард Босс продолжил развивать этот подход, но критически отнесся к подходу, разработанному Бинсвангером.

Несмотря на эти различия, Dasein-анализ продолжает оказывать определенное влияние в Европе. Работы экзистенциального психиатра и человека, пережившего Холокост, Виктора Франкла, в частности, его классический текст «Человек в поисках смысла», опубликованный в 1946 г. [Frankl, 1985], оказали большое влияние, особенно в США и в его родной Австрии, где хорошо известна экзистенциальная терапевтическая традиция логотерапии [Bangle, Klaassen, 2019]. Логотерапия опирается на экзистенциальную идею Кьеркегора о том, что людьми движет «воля к смыслу» (will to meaning), в противоположность идее Фрейда о том, что ими движет «воля к удовольствию» (will to meaning), или более ницшеанской идее о «воле к власти» (will to power) Альфреда Адлера. Середина XX в. отмечена развитием экзистенциально-гуманистической традиции, представленной Ролло Мэем, который был соредактором книги «Существование: новое измерение в психиатрии и психологии» [May, Angel, Ellenberger, 1958]. Один из учеников Мэя Ирвин Ялом оказал сильное влияние на экзистенциальную и групповую аналитическую терапию в Европе, включая Великобританию. В более общем плане экзистенциальная мысль прочно ассоциируется с континентальной философией, особенно с Хайдеггером, Сартром и Мерло-Понти, а также с работами Ницше и Кьеркегора XIX в. В свою очередь Томас Сзасз, американский психотерапевт австрийского происхождения и откровенный критик психиатрии, разработал экзистенциальный подход к терапии, который фокусировался на индивидуальном выборе и автономии и отвергал идею психического заболевания в пользу идеи «проблем в жизни» (problems in living); этот термин впервые использовался американским психиатром Гарри Салливаном [Evans, 1996] и поз-

же был подхвачен Томасом Сзасзом. К 1960-м годам в психиатрии еще оставалось пространство для экспериментов и инноваций за пределами ее парадигмы.

Наряду с развитием яркой контркультуры, связанной с ростом новых социальных движений в конце 1960-х – начале 1970-х годов, в психиатрии стала возможна более радикальная форма экзистенциального мышления, по крайней мере на некоторое время. Этот прорыв часто ассоциировался с работой шотландского психиатра-радикала Р.Д. Лэйнга, который обычно рассматривается как человек, который ввел основные положения европейской традиции экзистенциальной феноменологии в британскую психиатрию. Благодаря Лэйнгу и южноафриканскому «антипсихиатру» Дэвиду Куперу экзистенциальные идеи некоторое время процветали в Британии в 1960-х и 1970-х годах. Книга Лэйнга «Разделенное Я: экзистенциальное исследование здравого смысла и безумия» [Laing, 1965] (впервые опубликована в 1960 г.) была особенно популярна среди студентов и контркультурных левых. В нее Лэйнг включил сложные идеи как из экзистенциализма, так и из психоанализа, сделав их доступными для более широкой аудитории. Эта книга до сих пор пользуется большой популярностью. Даже один из самых ярких критиков Лэйнга Питер Седжвик оценил его монографию за то, что она, применив экзистенциальный подход к психическим заболеваниям, «как ни удивительно, помогла прояснить и то, и другое» [Sedgwick, 2022, p. 94]. Лэйнг и Купер пытались воплотить свои идеи на практике путем создания групп экзистенциально информированных терапевтических сообществ (existentially informed therapeutic communities) для людей, испытывающих экстремальные психические состояния. Например, организация так называемой Виллы 21 в больнице Шенли была попыткой Дэвида Купера превратить психиатрическое отделение для молодых людей с диагнозом шизофрении в терапевтическое сообщество. Кроме того, в 1965 г. Лэйнг стал соучредителем Филадельфийской ассоциации, которая основала терапевтическое сообщество в Кингсли-Холле, общественном центре в Восточном Лондоне. Идея состояла в том, чтобы создать места для людей с тяжелыми психическими расстройствами, где крайние проявления болезни можно было бы переживать, рассматривая как потенциальное экзистенциальное путешествие, а не просто лечить до уст-

ранения тревожных симптомов. Филадельфийская ассоциация сыграла ключевую роль в истории и развитии экзистенциализма психического здоровья в Великобритании и позже создала несколько терапевтических сообществ для людей с хроническими долгосрочными проблемами психического здоровья. Позже Дж. Берке написал два рассказа о путешествии сквозь безумие с Мэри Барнс, которая впоследствии стала самым известным шизофреником, проживающим в Кингсли-Холле; эта книга позже была экранизирована Дэвидом Эдгаром [Edgar, 1979]. С тех пор об их терапевтических отношениях было написано много [Charman, 2020]. Позже, в 1970 г., Берке стал соучредителем Ассоциации беседок, одного из ответвлений Филадельфийской ассоциации, занимающихся организацией кризисных центров. Алек Дженнер, психиатр из Шеффилда, заинтересовавшись работой Лэйнга, создал журнал *Asylum: the magazine for democratic psychiatry* (ныне журнал *Radical mental health magazine*), а позже под его редакцией была опубликована коллективная монография «Шизофрения: болезнь или некоторые способы быть человеком?» [Schizophrenia, 1993]. Несмотря на то, что идеи Лэйнга были очень популярны, а отдельные психиатры руководствуются экзистенциальным подходом к пациентам, работы Лэйнга оказали ограниченное влияние на общую психиатрию и государственные службы охраны психического здоровья Великобритании.

Сегодня можно говорить лишь об отдельных специалистах, работающих в рамках экзистенциальной психиатрии. Например, смогла поддержать интерес к экзистенциализму в британской психиатрии работа группы по особым интересам в области философии Королевского колледжа психиатров. Члены сети критической психиатрии (*critical psychiatry network*) в Великобритании сохранили интерес к этим идеям. Эта сеть включает в себя специалистов, которые критически относятся к доминированию биомедицинского подхода в психиатрии. Так, критически настроенные психиатры Фил Томас и Пэт Брэкен в сотрудничестве с людьми, которые слышат голоса, создали работу по герменевтической феноменологии слышания голосов, т.е. опирались на опыт, обычно рассматриваемый как симптом психического заболевания. Исследователи показали, что опыт слышания голосов может стать осмысленным, если рассматривать его в контексте истории жизни

человека [Thomas, Bracken, Leudar, 2004]. В свою очередь, в книге Саннеке де Хаан «Энактивная психиатрия» говорится о ключевой роли экзистенциального измерения в психиатрии. Исследовательница показала, что имеется широчайший спектр факторов, которые могут вызывать психические расстройства – от травматических переживаний до экзистенциальных, социальных, материальных проблем и генетических нарушений. Соответствующие факторы и их влияние на человека могут различаться не только в зависимости от диагноза, но и между людьми с одним и тем же диагнозом. В итоге была разработана теория энактивной психиатрии, которая представляет собой интегративный отчет об основных факторах, играющих роль в развитии и течении психических заболеваний [Sanneke de Naan, 2020].

Итак, авторы рассматриваемой главы достаточно хорошо проследили философско-историческую традицию экзистенциальной психиатрии и психотерапии в современной Великобритании. Несмотря на малое количество свидетельств явного экзистенциального мышления или применения экзистенциального подхода в рамках социальной работы в области психического здоровья в Великобритании (а влияние такой фигуры, как Р.Д. Лэйнг, ослабевает), по их мнению, аспекты экзистенциального мировоззрения тем не менее присутствуют в предметной области современных психиатрии и психотерапии. Однако существует потенциальный конфликт между обучением конкретным психотерапевтическим или психиатрическим методам лечения и неподвзятым исследованиям, основанным на экзистенциальном подходе.

Список литературы

- Adams M.* Existential-phenomenological therapy: method and practice // The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 167–180.
- Aho K.* Existential medicine: essays on health and illness. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2018. – 294 p.
- Appiah K.A.* The lies that bind. – New York: Liveright publishing, 2018. – 272 p.
- Arndt J., Schimel J., Goldenberg J.L.* Death can be good for your health: fitness intentions as a proximal and distal defense against mortality salience // Journal of applied social psychology. – 2003. – Vol. 33, N 8. – P. 1726–1746. – DOI: 10.1111/j.1559-1816.2003.tb01972.x

Bangle S., Klaassen D. Logotherapy and existential analysis: method and practice // The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 341–355.

Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological bulletin. – 1995. – Vol. 117, N 3. – P. 497–529.

Beauvoir S. Introduction to “The second sex” // The second wave: a reader in feminist theory / ed. by L. Nicholson. – New York: Routledge, 1997. – P. 11–18.

Binswanger L. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. – Zürich: Niehans, 1942. – 726 p.

Boss M. Psychoanalysis and Dasein-analysis / transl. by L.B. Lefebre. – New York: Dacapo press, 1982. – 295 p.

Bracken P., Thomas P. Postpsychiatry: mental health in a postmodern world. – Oxford: Oxford university press, 2005. – P. 105–134.

Chapman A. “May all be shattered into God”: Mary Barnes and her journey through madness at Kingsley Hall // Journal of medical humanities. – 2020. – Vol. 41. – P. 207–228.

Douglas M. Rules and meaning. – London: Routledge, 1973. – 320 p.

Edgar D. Mary Barnes (Modern plays). – Methuen: Methuen publishing, 1979. – 80 p.

Evans F.B. Harry Stack Sullivan: interpersonal theory and psychotherapy. – London: Routledge, 1996. – 241 p.

Existential threat fuels worldview defense, but not after priming autonomy orientation / Vail K.E., Conti J.P., Goad A.N., Horner D.E. // Basic and applied social psychology. – 2020. – Vol. 42, N 3. – P. 150–166. – DOI: 10.1080/01973533.2020.1726747

Firmin J.-A. The equality of the human races. – Urbana (IL): University of Illinois press, 2002. – 470 p.

Firth R. Elements social organization. – London: Watt & Co., 1952. – 288 p.

Florian V., Mikulincer M., Hirschberger G. The anxiety-buffering function of close relationships: evidence that relationship commitment acts as a terror management mechanism // Journal of personality and social psychology. – 2002. – Vol. 82, N 4. – P. 527–542.

Frankl V.E. Man’s search for meaning. – New York: Washington square press, 1985. – 221 p.

Fuchs T., Messas G.P., Stanghellini G. More than just description: phenomenology and psychotherapy // Psychopathology. – 2019. – N 52. – P. 63–66.

Gell A. Art and agency. – Oxford: Clarendon, 1998. – 271 p.

Gell A. Reflections on a cut finger // Things as they are / ed. by M. Jackson. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 278 p.

Handbook of terror management theory / ed. by C. Routledge, V. Matthew. – Academic press, 2019. – 648 p.

Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense // Perspectives on psychological science. – 2014. – N 9. – P. 19–39.

- Heidegger M.* Being and time / transl. by J. Macquarrie, E. Robinson. – Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 593 p.
- Heine S.J., Proulx T., Vohs K.D.* The meaning maintenance model: on the coherence of social motivations // *Personality and social psychology review*. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 88–110.
- Husserl E.* Cartesian meditations / transl. by D. Cairns. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1960. – 157 p.
- Jackson M.* Lifeworlds: essays in existential anthropology. – Chicago (IL): Chicago university press, 2012. – 288 p.
- Jackson M.* Things as they are. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 288 p.
- Kant I.* “Perpetual peace” and other essays on politics, history, and morals / transl. by T. Humphrey. – Indianapolis (IN): Hackett, 1988. – 160 p.
- Kant I.* Anthropology from a pragmatic point of view / ed. by R.B. Loudon, M. Kuehn. – Cambridge: Cambridge university press, 2006. – 246 p.
- Laing R.D.* The divided self: an existential study in sanity and madness (Penguin psychology). – London: Penguin books, 1965. – 224 p. – Reprint edition.
- May R.* The meaning of anxiety. – New York: Roland press, 1977. – 376 p.
- May R., Angel E., Ellenberger H.F.* Existence: a new dimension in psychiatry and psychology. – New York: Simon & Schuster, 1958. – 456 p.
- Piette A.* Existence in the details. – Berlin: Duncker and Humboldt, 2015. – 119 p.
- Piette A.* Separate humans. – Milan: Mimesis international, 2016. – 90 p.
- Rapport N* nyone: the cosmopolitan subject of anthropology. – Oxford: Berghahn, 2012. – 238 p.
- Rapport N.* Social anthropology the key concepts. – London: Routledge, 2002. – 480 p.
- Ratcliffe M.* Experiences of depression. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 318 p.
- Ratcliffe M., Stephan A.* Depression, emotion, and the self: philosophical and interdisciplinary perspectives. – Exeter: Imprint academic, 2014. – 303 p.
- Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory basic psychological needs in motivation, development, and wellness. – New York: The Guilford press, 2017. – 769 p.
- Sanneke de Haan.* Enactive psychiatry. – New edition. – Cambridge: Cambridge university press, 2020. – 304 p.
- Schizophrenia: a disease or some ways of being human / Jenner F.A., Montorio A.C.D., Zagalo-Cardoso J.A., Cunha-Oliveria J.A. – Sheffield: Sheffield academic press, 1993. – 164 p.
- Sedgwick P.* PsychoPolitics. – London: Pluto press, 2022. – 296 p.
- Spandler H., Thomas P.* Existential psychiatry and psychotherapy // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 50–63. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Spinelli E. Existential psychotherapy: an introductory overview // *Análise psicológica*. – 2006. – N 3. – P. 311–321.

Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural worldview / Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. // *Psychological science*. – 1997. – Vol. 8, N 5. – P. 379–385. – DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00429.x

Sullivan D., Goad A., Schmitt H.J. Existential psychology // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 23–35. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Sullivan D., Palitsky R. An existential psychological perspective on the human essence // *Handbook of the human essence* / ed. by M. van Zomeren, J.F. Dovidio. – Oxford: Oxford university press, 2018. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.1

The Routledge international handbook of existential human science / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – New York: Wiley-Blackwell, 2021. – 656 p.

Thomas P., Bracken P., Leudar I. Hearing voices: a phenomenological-hermeneutic approach // *Cognitive neuropsychiatry*. – 2004. – N 9. – P. 13–23.

Wardle H. Anthropology as an existential enquiry // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 36–49. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

References

Adams M. Existential-phenomenological therapy: method and practice. *The Wiley world handbook of existential therapy*. Ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 167–180.

Aho K. *Existential medicine: essays on health and illness*. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2018. – 294 p.

Appiah K.A. *The lies that bind*. – New York (NY): Liveright publishing, 2018. – 272 p.

Arndt J., Schimel J., Goldenberg J.L. Death can be good for your health: fitness intentions as a proximal and distal defense against mortality salience. *Journal of applied social psychology*. – 2003. – Vol. 33, N 8. – P. 1726–1746. – DOI: 10.1111/j.1559-1816.2003.tb01972.x

Bangle S., Klaassen D. Logotherapy and existential analysis: method and practice. *The Wiley world handbook of existential therapy*. Ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 341–355.

Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological bulletin*. – 1995. – Vol. 117, N 3. – P. 497–529.

Beauvoir S. Introduction to “The second sex”. *The second wave: a reader in feminist theory*. Ed. by L. Nicholson. – New York: Routledge, 1997. – P. 11–18.

Binswanger L. *Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins*. – Zürich: Niehans, 1942. – 726 p.

- Boss M. *Psychoanalysis and Dasein-analysis*. Transl. by L.B. Lefebvre. – New York: Dacapo press, 1982. – 295 p.
- Bracken P., Thomas P. *Postpsychiatry: mental health in a postmodern world*. – Oxford: Oxford university press, 2005. – P. 105–134.
- Chapman A. “May all be shattered into God”: Mary Barnes and her journey through madness at Kingsley Hall. *Journal of medical humanities*. – 2020. – Vol. 41. – P. 207–228.
- Douglas M. *Rules and meaning*. – London: Routledge, 1973. – 320 p.
- Edgar D. *Mary Barnes (Modern plays)*. – Methuen: Methuen publishing, 1979. – 80 p.
- Evans F.B. *Harry Stack Sullivan: interpersonal theory and psychotherapy*. – London: Routledge, 1996. – 241 p.
- Existential threat fuels worldview defense, but not after priming autonomy orientation / Vail K.E. Conti J.P., Goad A.N., Horner D.E. *Basic and applied social psychology*. – 2020. – Vol. 42, N 3. – P. 150–166. – DOI: 10.1080/01973533.2020.1726747
- Firmin J.-A. *The Equality of the human races*. – Urbana (IL): University of Illinois press, 2002. – 470 p.
- Firth R. *Elements social organization*. – London: Watt & Co., 1952. – 288 p.
- Florian V., Mikulincer M., Hirschberger G. The anxiety-buffering function of close relationships: evidence that relationship commitment acts as a terror management mechanism. *Journal of personality and social psychology*. – 2002. – Vol. 82, N 4. – P. 527–542.
- Frankl V.E. *Man’s search for meaning*. – New York: Washington square press, 1985. – 221 p.
- Fuchs T., Messas G.P., Stanghellini G. More than just description: phenomenology and psychotherapy. *Psychopathology*. – 2019. – N 52. – P. 63–66.
- Gell A. *Art and agency*. – Oxford: Clarendon, 1998. – 271 p.
- Gell A. Reflections on a cut finger. *Things as they are*. Ed. by M. Jackson. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 278 p.
- Handbook of terror management theory*. Ed. by C. Routledge, V. Matthew. – Academic press, 2019. – 648 p.
- Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense. *Perspectives on psychological science*. – 2014. – N 9. – P. 19–39.
- Heidegger M. *Being and time*. Transl. by J. Macquarrie, E. Robinson. – Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 593 p.
- Heine S.J., Proulx T., Vohs K.D. The meaning maintenance model: on the coherence of social motivations. *Personality and social psychology review*. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 88–110.
- Husserl E. *Cartesian meditations*. Transl. by D. Cairns. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1960. – 157 p.
- Jackson M. *Lifeworlds: essays in existential anthropology*. – Chicago (IL): Chicago university press, 2012. – 288 p.

- Jackson M. *Things as they are*. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 288 p.
- Kant I. *Anthropology from a pragmatic point of view*. Ed. by R.B. Loudon, M. Kuehn. – Cambridge: Cambridge university press, 2006. – 246 p.
- Kant I. *Perpetual peace and other essays on politics, history, and morals*. Transl. by T. Humphrey. – Indianapolis (IN): Hackett, 1988. – 160 p.
- Laing R.D. *The divided self: an existential study in sanity and madness*. – London: Penguin books, 1965. – 224 p. – Reprint edition.
- May R. *The meaning of anxiety*. – New York: Roland press, 1977. – 376 p.
- May R., Angel E., Ellenberger H.F. *Existence: a new dimension in psychiatry and psychology*. – New York: Simon & Schuster, 1958. – 456 p.
- Piette A. *Existence in the details*. – Berlin: Duncker and Humboldt, 2015. – 119 p.
- Piette A. *Separate humans*. – Milan: Mimesis international, 2016. – 90 p.
- Rapport N. *Anyone: the cosmopolitan subject of anthropology*. – Oxford: Berghahn, 2012. – 238 p.
- Rapport N. *Social anthropology the key concepts*. – London: Routledge, 2002. – 480 p.
- Ratcliffe M. *Experiences of depression*. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 318 p.
- Ratcliffe M., Stephan A. *Depression, emotion, and the self: philosophical and interdisciplinary perspectives*. – Exeter: Imprint academic, 2014. – 303 p.
- Ryan R.M., Deci E.L. *Self-determination theory basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. – New York: The Guilford press, 2017. – 769 p.
- Sanneke de Haan. *Enactive psychiatry*. – Cambridge: Cambridge university press, 2020. – 304 p.
- Schizophrenia: a disease or some ways of being human* / Jenner F.A., Montorio A.C.D., Zagalo-Cardoso J.A., Cunha-Oliveria J.A. – Sheffield: Sheffield academic press, 1993. – 164 p.
- Sedgwick P. *PsychoPolitics*. – London: Pluto press, 2022. – 296 p.
- Spandler H., Thomas P. Existential psychiatry and psychotherapy. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 50–63. – DOI: 10.4324/9781003156697-4
- Spinelli E. Existential psychotherapy: an introductory overview. *Análise psicológica*. – 2006. – N 3. – P. 311–321.
- Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural worldview. Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. *Psychological science*. – 1997. – Vol. 8, N 5. – P. 379–385. – DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00429.x
- Sullivan D., Goad A., Schmitt H.J. Existential psychology. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 23–35. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Sullivan D., Palitsky R. An existential psychological perspective on the human essence. *Handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeren, J.F. Dovidio. – Oxford: Oxford university press, 2018. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.1

The Routledge international handbook of existential human science. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Wiley world handbook of existential therapy. Ed. by E. van Deurzen et al. – New York: Wiley-Blackwell, 2021. – 656 p.

Thomas P., Bracken P., Leudar I. Hearing voices: a phenomenological-hermeneutic approach. *Cognitive neuropsychiatry*. – N 9. – P. 13–23.

Wardle H. Anthropology as an existential enquiry. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 36–49. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

(Окончание следует)

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

Реф. ст.: ВАН ЦЗЯНЮНЬ, ЧЖУН РЕНЬЯО. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ЗАЩИТЫ ОДИНОКИХ ПОЖИЛЫХ ГОРОЖАН¹

Ключевые слова: качество жизни; здоровье; пожилые люди; городское сообщество.

Для цитирования: Кобяк Е.А. [Реферат]. Ван Цзянюнь, Чжун Реньяо. Качество жизни и классификация мер защиты одиноких пожилых горожан // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 139–142. – Реф. ст.: 王建云, 钟仁耀. 城市社区高龄独居老年人生命健康质量及分类保障研究 [Wang Jian-yun, Zhong Ren-yao. On the health-related quality of life and classified social security system of older adults living alone in urban community] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2022. – Vol. 54, N 4. – P. 164–174.

Реферат поступил: 15.11.2023.

Принят к публикации: 15.01.2024.

¹ Реферат выполнен по: 王建云, 钟仁耀. 城市社区高龄独居老年人生命健康质量及分类保障研究 [Wang Jian-yun, Zhong Ren-yao. On the health-related quality of life and classified social security system of older adults living alone in urban community] // 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2022. – Vol. 54, N 4. – P. 164–174. – DOI: 10.16382/j.cnki.1000-5579.2022.04.017

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке текста и ценные замечания доктору социологических наук, профессору кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Ларисе Григорьевне Титаренко.

Article summary: WANG JIAN-YUN, ZHONG REN-YAO. On the health-related quality of life and classified social security system of older adults living alone in urban community

Keywords: quality of life; health; older adults; urban community.

For citation: Kobyak E.A. [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 139–142. – Article summary: 王建云, 钟仁耀. 城市社区高龄独居老年人生命健康质量及分类保障研究 [Wang Jian-yun, Zhong Ren-yao. On the health-related quality of life and classified social security system of older adults living alone in urban community]. 华东师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of East China Normal University (philosophy and social sciences)]. – 2022. – Vol. 54, N 4. – P. 164–174.

Received: 15.11.2023.

Accepted: 15.01.2024.

В данной работе использовались результаты исследования «Положение и потребности пожилых людей в возрасте старше 70 лет, живущих в одиночестве в городских поселениях Китая», которое проводилось в Чэнду, Хух-Хото, Даляне, Гуанчжоу и Шанхае в 2013–2015 гг. Авторы статьи Ван Цзяньюнь и Чжун Реньяо (Восточно-Китайский педагогический университет, г. Шанхай) отмечают необходимость создания информационной базы данных о живущих в китайских городах одиноких пожилых людях, которая могла бы помочь нуждающимся получить разного рода уход (от практических мер поддержки до консультаций психолога).

Исследование качества жизни и здоровья одиноких пожилых людей показало, что это сообщество (N=2752) неоднородно и может быть разделено на группы: на людей, имеющих детей и супруга (15,6%); пожилых людей с детьми, но без супруга (81,4%); пожилых людей, не имеющих детей, но имеющих супруга (0,14%); не имеющих детей и супруга (2,8%). В соответствии с этой классификацией были выдвинуты и проверены разные гипотезы о состоянии здоровья представителей каждой группы.

Так, было обнаружено, что состояние физического здоровья хуже всего у пожилых людей, проживающих отдельно, но имеющих детей и супруга, и наоборот, наиболее здоровыми являются

полностью одинокие пенсионеры. Состояние психического здоровья находится на хорошем уровне у пожилых людей, имеющих детей и супруга (в этой подвыборке больше мужчин): для них менее характерны чувство одиночества, депрессия и тревога; одинокие пожилые люди, имеющие из близких лишь детей, демонстрируют худшие показатели психического здоровья. Кроме того, было зафиксировано, что наиболее социально адаптированными являются пожилые люди, которые проживают без супруга и имеют детей. Вероятно, это связано с тем, что взрослые дети стараются не оставлять оставшихся в одиночестве родителей и способствуют их интеграции в общество. В то же время у полностью одиноких пенсионеров есть серьезные проблемы с социальной адаптацией.

Авторы статьи предлагают практические рекомендации по оказанию помощи одиноким пожилым людям, основанные на результатах проведенного исследования. Они подчеркивают, что различные государственные ведомства должны изучить вопрос о создании системы социальной поддержки одиноких пожилых людей в зависимости от качества их жизни и здоровья (с точки зрения их физической, психической и социальной адаптации), обеспечить им более адресный уход. Пожилым людям следует предоставлять более совершенные и «точечные» услуги по уходу на дому, точно определяя их физические, психические потребности и уровень социальной адаптации. Например, желательно составить карту типов семей, в которой была бы учтена информация о причинах одиночества пожилых клиентов, нуждающихся в помощи.

Таким образом, предлагается создать комплексную информационную базу данных одиноких пожилых горожан для оказания им адресной помощи и поддержки. Тем, у кого есть дети и супруг, могло бы помочь частое взаимодействие с соседями и точечная поддержка в случае необходимости. Для тех, у кого есть дети, но нет супруга, предлагается эмоциональная поддержка, общение с ровесниками и психологическое консультирование. Наконец, для полностью одиноких горожан предлагаются помощь со стороны соседей, инициативы по вовлечению в группы взаимопомощи, в программы социальной адаптации и участия в общественной жизни.

Подводя итоги, отметим, что в реферируемой работе не только выделяются проблемы, с которыми сталкиваются одинокие пожилые люди в городских сообществах Китая, но и предлагаются

полезные практические решения для улучшения качества их жизни. Результаты исследования показывают важность специализированных систем поддержки и ценность социальной сплоченности в обеспечении благополучия этой увеличивающейся в КНР с каждым годом демографической группы.

*Е.А. Кобяк**

* © Кобяк Е.А., реферат, 2024.

Кобяк Евгения Александровна – студентка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск; 1243wery@gmail.com

Kobyak Evgeniya Aleksandrovna – Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk; 1243wery@gmail.com

УДК 327

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.09

ПОНАМАРЕВА А.М.* ИТОГИ СЕМИНАРА ФАКУЛЬТЕТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА «ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: “ВОЙНЫ ПАМЯТИ” И ПОСТРОЕНИЕ “БИОГРАФИИ ГОСУДАРСТВ”» (21 марта 2024 г.)

Аннотация. В условиях становления глобального информационного общества доступ к средствам символического производства, в том числе – контроль над историческими нарративами, служит одним из критериев политической субъектности актора, претендующего на статус суверенного игрока в международных отношениях. Долгоиграющие территориальные конфликты усугубляются несовпадением коллективных воспоминаний, вовлеченных в них сторон, и трансформируются в конфликты ценностей, что многократно осложняет их последующее разрешение. В рамках заявленного научно-практического семинара участники на примере Западных Балкан – важнейшего в геополитическом плане региона – обсудили феномен секьюритизации памяти, использование исторических аргументов в межгосударственном взаимодействии, а также проблематику выстраивания нарратива «биографии государства» при конструировании национальной идентичности. Частью дискуссии стало обсуждение агрессии НАТО в отношении СРЮ в 1999 г. в исторической памяти Сербии, а также изменение характера освещения санкционного давления на Югославию в российском академическом дискурсе.

* Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; amp1982@mail.ru

Ключевые слова: Западные Балканы; исторический нарратив; «войны памяти»; «биография государства»; санкции.

Для цитирования: Понамарева А.М. Итоги семинара факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова «Западные Балканы: “войны памяти” и построение “биографии государств”» (21 марта 2024 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 143–154. – DOI: 10.31249/tsoc/2024.02.09

Статья поступила: 24.03.2024.

Принята к публикации: 01.04.2024.

PONAMAREVA A.M.** Results of the workshop of the Faculty of world politics of Moscow state university named after M.V. Lomonosov «Western Balkan: “memory wars” and construction of “biography of states”» (March 21, 2024)

Abstract. In the context of the emergence of a global information society, access to the means of symbolic production, including control over historical narratives, serves as one of the criteria for the political subjectivity of an actor claiming the status of a sovereign player in international relations. Long-term territorial conflicts are aggravated by the discrepancy between collective memories and the parties involved in them, and are transformed into conflicts of values, which greatly complicates their subsequent resolution. As part of the announced scientific and practical seminar, participants, using the example of the Western Balkans – the most important region in geopolitical terms – discussed the phenomenon of securitization of memory, the use of historical arguments in interstate interaction, as well as the problems of building a narrative of “state biography” in the construction of national identity. Part of the workshop was a discussion of NATO aggression against the FRY in 1999 in the historical memory of Serbia, as well as changes in the nature of coverage of sanction pressure on Yugoslavia in Russian academic discourse.

** Ponomareva Anastasiya Mikhailovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Centre for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; amp1982@mail.ru

Keywords: Western Balkans; historical narrative; “memory wars”; “state biography”; sanctions.

For citation: Ponamareva A.M. Results of the workshop of the Faculty of world politics of Moscow state university named after M.V. Lomonosov «Western Balkan: “memory wars” and construction of “biography of states”» (March 21, 2024). *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 143–154. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.09

Received: 24.03.2024.

Accepted: 01.04.2024.

21 марта 2024 г. на факультете мировой политики (ФМП) МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся научно-практический семинар на тему: «Западные Балканы: “войны памяти” и построение “биографии государств”». В мероприятии, прошедшем онлайн, приняли участие сотрудники ФМП МГУ, факультета политологии МГУ, Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН и Института психологии РАН.

Модератором заседания стала заместитель декана по научной работе ФМП МГУ, ст. науч. сотр. Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН канд. социол. наук А.М. Пономарева.

Объясняя причины выбора именно балканского региона для рассмотрения проблематики инструментализации исторических нарративов, Анастасия Михайловна сослалась на определение Е.Г. Пономаревой: «Балканы – это своеобразное геополитическое зеркало, внимательно всмотревшись в которое можно увидеть будущее других стран и регионов мира»¹. Также модератор подчеркнула, что мероприятие проводится накануне очень символической и одновременно трагической для Сербии даты – очередной годовщины агрессии НАТО против Югославии, в результате которой, по сербским данным, погибли от 3,5 тыс. до 4 тыс. человек, а ранения

¹ Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? Хаос, конфронтация, интеграция. – Москва: Книжный мир, 2016. – URL: https://kartaslov.ru/книги/Елена_Пономарева_Вывихнутый_век_Кто_его_вправит_Хаос_конфронтация/1#p11 (дата обращения: 24.03.2024).

получили около 10 тыс. Напомнив присутствовавшим о принятом накануне обращении палат ФС РФ к ООН, международным парламентским организациям и парламентам иностранных государств в связи с 25-й годовщиной военной операции НАТО против Югославии¹, А.М. Понамарева констатировала, что балканская тема не уходит из международной повестки, а обращение к знаковым событиям из истории Балкан как для стран самого региона, так и для претендующих на значимую роль в переустройстве миропорядка игроков служит еще одним инструментом продвижения своих национальных интересов, своего видения международных отношений. Таким образом, в условиях секьюритизации балканской проблематики ее неангажированное экспертное обсуждение, включающее в себя рассмотрение вопросов исторической памяти, представляется тем более актуальным и практически значимым.

С основным докладом «Умом Балканы не понять? Историческая память и геополитика в судьбе постъюгославского пространства» в рамках семинара выступил заместитель директора ИНИОН РАН по научной работе д-р полит. наук Д.В. Ефременко.

В качестве примера, иллюстрирующего влияние методологической ориентации исследователя на интерпретацию поступающих данных и выработку соответствующих рекомендаций, Дмитрий Валерьевич привел фрагмент известной книги Роберта Каплана «Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю»². Выдержанная в жанре травелога, она содержит детальное описание путешествия автора от румынской Трансильвании до греческих Салоники. Однако увиденное американским политологом только еще больше убедило его в неискоренимости

¹ Российские парламентарии призвали привлечь страны Североатлантического альянса к ответственности, отметив, что безнаказанность создала предпосылки «для новых силовых акций по всему миру под прикрытием заявлений о борьбе “за ценности свободы и демократии”». Цит. по: Обращение палат ФС РФ «К ООН, международным парламентским организациям и парламентам иностранных государств в связи с 25-й годовщиной агрессии государств – членов Организации Североатлантического договора против Союзной Республики Югославия» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – 2024. – 20 марта. – URL: <http://duma.gov.ru/news/59016/> (дата обращения: 24.03.2024).

² *Kaplan R. Balkan ghosts: a journey through history.* – New York: St. Martin's press publication, 1993. – 307 p.

этнической розни на Балканах. Признавая историческую обусловленность последней, Р. Каплан исходил из представления о том, что помноженная на современные проблемы политического и социально-экономического характера, она неминуемо приведет к возобновлению кровавых конфликтов в регионе. То есть, под соусом искренней заботы о благополучии народов Балкан было представлено довольно расистское, по сути, описание диких людей, которые руководствуются в своих действиях многовековыми родовыми предрассудками и мифами и без вмешательства извне не в состоянии рационально осмыслить и урегулировать межэтнические противоречия. Неудивительно, что с началом югославских войн Роберт Каплан очень быстро оказался в лагере интервенционистов.

Внешнее вмешательство, закамуфлированное под миротворчество или арбитраж, отметил эксперт, приводит к неформальному или даже формализованному назначению определенных ролей для государств, народов и сообществ – жертв или палачей; выигравших или проигравших и т.п. Созданный образ поддерживается мейнстримом ведущих СМИ, которые оказывают значимое влияние на формирование международного общественного мнения. В своем дальнейшем развитии это принуждение к отыгрыванию навязанной роли получает выражение в практике межгосударственного взаимодействия, когда включение той или иной страны в состав военно-политических союзов или экономических объединений обуславливается выполнением не только стандартных, но и специфических требований, например требования полноценного сотрудничества с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ). Применительно к пространству бывшей Югославии результатом внешнего вмешательства стало прохождение процесса нацистроительства в большей части республик в условиях устойчивой и длительной поляризации общества. Предлагаемые политическими элитами проекты будущего и транслируемые ими исторические нарративы воспринимаются статистически значимыми частями политий как искусственные и не отвечающие культурному коду народа и чувству Отечества.

Представляется, что для России в свете СВО особенно актуален вопрос, можно ли хоть чему-то научиться на чужих ошибках. И проблема заключается не в том, что постсоветские полити-

ческие элиты не извлекли никаких уроков из опыта народов Западных Балкан, а в том, что они восприняли этот опыт выборочно, подогнав его под собственные, ранее сформированные целевые установки. Показательно при этом, что и последние основывались не на рациональном осмыслении картины мира, а на ее эмоциональном восприятии, подвижном балансе страхов и надежд соответствующих сообществ. В данном контексте метаморфозы памяти о прошлом выходят далеко за рамки страновой политики и даже политики внутри макрорегиона, но оказываются значимыми на геополитическом уровне.

Представив свое видение актуальности рассматриваемой проблематики, Дмитрий Валерьевич подробнее остановился на проблеме секьюритизации исторической памяти и роли исторических нарративов в укреплении онтологической безопасности Западных Балкан.

В целом, заключил он, пространство мировой политики является пятимерным: к трем стандартным измерениям географического евклидова пространства добавляется историческое измерение, а вслед за ним – измерение политического воображаемого, т.е. репрезентация пространства времени в коллективной идентичности, в культурной памяти, в политических нарративах и социальных коммуникациях. И это пятое измерение предполагает закрепление на уровне идентичности сообщества представления о территории государства, исторических основах контроля над этой территорией или претензиях на соответствующий контроль. В основе данного тезиса лежит идея Эрнеста Ренана о том, что национальная идентичность формируется в процессе артикуляции ответов на вопросы о начале нашего существования как сообщества, связанного общей памятью и занимающего определенный территориальный ареал. Вслед за этим рождается видение общего будущего, определяющего принципиальное единство установок, опасений и целей сообщества. Понимание важности этой сцепки позволяет исследователю интегрировать представления об устойчивости и непрерывности национального бытия – т.е. представления об онтологической безопасности – в анализ международных отношений, не перечеркивая основные парадигмальные подходы, но содержательно их дополняя.

Государства и общества бывшей Югославии нередко оказывались в критических обстоятельствах, ставивших под вопрос прежние представления сообществ о себе и своей «биографии». Возникающее в таких обстоятельствах ощущение онтологической незащищенности сообщества превращается в политическую проблему, для разрешения (или хотя бы видимости разрешения) которой необходима, в числе прочего, работа с исторической памятью и макрополитической идентичностью. Однако диапазон маневра политических элит ограничен и определяется «степенью уязвимости» самой исторической памяти, наличием табуированных тем, чувством неуверенности на фоне достижений более успешных соседей. Требуется провести селекцию и интерпретацию избранных исторических событий, создать обновленную систему маркеров «национальной биографии», т.е. фактически приступить к менеджменту исторической памяти. Понимание воздействия «эффекта колеи» объясняет, почему, заботясь об онтологической безопасности в критических ситуациях, государственные лидеры не всегда руководствуются в своих действиях рациональными калькуляциями баланса сил и угроз. Политика сербских лидеров в отношении Косова – один из наиболее показательных примеров важности Косовского (видовданского) мифа для онтологической безопасности Сербии.

Очевидно, что нет достаточных фактических оснований рассматривать данный миф как нечто имманентное сербскому самосознанию едва ли не с вечера 15 (28) июня 1389 г., когда возглавлявший христианское войско в битве на Косовом поле Лазарь Хребелянович принял мученическую смерть от пленивших его турок. Основа косовского цикла сербского эпоса стала формироваться вскоре после битвы в рамках устной фольклорной традиции, но вплоть до начала XIX в. он поддерживался преимущественно в определенной локации в подконтрольной Габсбургам Воеводине, куда были вынуждены перебраться многие сербы в ходе великих переселений 1690 и 1740 гг. Каноническую форму обрел благодаря изданию сербских народных песен Вуком Караджичем – и это еще одна блестящая иллюстрация к идее Бенедикта Андерсона о воображаемых сообществах и той роли, которую фольклористы могут играть в старте национального сознания.

Политические коннотации в отсылках к битве на Косовом поле появляются уже в начале XIX в. в сочинениях участников борьбы за освобождение Сербии от османского господства, что вполне соответствует общим модальностям нациестроительства в Европе в тот исторический период. В период наибольшей интенсивности сербского нациестроительства именно связанные с памятью о событиях Видова дня 1389 г. нарративы играли важнейшую роль. На государственном уровне импульс формированию и содержательной трансформации видовданского мифа придавали официальные юбилеи Косовской битвы, первый из которых был организован в 1889 г.

Слова, звучавшие на Косовом поле в ходе юбилеев, не только отражали долгосрочную программу действий официального Белграда на международной арене, но и получали закрепление в массовом сознании сербов. Эти слова зачастую жили существенно дольше тех, кто их произносил: риторика и символика юбилея 1889 г. в немалой степени определили действия Белграда накануне и во время Балканских войн и Первой мировой войны; Газиместанская речь Слободана Милошевича и по сей день определяет грани приемлемого и неприемлемого для сербских политиков, вынужденных иметь дело с его наследием.

Казус косовского мифа демонстрирует ограниченность политического реализма в интерпретации моделей поведения международных игроков. В то время как с позиций политического реализма любому рационально мыслящему политическому деятелю в Белграде следовало бы признать необратимость утраты политического контроля над Косовом, сербские лидеры вновь и вновь останавливаются у последнего рубежа, когда ради обретения сербами нового европейского Я им требуется отказаться от старого Я, связанного с Косовом. Переход этого рубежа означал бы острый кризис онтологической безопасности с его последующей трансформацией во внутривнутриполитический кризис, итогом которого стала бы утрата легитимности властью, решившейся отказаться от Косова, подвел итог Д.В. Ефременко.

Отвечая на вопрос о возможности применения той же интерпретационной схемы, учитывающей заботу политики об онтологической безопасности, к «кейсу Карабаха», он согласился, что тему Арцаха допустимо рассматривать как аналог мифа о Косовом

поле, с учетом значимости этой территории для национальной консолидации армян. Но два фактора: понимание фактического соотношения военных и политических сил и модальности управления Никола Пашиняна, выступающего в качестве антагониста тех политических сил, для которых Армения и НКР были неразрывно связаны, предопределили «победу» объективных обстоятельств над символическим нарративом. Однако история не заканчивается, пружина сжата, и по прошествии нескольких лет карабахский миф еще окажет влияние на внутривнутриполитическую динамику Армении.

Тему потенциального перехода косовского сюжета из внешнеполитического во внутривнутриполитический продолжил доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук Д.А. Аникин. Приведение действительного положения дел в соответствие с десятилетиями выковывавшимся историческим нарративом, согласно которому «Косово – это Сербия», столкнет в противостоянии прозападную и патристически настроенные части общества.

Рассматривая возможные исторические параллели в российской и сербской истории, Даниил Александрович упомянул одну из наиболее популярных аналогий – сопоставление битв на Косовом и Куликовом поле. При этом, отметил эксперт, заявленное сходство носит лишь поверхностный характер. В то время как косовский миф является «мифом основания» для Сербии, битва на Куликовом поле не занимает столь важного места «биографии российского государства». В нынешних же условиях это «место памяти» и вовсе обладает конфликтным потенциалом, поскольку обращение к нему предполагает неудобный для современной чувствительной к этническим вопросам России рассказ о том, как «русские победили татар».

Однако есть другая заслуживающая куда большего внимания параллель: сопоставление нарратива о Косовом поле с базовым для России событием – Великой Отечественной войной (ВОВ). Косово поле – символическое место, соотносящееся с основанием нации, находится вне Сербии. Но и применительно к ситуации ВОВ значительная часть связанных с ней сюжетов, разворачивалась за пределами России. В Музее Победы в Москве

первая экспозиция – это Брестская крепость. Далее следуют города-герои Киев и Одесса.

И принципиален в данном случае следующий вопрос: если определенное событие составляет краеугольный камень национальной идентичности, а пространства, где оно разворачивалось, оказались за пределами территории той нации, для которой оно столь значимо, возникнет ли у обездоленного национального общества чувство реваншизма.

Следующий докладчик – мл. науч. сотр. отдела политической науки ИНИОН РАН Д.О. Растегаев – выступил с сообщением на тему «Секьюритизация “отмены”: дискурс о Сребренице в Республике Сербской».

Опираясь на концепции онтологической безопасности, «мест памяти» и секьюритизации, Даниил Олегович проследил «археологию» дискурса о «геноциде в Сребренице», а также дал оценку степени значимости памяти о Сребренице в «биографии» Республики Сербской (РС) (и Сербии). В основу своих теоретических построений он положил идеи Марины Мальсксоо, которая одна из первых рассмотрела процесс секьюритизации отмены, т.е. ситуации, когда неудобные эпизоды общего прошлого сознательно выбраковываются при построении официального исторического нарратива. Именно это, с точки зрения докладчика, и происходит в Республике Сербской с сюжетом «геноцида в Сребренице».

11 июля 1995 г. Вооруженные силы Республики Сербской заняли Сребреницу – мусульманский анклав на территории РС, объявленный за два года до этого «зоной безопасности» Советом Безопасности ООН. Это то небольшое, что представляется абсолютно бесспорным всем сторонам конфликта. Но далее – интерпретации так называемых западников и боснийской стороны резко расходятся с сербской версией.

В то время как Европарламент принимает резолюцию, устанавливающую 11 июля в качестве памятной даты «геноцида в Сребренице» для всего Евросоюза, в «биографии» Республики Сербской Сребреница из эпизода «вины» превращается в новый эпизод «виктимности». В рамках исторического нарратива РС акцентируется, что сербы тоже страдали в Сребренице: во время войны в 1990-х годов от рук боснийцев, во время Второй мировой войны – от рук хорватов-усташей. Признание «геноцида» и вклю-

чение его в «биографию» сильно ударит по «онтологической безопасности» сербов, нарушив их образ народа-жертвы. А последнее не отвечает интересам элит как РС, так и самой Сербии.

С позиции историко-психологического синтеза заявленную тему рассмотрела асп. Института психологии РАН С.В. Артемова с докладом на тему «Войны памяти в психологической перспективе». Она предложила посмотреть на войны памяти на Балканах с точки зрения тех эмоций и чувств, которые они вызывают или могут вызывать в конфликтующих сообществах.

Эмоции, отметила Софья Владимировна, обладают двумя свойствами: иррадиации, т.е. возможности распространения настроения (эмоционального фона) с обстоятельств, его первоначально вызвавших, на все, что человеком воспринимается, и заразительности. Учет этой специфики позволяет лучше понять общественные реакции при разговоре о конфликте.

Наконец, существует около десяти основных механизмов психологической защиты. И вовсе необязательно гнев, оформившийся как реваншизм, окажется единственной стратегией, доступной побежденному в конфликте. Общество может выбрать уход от контакта, уклониться от попыток наделить его виной, просто прервав коммуникацию. Таким образом, учет психологического измерения открывает пространство для пересмотра причин выбора той или иной стороной определенной стратегии нациестроительства.

С заключительным докладом на тему «Санкции в отношении Югославии в российском научном дискурсе» выступила заместитель декана по учебной работе ФМП МГУ канд. полит. наук Л.Д. Оганисян.

Проследив историю освещения санкций в отношении Югославии отечественным академическим сообществом, Лида Давидовна обратила внимание аудитории на то, что в 1990-е годы, когда этот сюжет был более чем актуален («декада санкций»), российские эксперты его практически не рассматривали. Активное обращение отечественных экспертов к проблематике фиксируется лишь после 2022 г.

Отчасти такое умолчание объясняется тем, что в 1990-е годы российское руководство не демонстрировало последовательной поддержки Сербии, но и заинтересованности в «подсветке» такой политики в объемных научных трудах не испытывало. Так, в част-

ности, 30 мая 1992 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 757 о введении санкций против Союзной Республики Югославии (СРЮ) в связи с действиями ее вооруженных сил на территории Боснии и Герцеговины. Были введены полная экономическая блокада и разрыв всех научных, культурных и спортивных связей между мировым сообществом и СРЮ. За санкции против Югославии, в состав которой тогда входили Сербия и Черногория, проголосовало 13 членов Совбеза ООН, в том числе и Россия¹.

С 2022 г. ситуация изменилась коренным образом, и уже мы столкнулись с давлением «всеобъемлющих санкций»: из фигуры умолчания они постепенно превращаются в еще одну тему российской дипломатии памяти.

В завершении круглого стола модератор еще раз поблагодарила всех докладчиков за информационно насыщенные и яркие выступления, отметив, что проведенная дискуссия наглядно продемонстрировала справедливость «диагноза» испанского исследователя Хосе Анхеля Руиса Хименеса, утверждавшего, что этнические группы бывшей Югославии живут в пространстве симультанной истории, где прошлое и настоящее не разделены и настоящее помогает прошлому «свершаться»². Оставаясь исключительно плотной по числу игроков зоной, Балканы еще долго будут находиться в фокусе внимания исследователей-международников.

¹ Security Council resolution 757 of 30 May 1992 [on sanctions against Yugoslavia]. – URL: <http://unscr.com/en/resolutions/757> (accessed: 24.03.2024).

² Ruiz Jiménez J.A. Las sombras de la barbarie: confrontación de memorias colectivas en los países exyugoslavos // *Balkania*. – 2012. – N 3. – P. 127–141.

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

РОЙС Дж. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АНОМАЛИЯХ САМОСОЗНАНИЯ. Часть 2 (Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: самосознание; патологии самосознания; Эго; не-Эго; социальные ситуации; привычки; чувства; эмоции.

Для цитирования: Ройс Дж. Некоторые замечания об аномалиях самосознания. Часть 2 / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 155–167.

Перевод поступил: 21.10.2023.

Принят к публикации: 15.11.2023.

ROYCE J. Some observations on the anomalies of self-consciousness. Part 2 (Translated from English)

Keywords: self-consciousness; pathologies of self-consciousness; Ego; non-Ego; social situations; habits; feelings, emotions.

For citation: Royce J. Some observations on the anomalies of self-consciousness. Part 2. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 155–167.

Received: 21.10.2023.

Accepted: 15.11.2023.

¹ Окончание. Начало в предыдущем номере.

Перевод выполнен по: Royce J. Some observations on the anomalies of self-consciousness // Psychological review. – 1895. – Vol. 2, N 6. – P. 574–584.

Пару лет назад я провел сколько-то месяцев в довольно частом и близком общении с неким молодым человеком, который, хотя и не был тогда определенно известен в своей внутренней жизни ни одному медику, являл собой вполне патологический случай более метафизического типа болезни самосознания. Он пришел ко мне за советом как молодой гений, готовый предоставить мне для прочтения свою бесконечную рукописную продукцию, в том числе свои дневники, в которые мне было позволено углубиться. Он хотел получить какой-нибудь совет относительно задуманной им карьеры поэта, человека свободной души и вообще независимой личности. Это был мужчина 24 лет, живший в благоприятных обстоятельствах, избавленный от родительского контроля, физически довольно крепкий на вид и, насколько я мог судить, вообще со здоровой вегетативной нервной системой – человек, которому определенно до сих пор удавалось справляться без каких-то особых физических неудобств с напряжением значительной распыленности. Никаких серьезных болезней в его прошлом, начиная с детства, не отмечалось. С его слов, аппетит и сон у него были хорошими; его основным эмоциональным настроением, как бы вы его ни проверяли, была устойчивая жизнерадостность, даже в моменты наибольшей растерянности; его манеры общения были мягкими и, в целом, довольно женственными в своем добродушии, своей пластичности и несколько девическом типе полузастенчивой суетности. Его друзья долго считали его экстраординарной личностью, возможно гением и определенно загадкой. В школе он преуспевал, особенно в том, что писал и публиковал в школьных журналах; он по-настоящему мастерски овладел несколькими формами стихосложения, набил руку на романтической прозе и всегда проявлял немало художественной восприимчивости. Что касается ума, то в этом плане он все еще сохранял изрядную долю подлинной наивности по поводу самого себя, несмотря на свои недуги. У него была сильная, хотя и романтически туманная любовь к природе, живым существам, маленьким детям, вообще ко всему нежному и милому, и это пристрастие опять же часто выражалось с относительно женской восторженностью и простотой.

Так вот, на основу этой ребяческой и до сих пор остро впечатлительной натуры, с ее чувствительной, но физически энергичной *naïveté*, наложилась вторая натура, окрашенная и частично де-

терминированная, по видимости, унаследованной склонностью и приобретенными привычками его половой жизни. Последняя постепенно превратилась в жизнь, полную излишеств и отчетливой и открыто защищаемой распущенности. Его расстройства в этом отношении усугублялись значительными капризными вспышками пьянства, многочисленными сигаретами и обильным крепким кофе. В отношении всех этих привычек мой подопечный был абсолютно упорен, ни на единый миг в них не раскаивался, никогда не был внушаемым в этой области своей жизни и иногда становился, когда я принимался рассуждать с ним на такие темы, странно брутальным по тону, особенно в письмах, которые он мне писал, что резко контрастировало с мягкостью, проявляемой им в моей компании, и с почти единообразной внушаемостью его настроений, когда мы разговаривали с ним один на один. Эти инциденты того, что оказалось явно патологической любовью к возбуждению, были однако не самым непосредственным из симптомов ментального нарушения. Во всяком случае, эти легкомысленные развлечения были не просто брызжущим через край избытком расточительно энергичной физической натуры. Они были, как выяснилось, сопровождением весьма зловещей эксцентричности общего душевного темперамента. Уже в сочинениях, созданных в позднем детстве и предоставленных мне среди прочего, мой подопечный демонстрировал сильную склонность к частично бессвязному обилию полуавтоматических цепочек слов, образов и идей. Эта черта сохранялась в нем все то время, пока я его знал, и, хотя она очевидно усугублялась его эксцессами, я вообще не мог связать ее происхождения с этими привычками. Ведь все элементы этого процесса уже присутствовали в том, что он писал в пятнадцать лет, в то время как его физические привычки развились недавно. Эта черта никогда не проявляла себя в его речи в более или менее такой же форме, как в его письме. В его сочинениях в школе и в школьных газетах его дефекты не проявлялись. Но они были очевидны во всем, что он писал для самого себя. Именно когда он был один, импульс к этому полуавтоматическому мышлению, воображению, мечтанию и письму захватывал его. Затем начинались процессы, характер которых был вполне отчетливым и очень часто повторяющимся. На ум приходила полностью воображаемая сцена или ситуация, обычно представляемая в довольно живых зритель-

ных образах, и мой подопечный принимался плести историю об этой сцене, разрабатывать материал в стихотворении или писать эссе. С самого начала эта сцена или ситуация казались самому этому человеку, однако, не просто началом возможной цепочки волевой продукции, но и действительно значащим *символом* чего-то довольно таинственного или очень туманного; и его процесс сочинения всегда был попыткой *разобраться, что этот символ значит*. Искренность этой его внутренней установки по отношению к своим символическим образам я имел случай по-разному проверить, и я полностью уверен в подлинности экспрессий моего подопечного в этом отношении. До сих пор у него не было, разумеется, ни единого следа какой-либо системы интерпретации и никаких действительных заблуждений по поводу реального существования какого-нибудь определенного вида мудрости, достижимого этим путем. Но внутренние вопросы – «Что значит этот символ? Что это такое мне явилось? Как я могу выяснить, что я имею в виду этой идеей?» – все они в таких случаях были прямо-таки настоящими вопросами, и они навязывали этому человеку запутанный и захватывающий род раздумий, который наполнял очень значительную часть его жизни, когда он был один, и определял в то время, когда я знал его, весьма оживленную погруженность в сочинительство. Символы из раза в раз сильно менялись как в содержании, так и по роду значимости. Иногда это были романтические ситуации, где были леса, разрушенные замки, таинственные усадьбы, уединенные водные потоки. Иногда в них, видимо, присутствовало больше чисто метафизической импликации. Результатом появления такого символа могли быть целые часы молчаливых раздумий или полуавтоматического письма, проводимые с сильным чувством, соединявшим в себе удовольствие и озадаченность, и с изрядной долей заметных, но капризных изменений в телесных ощущениях – приливами крови к лицу и другими физическими возбуждениями разного содержания, которые часто старательно отмечались, пока этот человек писал. Результатом никогда не было разрешение загадки; напротив, путаница всегда только нарастала, пока он в изнеможении не бросал это дело. Большинство действительно завершенных сочинений составляли короткие стихотворения, редко или никогда не свободные от ряда заметных недостатков в форме, но иногда определенно умелые, а в

каких-то случаях примечательно связные и даже сами по себе многообещающие. В этом моему подопечному помогали его широкая начитанность и чувство стихотворной формы, хотя опять же влияние Уолта Уитмена часто было катастрофическим. При всем при том, стихотворения никогда не решали его проблем. С другой стороны, его проза все время, пока я его знал, оставалась фрагментарной. Она была посвящена упомянутым символам и, как следствие, была безнадежно бесформенной, часто вырождаясь в разных местах в откровенную невнятицу. В такие моменты автор явно сказал бы, что имеет дело с невыразимым и должен просто делать то, что получится. В композиции этой прозы преобладал вышеупомянутый зловещий и неконтролируемый автоматизм ассоциативных процессов. В ней массами толпились образы, самоанализ, новые загадки, иногда новые символы. Автор мог лишь смотреть на них и отчитываться о своих вдохновениях. Разумеется, он никогда не терял полностью нить своего изначального изыскания и часто снова возвращался к своей отправной точке, делая это так, что была очевидна настоятельность его преобладающего вопроса. Но рассказ, эссе, анализ или исповедь, которым символ давал толчок, были хаосом записанных без всякой пользы раздумий, столь же выходящих за рамки рационально определенного контроля, как и его зачастую яркие сновидения, когда он по-настоящему спал. Характерным для данного случая было, однако, то, что настойчивое чувство удивления и запутанности во всем этом сочинительстве никогда не покидало его, и одно это придавало его бумагам подлинное единство и оберегало их от простой регистрации полета идей. Они не приносили результата, но у них всегда была точно определенная цель, а именно: разрешить загадку значения этого символа.

Но мой подопечный не жил совсем один. Его развлечения происходили в компании; в эту компанию входило много людей. И тут проявилась другая сторона этого случая. Его социальная чувствительность, на которую, как я рассудил, влияла его весьма чувственная натура, была так же примечательна, как и его автоматические процессы. В разговоре, как я уже говорил, он был чутким и восприимчивым. Чувство смятения редко полностью покидало его и часто побуждало его говорить курьезно рвано и фрагментарно, несколько путано, но никогда с тем обильным автоматическим

словоизлиянием, как это было в письме. Отдельно от этого, однако, его социальная чувствительность проявлялась в форме бесконечной серии несколько женственных и изредка неловких поз. Он принимал разные установки, выражал разные настроения, идеалы, цели в зависимости от того, к чему его подталкивал разговор. Сам он иногда жаловался на внутреннее ощущение неискренности в этих позах, хотя в последних действительно был тот же род автоматической неискренности, который отмечается в драматических установках многих более или менее истерически настроенных женщин, которые, находясь в компании, не просто обычным образом пластичны, а фатально пребывают во власти сиюминутно внушенного разговорного настроения, хода разговора или исполняемой роли. Конечно, у моего подопечного даже в худшем случае никогда не было столь широкого репертуара поз, как у истерически настроенной женщины; его постоянно сдерживало его упорное внутреннее удивление в отношении того, зачем он все это делает и говорит, в то время как, вероятно, ничего такого не намеревался. Здесь, следовательно, был второй источник путаницы в его жизни. Для того, кто видел дурную компанию так же много, как этот человек, и искал так же много других видов компании, эта автоматическая внушаемость скорее всего оказалась бы почти такой же дезорганизующей, как и его упорные одинокие размышления.

Для завершения картины нужно только заметить, что социальная чувствительность моего подопечного особенно проявляла себя в виде ряда интенсивных и мгновенных впечатлений, возникших у него в отношении характеров людей, когда он впервые с ними знакомился. Эти абсолютно самоуверенные мнимые интуиции явлений характера, которые, как вы все несомненно знаете, нередко как автоматический эмоциональный процесс у некоторых чувствительных особ, у моего подопечного обычно принимали ранее описанную характерную форму. А именно, у него это были интуиции, проявлявшиеся как символы – таинственные, влекущие, озадачивающие, наподобие символов его одиноких раздумий. Только эти символы характеров приходили к нему как рефлексы всякий раз при первой встрече с человеком, случайно привлечшим его внимание. При виде такого человека в уме его сразу вспыхивал символ – или некая сцена, или типичный мифический акт, совершающим который этот человек мгновенно зрительно представлял-

ся, или опять же всецело таинственный неодушевленный объект, или внутреннее видение другого человека, явно очень на него не похожего. Этот символ приходил с ощущением: «Это означает то, чем по сути является этот новый знакомый». Но вместе с тем приходил и упрямо звучащий вопрос: «Что этот символ значит?» Ибо у этого символа редко было хотя бы какое-то надежное значение, а то и вовсе никакого не было. Только что бы ни узнавал после мой подопечный о характере нового знакомого, все это, как он говорил, всегда встраивалось в этот символ и служило его подтверждением или объяснением. Итак, этот символ, разумеется, никогда не оказывался неприменимым. При этом в дальнейшем общении мой подопечный всегда с упрямым усердием следил за каждым намеком, который новый знакомый давал в отношении своей подлинной личности. Поэтому мой подопечный любил вглядываться с характерным напряженным вниманием в лица и движения людей. Это задумчиво любопытное глазение он, в силу своей социальной гениальности, старался скрыть. Вдобавок его зачастую озадаченная самопоглощенность в сочетании с другими мотивами придавала игре его лица и его жестам, когда он был в компании, видимость необычайно неравномерную и непостоянную. То он долго и упорно смотрел с загадочной улыбкой вниз, на свои руки, то украдкой застенчиво поглядывал вверх, когда говорил, то, давая волю своему любопытству к изучению характера, прямо и пристально глядел на вас с выражением полной поглощенности и, принимая снова одну из упомянутых драматических поз, отдавался мгновенному настроению и действовал более или менее цельно по характеру, добавляя к этому часто замечание, что при всем при этом он сомневается в собственной искренности. Но в искренности опытов с символами характера не могло быть никаких сомнений. Ибо некоторые самые длинные его эссе были посвящены штудиям характера, основанным именно на таких символах, чьи возможные значения он разрабатывал в вышеупомянутой бесформенной манере. Образы, таящиеся в этих символах, часто имели в остальном подозрительно грубое и циничное содержание.

Здесь, следовательно, исходя из вышеизложенной теории, содержались самые многообразные материалы для аномальных привычек самосознания: заметно изменчивая общая восприимчивость, усиленная у моего подопечного умеренно раздражающими

результатами токсических и иных излишеств; обширный набор поразительных автоматических ассоциативных процессов, обычно ощущаемых как неуправляемые; внутреннее упрямство своеволия, неустойчиво соединенное с избыточной социальной пластичностью, которая выражалась в многочисленных позах, также неконтролируемых; коллекция социально детерминированных эмоциональных рефлексов, выражавших себя для сознания в форме вышеупомянутых символов характера и приводящих к всепоглощающей склонности размышлять с безрезультатным любопытством над внутренней жизнью других людей. Все это происходило в мозгу с превышающим среднее, хотя и бесформенным богатством интеллектуальных процессов и у человека, обладавшего некоторым художественным вкусом и восприимчивостью, а также значительным, хотя и решительно неправильным воспитанием.

Актуальным результатом было довольно монументальное расстройство самосознания, пронизывающее всю работу и жизнь этого человека. То, что среди прочего этот человек в данный момент играл в изучение философии, вы, вероятно, сочтете неудивительным; но его философские изыскания были грубейшего и самого фрагментарного рода и служили лишь тому, чтобы дать ему несколько фраз, в которые он мог облечь свои загадки; в остальном же я предостерегал его от всяких подобных исследований, как только более или менее разобрался в его состоянии. Таким людям, как он, говорил я ему, философия может на самом деле лишь навредить. Какими бы фразами он ни пользовался, за ними не было никакой серьезной философской рефлексии и никакого иного теоретического мотива, который направлял бы его, когда он размышлял над бесконечной и настоящей проблемой проблем его жизни, а именно над вопросом: «Кто я такой, чего на самом деле хочу и что я значу в этом мире?» С 15 лет, как он из раза в раз повторял в разговорах со мной, он просто ждал в нарастающем хаосе, в праздности, в развлечениях, перемежающихся с сочинительством, – ждал, когда прольется свет на то, кто он такой и для чего он здесь. С патетическим рвением он молил меня прояснить его случай и ответить на его вопрос, чтобы он мог научиться жить и увидеть свой путь из мрака. Но фактически, поскольку в эмоциональном отношении он был человеком веселым, несмотря на все свои сложности и порою острые страдания, он, в сущности, вовсе

не хотел найти выход. Его реальный интерес в приходе ко мне был в том, чтобы просто получить слушателя. Однажды он назвал свой внутренний мир, каким он был, своей сказочной страной. Он был явно настроен остаться в ней – и, в конце концов, насколько мне удалось проследить его карьеру, там и остался. На несколько лет я потерял его из виду. Конечно, пока он был рядом, я делал то, что мог; но случай был слишком уж темпераментный для скольконибудь эффективного лечения.

Завершить этот краткий очерк должен один пример стиля письма моего подопечного. Я выбрал его почти случайно, но не ради иллюстрации того, что было в моем подопечном наименее здоровым. Наоборот, это небольшое отклонение от нормы, которое часто наиболее поучительно. Мои документы об этом случае дают мне такие процессы десятками. И этот пример ни в коем случае не относится к худшим с точки зрения связности. Нет никаких причин предполагать, что следующий пассаж был написан под каким-либо прямым токсическим влиянием, и то, что я знал о привычках моего подопечного, делает такую гипотезу в данном случае совершенно ненужной. Это была его рутинная манера полуавтоматических размышлений, когда он был наедине с собой. В этом случае он писал час или два – в эссе, которое спонтанно готовил для моих глаз, – по поводу некоторого идеала, явившегося ему после прочтения «Популярной астрономии» Ньюкомба; этого идеала безличной и божественной хладнокровной мудрости, как он тогда фантазировал, он желал достичь. Ниже следует описание войны между этим идеальным родом самости и страстями его обычной чувственно хаотичной жизни:

«Я намерен попытаться оправдать себя. Судите сами. Я какое-то время послушаю, когда вы полностью определитесь в отношении меня. Думаю, я играю частями своего характера, чтобы избавиться от них. Знаете ли, думаю, у меня вообще нет никакой идентичности, в самой глубине. Я представляю ее, когда так пишу. Я чувствую себя почти сумасшедшим. Я, стало быть, вне моего обычного Я личного контакта – и той брезгливой восприимчивости, когда я бываю порой задет за живое живыми формами, окружающими меня во взаимодействии с ними. Вот ваша глубочайшая проблема психологии – идентификация с абсолютном. Я полагаю все это всерьез. Хочу, чтобы вы это рассмотрели. Мои ощущения в

этих случаях крайне своеобразны и сложны. Я чувствую себя за пределами того, что полагал сам собой, абсолютно, но все же брезжит воспоминание, и когда я останавливаюсь и прислушиваюсь к воспоминанию, приходит острый конфликт – предельно острый конфликт, – смешанное чувство в отношении себя, как если бы я был двумя личностями, двумя Я – и другое Я сначала обращалось к одному, потом к другому (и все же это не *реальное* Я – и все же опять-таки не нереальное) и решало, которое из них правильное. Когда чувствуешь безличное Я, чувствуя в то же время, что оно *должно* каким-то образом включить в себя личное брезгливое Я – то, чьи желания утоляются, – которое наслаждается существованием, миром – едой, питьем, любовью, и чувствуешь, если оно не может этого иметь, как оно должно отвергнуть все радости существования – все, что делает жизнь стоящей того, чтобы жить, – как, если оно приносит самое себя в жертву, оно должно чувствовать себя бесконечно хуже, чем оно чувствует тогда, когда из собственной головы вытаскивают крайне большой зуб, – насколько же оно было бы *сумасшедшим* – безумным, – будучи другим Я, чем естественное, – и все же чувствуя, что личное Я *должно* уйти – что большой зуб должен быть выдран раз и навсегда – и все же что оно *не* может – абсолютно *не может* избавиться от него – ибо тогда оно было бы (да, я имею это в виду – это ощущение) *ничем* – или сумасшедшим – не мной самим – просто машиной – каким-то образом, – что оно не может реализовать себя иначе, и именно так чувство уходит с личным Я в преобладании, – только тогда безличное Я так туманно, так далеко – за исключением того, когда пишет таким образом и в некоторых других схожих случаях увлеченности – или при мышлении о своем будущем поведении, и т.д.

Итак, обновиться – факт обновления возвращает меня, конечно, ближе к узкому личному Я. – О, как я могу избавиться от этого Я! – безумие – без радостей существования – ничто – машина – не Я вообще – ибо у сэра Исаака Ньютона было решительное Я – и такое же у профессора Х., – все они узкие более или менее (и как я могу пожертвовать сам собой – это тело и мозг не могут даже удержать расширенную сравнительную безличность сэра Исаака, не сойдя с ума, – будучи рядом со своим Я – вне своего Я, – ведь он был так устроен, чтобы быть этим сравнительно безлич-

ным Я. Он был – а я нет, – я чувствую это. Но время покажет, при условии постепенности изменения, не так ли? – А я между тем избавляюсь от значительной части бремени здесь – если ассоциации не нагрывают снова слишком сильно).

Моя тема выросла. Я жду, что ухвачу нити, а затем, по возможности, сжато выражу мысль. – Меж тем у меня жар. Моя голова забита. Я уже почти чувствую это безличное Я (какая странная фразеология: “безличное Я”. – Эта ремарка часть личного Я). Я чувствую без обычных телесных ощущений – это факт – без обычных ощущений, мыслей – способов мышления, – и все же переполненный и жаркий в голове и теле. – Поэтому, говорю я себе самому, я вверяю себя вам, дабы вы извлекли из этого пользу, какую сможете. Личное Я – самое узкое – вопиет о вознаграждении – говорит, что я глупец – глупец даже в том, что говорю это слово “глупец”, – говорит, что надо мною могут посмеяться. – Более безличное выходит на сцену и говорит: А какая разница? Ты (т.е. я) можешь быть глуп, но он (вы, профессор Ройс) получает от этого пользу – а он понимает – ты хочешь быть понятым – у тебя нет никакой цели – никакой особой цели даже в этом, – *но* пусть написанное дойдет до него. Какая, в конце концов, разница? – А он извлекает из этого пользу – и ты выражаешь себя, что, в конце концов, хорошо – но опять же для кого? – тебя самого – меня самого. Какова цель опять-таки? – справедливость? любовь? Кто ощущает любовь? Любовь к профессору Ройсу? – Почему он смеется как-то по-особому – услаждает себя концертами симфонического оркестра – *вообще* не для абсолюта и прогресса человеческого рода. Возможно, сейчас он смеется. – Кто? Профессор Ройс – надо мной, – тогда я брошу писать, – но опять же: Какая разница? Но если нет возражений, еще раз ответьте мне. Зачем я пишу? В конце концов, должно быть, для самого себя. Нет – да, – но снова какая разница? Ради самого себя еще раз – ради любви – ради самого факта, что вы равнодушны, – снова нет и да, и т.д. Таким образом, состязание продолжается, и, в конце концов, я продолжаю писать – да, думаю, для себя. Думаю, я уверен в этом».

Выдвинутые мною выше тезисы были следующими.

1. Самосознательные функции, в первичном их аспекте, все до единой являются социальными функциями, ввиду привычек человеческого общения. Они предполагают презентацию некото-

рого контраста между Эго и не-Эго. Этот психологический контраст – прежде всего контраст между собственным актом, идеей, намерением или иным опытом субъекта и опытом, который он считает представляющим состояние другого ума. При помощи постепенно приобретаемых привычек этот контраст рано расширяется, вбирая контраст между его собственными внутренними состояниями и представляемыми реалиями, составляющими физический мир.

2. В первичных случаях контраста между Эго и не-Эго первое – Эго – всегда включает (по причинам, которые были объяснены выше) наличные модификации общей восприимчивости и переживания чувства контроля там, где они вообще присутствуют. Последнее, психологическое не-Эго, является более холодной, более локализованной и менее контролируемой массой ментальных содержаний.

3. Эмоциональные состояния и вообще все те модификации общей восприимчивости, которые единообразно сопровождают любой из наших социальных рефлексов, становятся, по ассоциации, связанными с нашими воспоминаниями и идеями социальных ситуаций и не могут быть повторены, не напомнив нам более или менее ясно или смутно о таких социальных ситуациях в индивидуальной или суммарной форме.

4. Когда вспоминаются или воображаются социальные ситуации, заключающие в себе частные контрасты Эго и не-Эго, мы становимся самосознательными в памяти или в идее. Когда эмоции, ассоциированные старой привычкой с социальными ситуациями, предполагают смутно или суммарно такие ситуации с сопутствующим контрастом Эго и не-Эго, наше самосознание соответствующим образом окрашивается. Наконец, когда изменчивые содержания нашего обособленного сознания предполагают там или иначе по ходу дела контрасты, либо напоминающие нам о социальном контрасте между Эго и не-Эго, либо побуждающие нас к актам, предполагающим социальные привычки вроде вопрошания или внутренней речи, мы становимся рефлексивно самосознательными, даже находясь в одиночестве, наедине со своими состояниями.

5. Аномалии самосознания – это (1) первичные изменения общей восприимчивости или иных содержаний преходящего соз-

нения, которые смутно или ясно предполагают аномальные социальные ситуации, контрасты и функции; либо это (2) первичные аномалии в самих социальных привычках человека. Эти две формы могут, конечно, в какой-то степени сочетаться друг с другом.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2024 № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 05.12.2024

Формат 60×84/16	Цена свободная
Усл. печ. л. 10,5	Уч.-изд. л. 8,7
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6